

МВ и ССО РСФСР
УРАЛЬСКИЙ ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ ИМ. А. М. ГОРЬКОГО

ФОРМАЦИОННЫЙ АНАЛИЗ В СИСТЕМЕ КАТЕГОРИЙ ИСТОРИЧЕСКОГО МАТЕРИАЛИЗМА

Печатается по постановлению редакционно-издательского совета Уральского ордена Трудового Красного Знамени государственного университета им. А. М. Горького

Формационный анализ в системе категорий исторического материализма. Сборник научных трудов. Свердловск: Изд. УрГУ, 1983. 152 с.

В межвузовском сборнике исследуются проблемы общественно-экономических формаций с использованием методологического потенциала категорий исторического материализма в их взаимосвязи. Такой подход позволяет углубить понимание ряда понятий марксистской социальной науки, наполнить их конкретно-историческим содержанием, усилить методологическую и мировоззренческую значимость. Формационные процессы анализируются с помощью категорий «деятельность», «социальное время», прослеживается принцип историзма в исследовании формационного синтеза, выясняется соотношение категорий «общественно-экономическая формация» и «цивилизация», раскрываются исторические формы целеполагания в докапиталистических формациях. В статьях анализируются малоисследованные категории исторического материализма «социальное», «управленческие отношения», «производительное потребление», «социальное время» и др., которые вводятся в категориальный аппарат теории общественно-экономической формации.

Редколлегия: профессора **Г. П. Орлов** (Уральский университет) — отв. редактор, **Г. В. Мокроносов** (Уральский политехнический институт), доценты **Ю. П. Андреев** (Уральский университет), **В. И. Копалов** (Уральский университет)

От редколлегии

Мы живем в эпоху перехода от капитализма к социализму во всемирном масштабе. Оценивая значение столетия, прошедшего после смерти Карла Маркса, Генеральный секретарь ЦК КПСС Ю. В. Андропов писал, что это «век драматических потрясений, революционных бурь, коренных перемен в истории человечества. Век, опрокинувший, разметавший множество философских концепций, социальных теорий, политических доктрин. И век следующих одна за другой побед марксизма, его возрастающего воздействия на общественное развитие»¹.

Насущные задачи современности — мировой революционный процесс и социальная практика становления и развития реального социализма — требуют глубокого теоретического осмысления с позиции марксистско-ленинской теории общественно-экономических формаций. Формационный анализ предполагает взаимопроникновение теории и истории рассматриваемой проблемы. Авторский коллектив межвузовского сборника стремится показать методологическое значение категории «общественно-экономическая формация» и вместе с тем выявить ее роль в анализе актуальных процессов. Такое исследование требует в равной степени серьезного теоретического осмысления, систематического обращения к идейному наследию классиков марксистско-ленинской философии и использования в качестве источников теоретических партийных документов, в первую очередь материалов XXIV—XXVI съездов КПСС. В целях научной объективности и доказательности излагаемых проблем авторы привлекли материал из области исторической науки, политэкономии, научного коммунизма, истории философии, этики, науковедения, психологии и других гуманитарных наук.

Марксистско-ленинская теория общественно-экономической формации рассматривает всемирно-исторический процесс с точки зрения диалектического взаимодействия: его единства и многообразия, общего и единичного, логического и конкретно-исторического. Подобный подход, раскрывающий закономерности развития той или иной формации, в то же время демонстрирует

¹ Андропов Ю. В. Учение Карла Маркса и некоторые вопросы социалистического строительства в СССР.— Коммунист, 1983, № 3, с. 9.

многообразие вариантов различных конкретных обществ, относящихся к единому формационному типу.

Формационный анализ социальных процессов осуществляется в настоящем межвузовском сборнике, во-первых, непосредственно в аспекте методологического значения марксистско-ленинской теории общественно-экономических формаций в отношении к различным разделам исторического материализма. В этом плане значительное внимание уделяется характеристике принципов и познавательных процедур, а именно принципу историзма, формационному синтезу. Здесь же в дискуссионном аспекте рассматривается значение понятия «социальное» с точки зрения общественно-исторического процесса. Немаловажное теоретическое и практическое значение имеет исследование межформационных переходных периодов как в отношении современного революционного процесса, так и для характеристики стран, ориентирующихся на социалистический путь развития.

Во-вторых, формационный анализ осуществляется через взаимосвязь категорий исторического материализма с позиции деятельности подхода. С использованием методологического потенциала «деятельности» анализируются проблемы социального времени, единства всеобщего и конкретно-исторического в трудовой деятельности, единства производства и потребления, места и роли производительных сил в научной деятельности, исторические формы целеполагающей деятельности человека.

В-третьих, формационный анализ последовательно проведен через характеристику конкретно-исторических общественных отношений. Формационная принадлежность общественных отношений исследуется в выяснении роли управленческих отношений, в анализе потребностей личности и проблемы преемственности поколений как выражения конкретно-исторических общественных связей.

В-четвертых, формационный анализ применяется к исследованию социалистического образа жизни, к характеристике условий развития личности, науки и нравственных отношений в социалистическом обществе, а также к развитию категориального аппарата марксистско-ленинского общественнознания.

Указанные аспекты исследования демонстрируют взаимообусловленность категорий исторического материализма, отражающих развитие различных сфер общественной жизни. Они рассматриваются через призму формационной принадлежности и выражают единство истории и современности.

В. И. КОПАЛОВ
Уральский университет

Принцип историзма в исследовании межформационного переходного периода

Среди теоретико-познавательных средств марксистско-ленинской философии важное место занимает принцип историзма, ибо выяснение сущности социальных процессов предполагает исследование их исторического развития. Систематическое применение принципа историзма в историческом материализме придает философскому исследованию содержательность, научное обоснование, дает возможность выйти за пределы сугубо логических операций в характеристике социальных процессов. В связи с этим необходимо выяснить эвристическую значимость принципа историзма в исследовании такой узловой проблемы исторического материализма, как процесс перехода от одной общественно-экономической формации к другой, применить его к проблеме формационного синтеза.

Наряду с принципами материализма, детерминизма, системности и партийности принцип историзма является одним из основополагающих средств марксистской гносеологии. Принципы, будучи итогом теоретического освоения мира человеком, вместе с тем оказываются исходным началом, основанием научной концепции, правилом осуществления познавательных операций. Принцип историзма является общеприродным принципом; универсальность, всеобщность — наиболее важные его характеристики. Без историзма ныне немыслимы науки как общественного, так и естественного цикла.

Эвристическая значимость этого принципа в исследовании социальных процессов состоит в том, что историзм дает обоснование закономерности общественного развития. По словам В. И. Ленина, марксизм поставил вопросы общественного развития на «историческую почву, не в смысле одного только объяснения прошлого, но и в смысле безбоязненного предвидения будущего и смелой практической деятельности, направленной к его осуществлению»¹. Сущность историзма заключается в рассмотрении изучаемого предмета с точки зрения его становления,

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 26, с. 75.

развития и исчезновения. Характерна в этом отношении оценка «Капитала» К. Маркса, значение которого состоит «в выяснении тех частных законов, которым подчиняются возникновение, существование, развитие, смерть данного социального организма и замещение его другим, высшим»². Эта оценка включает в себя целую программу, характеризующую не только методологическое значение принципа историзма, но и составляющие его элементы.

В теоретическом исследовании принцип историзма реализуется через совокупность методов, среди которых прежде всего надо назвать генетический, сравнительно-исторический и конкретно-исторический. Эти методы не могут быть отождествлены, ибо несут в себе различную смысловую и содержательную нагрузку, отражая многосторонние связи исторических процессов, объектов и явлений. Принцип историзма в исследовании связи между прошлым, настоящим и будущим предполагает также использование методов экстраполяции, прогнозирования и теоретической реконструкции прошлого. «Историзм как научный принцип не ограничивается описанием хронологической последовательности событий и явлений, не замыкается в области их эмпирической констатации, а раскрывает механизмы и закономерности исторического процесса»³.

В области исторического материализма принцип историзма реализуется в исследовании диалектики прерывности и непрерывности социальных процессов, их повторяемости и неповторимости, в анализе синхронистического и диахронического аспектов общественных явлений, в диалектике старого и нового, общего и единичного, логического и исторического. В связи с этим мы и переходим к исследованию проблемы формационного синтеза под углом зрения принципа историзма.

* *
*

Межформационные переходные периоды демонстрируют диалектику прерывности и непрерывности в общественном развитии. Но если характеристика прерывности рассматривается в системе понятий социальной революции, как наиболее полном выражении диалектического скачка, перерыва постепенности, то идея непрерывности реализуется в понятии формационного синтеза, являющегося сердцевиной переходного периода. Основным содержанием любого переходного периода является смена старой, изжившей себя формации новой, более прогрессивной. Исследуя вопрос о становлении, синтезе новой формации, мы неизбежно сталкиваемся с антиномией: с одной стороны, возник-

² Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 23, с. 21.

³ Диалектика научного познания. Очерки диалектической логики. М., 1978, с. 71.

новение новой формации нельзя объяснить иначе, как вывести ее становление из элементов, «обломков» прежней формации; с другой — возникновение новой формации принципиально невозможно свести к сумме элементов прежней формации. В этом случае мы обнаруживаем диалектику непрерывности и прерывности в общественном развитии. «Эпохи истории общества,— говорил К. Маркс,— подобно эпохам истории земли, не отделяются друг от друга абстрактно строгими границами»⁴. Вместе с тем классики марксистско-ленинской философии фиксировали и перерыв постепенности в общественном развитии, который объясняет возникновение нового качественного образования.

Каким образом вопрос о формационном синтезе, о становлении новой формации исследуется в советской исторической и философской литературе? Первоначально идея синтеза была сформулирована и применена советскими историками к характеристике становления феодального общества в Западной Европе как проблема феодального синтеза⁵. Феодальный синтез понимается в этом плане как становление феодализма на основе античных и германских начал, а различные комбинации последних дают различные варианты синтеза. «В конечном счете эта диффузия совершилась,— писал Б. Ф. Поршнев,— она и только она знаменовала конец рабовладельческой общественно-экономической формации»⁶.

Однако в указанных работах идея синтеза понимается довольно узко: во-первых, речь идет лишь о феодальном синтезе; во-вторых, феодальный синтез трактуется как возникновение качественно нового состояния общества из элементов параллельно сосуществующих обществ. По нашему мнению, идея синтеза может быть применена к становлению любой общественно-экономической формации и в этом качестве исследована с позиции принципа историзма как **проблема формационного синтеза**. Но в этом случае формационный синтез надо рассматривать не только как «диффузию» параллельно сосуществующих формационных организмов, но прежде всего как становление новой формации на основе достижений старой, под углом зрения последовательности в их существовании. Если в первом случае наблюдается горизонтальный аспект в исследовании синтеза, то во втором — вертикальный аспект.

Логическая триада тезис — антитезис — синтез вполне применима к исследованию смены формаций, где в качестве тезиса выступает прежняя формация, в качестве антитезиса — процесс

⁴ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 23, с. 382.

⁵ См.: Поршнев Б. Ф. Феодализм и народные массы. М., 1964; Неусыхин А. И. Дофеодальный период как переходная стадия развития от родоплеменного строя к раннефеодальному.— *Вопр. истории*, 1967, № 1; Люблинская А. Д. Типология раннего феодализма и проблема романо-германского синтеза.— *Средние века*, 1968, вып. 31; Удальцова З. В., Гутнова Е. В. Генезис феодализма в странах Европы. М., 1970.

⁶ Поршнев Б. Ф. Феодализм и народные массы, с. 512.

ее разложения и в качестве синтеза — процесс генезиса, становления новой формации. В этом смысле формационный синтез надо понимать как содержание переходного периода, диалектического скачка от одной формации к другой. Формационный синтез — процесс создания качественно нового типа общества, процесс переплавки, перевоплощения, трансформации элементов прежней формации (или формаций) в новую. И уже в рамках подобного понимания формационного синтеза мы можем выделить его варианты. Первый вариант — относительно автономное развитие формационного социального организма или совокупности таковых. Образцом этого варианта при переходе от родового строя к рабовладению могут служить Афины, которые, по выражению Ф. Энгельса, «представляют собой самую чистую, наиболее классическую форму: здесь государство возникает непосредственно и преимущественно из классовых противоположностей, развивающихся внутри самого родового общества»⁷. Византия — образец относительно автономного перехода от рабовладения к феодализму, а Япония — от феодализма к капитализму. Кстати, на примере Японии можно фактически проследить все этапы перехода от одной формации к другой, демонстрирующие максимальное отсутствие внешних влияний.

Второй вариант синтеза наблюдается там, где внутренне обусловленный процесс перехода к новой формации отягощен, нарушен внешними факторами — ассимиляцией, колонизацией, завоеванием, колониальным захватом. Однако завоевание не является конечной причиной становления новой формации, оно может быть лишь катализатором, ускоряющим процесс перехода. Этот вариант чаще всего связан с историческим взаимодействием различных социальных организмов, стоящих на разных ступенях общественного прогресса. Противоречивый характер развития антагонистических обществ всецело проявляется в этом варианте. Капитализм в Индии, по мнению Маркса, разрушил архаические социальные структуры и втягивал их в орбиту цивилизации, но вместе с тем закреплял господство феодалов и других местных реакционных сил⁸. По мере развития общества второй вариант синтеза становится преобладающим.

Процесс формационного синтеза логически можно разделить на следующие этапы:

- 1) загнивание и разложение прежней формации;
- 2) вызревание элементов новой формации в рамках старой;
- 3) возникновение и развитие симбиозных форм, соединяющих в себе качества, порядки обеих формаций;
- 4) отрицание симбиозных форм системными элементами новой формации;
- 5) развитие новой формации на своей собственной, адекватной ей основе.

⁷ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 21, с. 169.

⁸ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 9, с. 135.

Эти фазы в той или иной степени свойственны возникновению каждой формации. В свою очередь они могут быть исследованы применительно к различным сферам общественной жизни — материальной, социально-политической и духовной. Идею формационного синтеза можно спроецировать на любую проблему исторического материализма, ибо в условиях переходного периода более рельефно видны новые аспекты общественного развития, которые сокрыты в условиях относительно спокойного внутриформационного развития. Здесь мы видим лабильность социальных форм, своего рода «обнаженные россыпи», нечто подобное тому, как в романах Ф. М. Достоевского герои поставлены в такую экстремальную ситуацию, что одновременно обнажены их положительные и отрицательные черты, «идеал мадонны» и «идеал содомский». Генезис формации, формационный синтез дает возможность как бы заново осветить и проявить многие проблемы, ибо здесь наблюдается резкая смена ритмов общественного развития.

Наибольший интерес вызывает среднее звено формационного синтеза — симбиозные образования, относящиеся к сфере материального производства. «Переворот в общественном способе производства, — писал К. Маркс, — протекает среди пестрого хаоса переходных форм»⁹. К таким симбиозным образованиям можно отнести колонат, мануфактуру и НЭП. Эти формы заключают в себе одновременно элементы старого и нового качества и вместе с тем не являются системообразующими элементами ни старой, ни новой формации. Они исключительно порождение переходного периода. Заметим, что анализ симбиозных форм надо рассматривать сквозь призму социальной революции, которая, в конечном счете, обуславливает переход к новой общественно-экономической формации.

Колонат — характерный продукт переходного периода от рабовладения к феодализму, специфическая симбиозная форма, совмещающая в себе порядки обеих формаций. Внедрение новых экономических форм в рамках рабовладельческого способа производства было вызвано кризисом рабовладения как системы хозяйства. «То был безвыходный тупик, в который попал римский мир, — говорил Ф. Энгельс, — рабство сделалось невозможным экономически, труд свободных считался презренным с точки зрения морали. Первое уже не могло, второй еще не мог быть основной формой общественного производства»¹⁰. В этих условиях происходила замена рабовладельческих латифундий мелкими наделами, которые передавались колонатам.

Какими же элементами колонат как социально-экономический институт был связан с рабовладением и феодализмом? Ответ на этот вопрос мы находим в статье В. И. Кузищина:

⁹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 23, с. 484.

¹⁰ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 21, с. 149.

«Являясь переходной формой от рабовладения к крепостничеству, колонат имеет черты сходства как с тем, так и с другим. Прикрепление колонов к земле, наличие собственного хозяйства, мелкое землепользование, исчисление арендной платы из доли урожая, минимальная связь с рынком сближают колонатные отношения с крепостничеством. По своему юридическому положению колон приближается к рабу»¹¹. Первоначально колоны были свободны и экономически, и юридически. Однако с III в. н. э. римское законодательство осуществляет юридическое прикрепление колонов к земле и они теряют право свободного передвижения. Колоны, как социальный слой, формировались из разных групп зависимого сельского населения, различающихся по своему происхождению и социальному положению. Создание карликовых хозяйств привело к формированию нового сословия в рамках рабовладения, а именно к созданию социальной группы «зависимых мелких крестьян, предшественников позднейших крепостных, к утверждению, следовательно, такого способа производства, в котором в зародыше уже содержался способ производства, господствовавший в средние века»¹².

Вместе с тем было бы неверно отождествлять колонов с крепостными крестьянами. Становление феодализма создает новый качественный тип взаимоотношений между эксплуататором и эксплуатируемым, который принципиально отличается от рабовладения на этапе его разложения. Насколько сложным является этот переход, мы можем судить исходя из утверждения Ф. Энгельса, что между римским колоном и новым крепостным стоял свободный франкский крестьянин и что прямого пути от колоната к феодальному способу производства нет¹³. Колонат — всецело следствие переходного периода, симбиотная форма, в которой синтезированы элементы рабовладения и феодализма; форма, которая явилась прототипом крепостничества, оставаясь во многом элементом рабовладения на грани его распада. В то же время колонат не является системообразующим элементом ни рабовладения, ни феодализма.

Мануфактура — специфическое образование переходного периода от феодализма к капитализму. Существование мануфактуры в условиях Западной Европы охватывает несколько столетий; исторически она свойственна как последней фазе феодального способа производства, так и ранней фазе капитализма. Совершенно неуместно отождествление мануфактуры с капитализмом, о чем предостерегал еще Ф. Энгельс: «Тем самым стирается различие между двумя крупными и существенно различными периодами экономической истории: периодом собственно мануфактуры, основанной на разделении ручного труда, и периодом современной промышленности, основанной на применении

¹¹ Кузищин В. И. Колонат. — В кн.: Сов. ист. энцикл., 1965, т. 7, с. 510.

¹² Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 21, с. 501.

¹³ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 21, с. 154.

машин»¹⁴. Сущность мануфактуры заключается в том, что она знаменует собой переход от цехового ремесла, олицетворяющего феодализм, к фабрично-заводскому производству, характеризующему капитализм. Общим качеством, сближающим цеховое ремесло и мануфактуру, является применение простых орудий труда, отсутствие машин, использование ручного труда. С капитализмом мануфактуру соединяет разделение и кооперация труда, т. е. тот способ организации труда массы людей, который свойствен капиталистическому предприятию.

Образцом исследования мануфактуры как характерного продукта переходного периода является «Капитал», в котором К. Маркс последовательно анализирует мануфактуру в связи с кооперацией и разделением труда, с развитием машин и под углом зрения процесса первоначального капиталистического накопления. К. Маркс подчеркивает, что собственно мануфактурный период еще не приводит к преобразованию производства на капиталистической основе. «Напомним, что мануфактура овладевает национальным производством лишь очень неполно, основываясь всегда на городском ремесле и сельских домашних побочных промыслах как на широком базисе [Hintergrund]. Уничтожая эти побочные промыслы и городское ремесло в одной их форме, в известных отраслях промышленности, в известных пунктах, она вызывает их снова к жизни в других, потому что она до известной степени нуждается в них для обработки своего сырого материала»¹⁵.

Отрицая феодальный способ производства, мануфактура приближается к капиталистическому и закладывает его основы по мере развития машин. «Мануфактура производила машины, при помощи которых крупная промышленность устраняла ремесленное и мануфактурное производство в тех отраслях, которыми она прежде всего овладевала,— писал К. Маркс.— Следовательно, машинное производство первоначально возникло на не соответствующей ему материальной основе. На известной ступени развития оно должно было произвести переворот в самой этой основе, которую оно сперва нашло готовой, а затем развивало дальше, сохраняя ее старую форму, и создать для себя новый базис, соответствующий его собственному способу производства»¹⁶.

Мы видим целую серию скачков в развитии материального производства в условиях переходного периода: отрицание цехового ремесла мануфактурой, затем — отрицание мануфактуры капиталистическим способом производства. Развитие крупной промышленности приходит в противоречие с прежним ремесленным и мануфактурным базисом. Лишь овладев машиной, характерным для нее средством производства, крупная промышлен-

¹⁴ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 23, с. 32.

¹⁵ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 23, с. 758.

¹⁶ Там же, с. 393—394.

ность «создала адекватный ей технический базис и стала на свои собственные ноги»¹⁷.

Обзор данного переходного периода будет неполным, если не коснуться, хотя бы конспективно, других факторов перевоплощения старой формации в новую. Речь идет о процессе первоначального накопления капитала, характеризующего как сферу экономики, так и роль социальных институтов в экспроприации крестьянства. Развитие мануфактуры повлекло за собой разложение экономических отношений земельной собственности, свойственных феодализму. Массовое ограбление крестьянства, образование резервных армий пролетариата, приучение их к дисциплине наемного труда «полицейскими способами» (К. Маркс) демонстрируют размах «внеэкономического принуждения» к труду, который можно отождествить с принуждением к труду в античных эргастериях, хотя в условиях собственно капиталистического способа производства мы наблюдаем экономическое принуждение к труду.

Переход к капитализму совершается лишь в результате многочисленных трансформаций. «Экономическая структура капиталистического общества выросла из экономической структуры феодального общества. Разложение последнего освободило элементы первого»¹⁸. Мануфактура в качестве симбиозной формы, в которой совершается переход к новому способу производства, отмирает, выполнив свое историческое назначение. «Когда этот процесс превращения достаточно разложил старое общество вглубь и вширь, когда работники уже превращены в пролетариев, а условия их труда — в капитал, когда капиталистический способ производства становится на собственные ноги, тогда дальнейшее обобществление труда, дальнейшее превращение земли и других средств производства в общественно эксплуатируемые и, следовательно, общие средства производства и связанная с этим дальнейшая экспроприация частных собственников приобретает новую форму»¹⁹.

Принцип историзма и идею формационного синтеза столь же последовательно можно применить к характеристике общественного сознания. Материалистическая позиция в исследовании общественного сознания утверждает, что история общественного сознания есть история социального бытия человека. Поэтому выделение исторических типов общественного сознания необходимо рассматривать в зависимости от поступательного развития общества, находящего адекватное выражение в теории общественно-экономической формации. Вместе с тем исследование типологии общественного сознания предполагает рассмотрение внутренней логики его развития. Если сущностные сдвиги в развитии сознания мы ставим в зависимость от социально-

¹⁷ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 23, с. 396.

¹⁸ Там же, с. 727.

¹⁹ Там же, с. 772.

экономических преобразований, рассматриваем как перерыв постепенности, то непрерывность его развития фиксирует постепенность перехода от одних типов и состояний сознания к другим, реализует принцип историзма в изучении общественного сознания.

Характеристика внутренней логики дает возможность понять общественное сознание как многослойное явление, в котором схвачены, отражены различные этапы общественного развития. Еще Гегель в идеалистической форме выразил эту мысль следующим образом: «Наличествующая настоящая форма духа включает в себе все прежние ступени... Те моменты, которые дух, по-видимому, оставил позади себя, он содержит в себе и в своей настоящей глубине»²⁰.

Историзм развития общественного сознания накладывает отпечаток и на развитие социальных процессов. Возрастание абстрагирования в первобытном мышлении можно проследить на развитии объектов религиозного поклонения. В этом поступательном развитии мы сталкиваемся с удивительными созданиями человеческой фантазии, которые одновременно синтезируют в себе элементы животного и человеческого, соединяют системные элементы разного порядка. Причудливые изображения сфинксов, кентавров, сирен, быков с человеческими головами показывают, как происходил прорыв человеческого начала сквозь животное в развитии объектов поклонения от тотемистических к антропоморфным. Человеческим началом во всех этих изображениях была голова — вместилище духа данного божества. Тело продолжало относиться к разряду прежних богов — тотемов, оставаясь рудиментарным органом, утратившим свое первичное значение.

Гегель, характеризуя процесс развития сознания в форме абсолютного духа, специально интерпретирует образ сфинкса как выражение символа второго порядка — символа символов. «Следует обратить особое внимание на фигуру сфинкса, которая сама по себе является загадкой, двусмысленным образом, наполовину животным, наполовину человеком. Сфинкса можно считать символом египетского духа: человеческая голова, выглядывающая из тела животного, изображает дух, который начинает возвышаться над природой»²¹.

Наряду со сфинксами, кентаврами встречаются изображения с «обратным знаком», когда человеческое тело дополнено головой животного или птицы. Не противоречат ли подобные факты вышеизложенным суждениям относительно процесса персонификации объекта поклонения? Отнюдь нет. Уместно предположить, что божества, изображающие человека с головой животного или птицы, также являются продуктом переходного периода

²⁰ Гегель. Соч. М.— Л., 1935, т. 8, с. 75.

²¹ Там же, с. 186.

в развитии религиозных представлений. Это — своеобразное выражение под животное — тотем, уподобление ему, имитация его, идентификация с ним в ритуальных танцах и магических обрядах. Позднее данные ситуации были запечатлены художественными средствами²². Для последующих поколений человечества звенья, связующие предметы деятельности и поклонения с развитием сознания, были утрачены, но метод теоретической реконструкции помогает восстановить прежние «смыслы» сознания, распределить символические образы, приоткрыть завесу, скрывающую варианты освоения мира первобытным человеком.

Синтез каждого нового типа общественного сознания осуществляется под влиянием изменений в общественном бытии. Так, разложение исторически первого типа — мифологического сознания — **явилось вместе с тем** возникновением науки, философии, искусства и других форм общественного сознания, которые прежде были лишь моментами синкретического единства. Распад **мифа, демифологизация общественного сознания** — длительный процесс. По утверждению Ф. Х. Кессиди, лишь «Зенон Элейский полностью преодолел миф, завершив переход от мифологического образа к отвлеченному понятию, от «мифоса» к «логосу»²³. Но и позднее мифология не исчезает вообще, она продолжает существовать в диалектически снятом виде в различных формах общественного сознания. После Гомера «наивная и нетронутая мифология гибнет как самостоятельное творчество и переходит в натурфилософию, продолжая, однако, играть огромную служебную роль в качестве художественной формы для полисной рабовладельческой идеологии (греческая классика) и для декаданса умирающей античности (эпоха эллинизма)»²⁴.

Исследование истории становления религиозного сознания также обнаруживает синтетический характер нового этапа в развитии общественного сознания. Ф. Энгельс показал, что Ветхий завет является симбиозом мифов, исторических хроник, бытовых повестей, нравоучительных сентенций, законодательных актов и различных религиозных представлений. Процесс складывания христианской идеологии в целостную систему потребовал более детального обоснования, и здесь мы снова сталкиваемся с синтезом восточных религиозных воззрений и философии неоплатонизма. Правда, Энгельс особенно настаивал на том, что это были популяризованные сочинения Филона Александрийского и вульгаризованная система неоплатонизма. Научная критика религиозной идеологии и выяснение ее состава ста-

²² См.: *Леви-Стросс К.* Колдун и его магия. — *Природа*, 1974, № 8, с. 91.

²³ *Кессиди Ф. Х.* От мифа к логосу. М., 1972, с. 285.

²⁴ *Лосев А. Ф.* Современные проблемы изучения античной мифологии. — *Вестн. истории мировой культуры*, 1957, № 3, с. 17.

ли возможными лишь на этапе кризиса религии и секуляризации общественности²⁵.

Синтез в общественном сознании можно проследить на примере развития философского знания, в котором осуществляется процесс заимствования метода мышления, совокупности познавательных средств, неразвернутых идей и неразрешенных проблем. В высшей степени синтез присущ формированию марксистско-ленинской философии, которая явилась наследником всего лучшего, что было создано немецкой классической философией, английской политэкономией и французским утопическим социализмом. Тем не менее марксистско-ленинская философия является новым качественным образованием, детерминированным историческими условиями, и не может быть сведена к сумме предшествующих теорий.

И, наконец, идея формационного синтеза может быть прослежена по линии взаимных влияний одного народа на другой. Влияние Византии на Древнюю Русь выражалось не только в принятии христианства. «Византийское влияние поднималось до сравнительно совершенных форм общения высокоразвитых духовных культур,— пишет академик Д. С. Лихачев.— На Русь влияла византийская литература, изобразительное искусство, архитектура, прикладное искусство, политическая мысль, естественнонаучные воззрения и, конечно, богословие. На Русь была перенесена церковная организация; русское государство подражало наиболее высоким формам государственной организации Византии; Русь частично воспринимала придворный этикет и отдельные формы управления»²⁶. Наряду с византийским осуществлялось влияние со стороны скандинавского севера, степных народов, германских народов и западных славян, однако византийское влияние было преобладающим. В целом идея формационного синтеза в применении к общественному сознанию характеризует не отдельные его сферы, а всю совокупность духовной культуры при обязательном воздействии существенных сдвигов в общественном бытии.

В сфере социально-политической жизни общества синтезные формы мы встречаем начиная с эпохи перехода от первобытного строя к классовому обществу. Период «военной демократии» — характерный образец симбиозной формы, соединяющей в себе элементы разнокачественных систем. Ф. Энгельс показал, что государство возникло, «частью преобразуя органы родового строя, частью вытесняя их путем внедрения новых органов и, в конце концов, полностью заменив их настоящими органами государственной власти»²⁷.

²⁵ См.: *Никольский Н. М.* Избр. произв. по истории религии. М., 1974, с. 22—23.

²⁶ *Лихачев Д. С.* Развитие русской литературы X—XVII веков. Эпоха и стили. Л., 1973, с. 18.

²⁷ *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 21, с. 109.

В условиях переходного периода происходит диалектическое отрицание старого новым, но подобное отрицание предполагает заимствование и преобразование элементов государственности прежнего исторического типа. Надо заметить, что вопрос о синтезе в сфере социально-политических форм требует более детального изучения. Становление новой формации, с точки зрения марксизма, означает процесс перевоплощения элементов прошлой формации под влиянием социальной революции в качественно новую социальную систему. Формационный синтез завершается тогда, когда произошло конституирование каждого элемента общественно-экономической формации и она представляет собой целостную систему. «Нужно помнить, что новые производительные силы и производственные отношения развиваются внутри и в борьбе с имеющимися налицо развитием производства и с унаследованными, традиционными отношениями собственности,— писал К. Маркс.— Сама эта органическая система как совокупное целое имеет свои предпосылки, и ее развитие в направлении целостности состоит именно в том, чтобы подчинить себе все элементы общества или создать из него еще недостающие ей органы. Таким путем система в ходе исторического развития превращается в целостность»²⁸.

Переход от капитализма к социализму имеет качественное отличие, заключающееся в том, что происходит становление формации, в которой отсутствуют antagonистические отношения и их экономическая основа — частная собственность. К. Маркс, рассматривая социализм как первую стадию коммунистической формации, как эпоху перевоплощения капиталистического общества в коммунистическое, утверждал, что «между капиталистическим и коммунистическим обществом лежит период революционного превращения первого во второе»²⁹. Вместе с тем в работах классиков марксистско-ленинской философии речь идет непосредственно о переходном периоде от капитализма к социализму. С одной стороны, рассматриваются материальные предпосылки социализма, складывающиеся в рамках капиталистического способа производства, а именно: процесс обобществления производства, высокий уровень развития производительных сил и производительности труда. «Это — упразднение капиталистического способа производства в пределах самого капиталистического способа производства и потому само себя уничтожающее противоречие, которое... представляется простым переходным пунктом к новой форме производства»³⁰.

С другой стороны, исследование этого переходного периода можно продемонстрировать на такой симбиозной форме, как НЭП. Новая экономическая политика, разработанная В. И. Ле-

²⁸ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 46, ч. 1, с. 229.

²⁹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 19, с. 27.

³⁰ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 25, ч. 1, с. 481.

ниным, означала известное сосуществование элементов социализма и капитализма в условиях многоукладности экономики России после победы социалистической революции. Характеризуя переходный период, В. И. Ленин подчеркивает, что «он не может не соединять в себе черты или свойства обоих этих укладов общественного хозяйства. Этот переходный период не может не быть периодом борьбы между умирающим капитализмом и рождающимся коммунизмом»³¹. Хотя В. И. Ленин считал, что НЭП — продукт чисто российских условий, однако общие закономерности переходного периода от капитализма к социализму свойственны всем социальным организмам и проявляются в конкретно-исторической форме. Ленин особенно настаивал на постепенности перехода. Развитие элементов государственного капитализма было ограничено развитием социалистического сектора в сфере экономики и диктатурой пролетариата по линии социально-политического управления. «Государственный капитализм, это — тот капитализм, который мы сумеем ограничить, пределы которого мы сумеем установить»³². Лишь в результате победы социализма во всех сферах социалистический способ производства стал развиваться на собственной, адекватной ему основе³³. Важность изучения новой экономической политики как симбиозной формы особенно актуальна в условиях современной эпохи перехода от капитализма к социализму во всемирном масштабе.

В теоретическом и практическом отношении проблема формационного синтеза является актуальной для стран, получивших политическую независимость вследствие краха колониальной системы. В условиях современной эпохи страны, отставшие в своем развитии от передовых рубежей исторического прогресса, могут миновать те этапы, которые не являются перспективными. Ориентация на некапиталистический путь развития, а тем более на социализм, — реальная перспектива ряда стран «третьего мира», осуществляя которую эти народы могут реализовать историческую корреляцию. В материалах XXVI съезда КПСС были отмечены сходные тенденции, которые свойственны странам, избравшим путь социалистического развития. «Это — постепенная ликвидация позиций империалистических монополий, местной крупной буржуазии и феодалов, ограничение деятельности иностранного капитала. Это — обеспечение народному государству командных высот в экономике и переход к плано-вому развитию производительных сил, поощрение кооперативного движения в деревне. Это — повышение роли трудящихся масс в общественной жизни, постепенное укрепление государственного аппарата национальными кадрами, преданными наро-

³¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 39, с. 271.

³² Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 45, с. 85.

³³ См.: Конституция (Основной Закон) Союза Советских Социалистических Республик. М., 1977, с. 4.

ду. Это — антиимпериалистический характер внешней политики этих стран»³⁴.

Подобное понимание проблемы формационного синтеза последовательно проводит принцип историзма на основе диалектики прерывности и непрерывности в общественном развитии и противостоит современным буржуазным концепциям, утверждающим либо идею континуитета, непрерывности, либо идею катастрофизма в качестве циклических и анархистских моделей развития общества.

В. А. КАНКЕ
Бийский пединститут

Роль социального времени в деятельности человека

Проблема времени занимает в современной науке, в частности в философии, одно из центральных мест. Она имеет комплексный характер, для ее разрешения необходимы усилия ученых самых различных специальностей¹, в том числе, естественно, и представителей исторического материализма, науки, в которой на категориальном уровне осмысливается процесс функционирования и развития общества. Вместе с тем анализ литературы показывает, что вопрос о месте понятия времени в историческом материализме все еще является предметом обсуждения², поэтому задача состоит в том, чтобы определить достаточно четко место понятия социального времени среди категорий исторического материализма. Конечно, одними декларациями здесь ничего не решить. Как совершенно справедливо отметил Г. П. Орлов, необходимо с предельной осторожностью подходить к таким понятиям, которые не получили еще достаточно обоснованного статуса во всей системе категорий исторического материализма, но призваны обогатить его категориальный аппарат, в частности к понятию социального времени³.

Действительно, характеристика понятия социального времени должна быть всесторонней. Теперь уже недостаточно ограничиваться использованием самых общих положений диалек-

³⁴ Материалы XXVI съезда КПСС. М., 1981, с. 12.

¹ См.: Молчанов Ю. Б. Труды «Международного общества по изучению времени». — Вopr. философии, 1977, № 5, с. 159.

² См. литературу по проблеме в статье: Адибекия А. А. Об одном «нетрадиционном» решении вполне традиционной проблемы. — Социол. исслед., 1976, № 2, с. 214.

³ См.: Орлов Г. П. Проблема классификации категорий исторического материализма. — В кн.: Категории исторического материализма в их взаимосвязи. Свердловск, 1978, с. 8.

тического материализма (о единстве материи, движения, времени и о наличии качественных уровней материи и движения) для доказательства реальности социального времени и правомерности понятия о нем. Конечно, такого рода рассуждения безупречны по своей логике и без них не обойтись, но сами по себе они не позволяют судить достаточно конкретно о понятии социального времени, очертить его своеобразие, охарактеризовать его соотношение с другими категориями исторического материализма. Такие рассуждения еще не решают всей задачи выведения категории социального времени; они должны быть дополнены выводами, имеющими непосредственное соприкосновение с современным общественным сознанием как таковым, в конечном счете с общественной практикой людей. Выведение категории социального времени является поэтому отнюдь не тривиальной задачей. Оно предполагает, на наш взгляд, во-первых, доказательство того, что понятие социального времени вызывается к жизни определенными проблемами общественного сознания, что без него не обойтись. Во-вторых, необходимо показать, что понятие социального времени входит в каркас категориальной системы исторического материализма, что без этого понятия в ней образуется «свободное место», и логически оправданная последовательность познания людьми жизни общества начинает нарушаться. Наконец, в-третьих, должна быть выяснена методологическая перспектива использования понятия социального времени в историческом материализме, действительность этого понятия, его значимость для решения задач как теоретического, так и практического характера. Итак, исходным и конечным пунктом процесса выведения категории социального времени является ее связь с практикой общественного сознания, поэтому с нее и необходимо начать дальнейший анализ.

И здесь сразу выясняется, что там, где внимательно изучается практическая деятельность людей, фактор времени имеет первостепенное значение. Ясно, что при этом не обойтись без понятия социального времени. Достаточно показательными в этом смысле являются экономические науки. После создания К. Марксом своего бессмертного «Капитала» с его необычайно разветвленным узлом временных понятий проблема социального (в данном случае экономического) времени стала разрабатываться в экономических науках весьма энергично⁴.

В ряде социологических работ изучается бюджет времени⁵. Трудно переоценить практическую значимость этих работ, в которых используется весьма разветвленный аппарат времен-

⁴ См. напр.: *Патрушев В. Д.* Время как экономическая категория. М., 1966; *Сачков Н. С.* Фактор времени в советской экономике. М., 1976; *Фактор времени в плановой экономике.* М., 1978.

⁵ См.: *Струмилин С. Г.* Проблемы экономики труда. М., 1957; *Пруденский Г. А.* Проблемы рабочего и вне рабочего времени. М., 1972; *Зборовский Г. Е., Орлов Г. П.* Досуг: действительность и иллюзии. Свердловск, 1970.

ных понятий. Работы по изучению бюджета времени явились самым действенным стимулятором разработки теории социального времени. Так, появились труды, в которых проблема социального времени стала рассматриваться в общесоциологическом плане⁶.

Нечто похожее имеет место и в исторических науках. И здесь понятие социального (исторического) времени имеет важнейшее значение. Вместе с тем характер изучаемых явлений приводит ученых к постановке таких проблем, разрешение которых требует определенной философской, общесоциологической теории социального времени⁷.

Таким образом, в целом ряде наук об обществе тема социального времени занимает одно из центральных мест. Кроме того, есть вопросы, тесно взаимосвязанные с временной проблематикой, и в самой философской науке об обществе, историческом материализме (на некоторых из них мы остановимся ниже). Все это указывает на то, что развитие философских, общесоциологических представлений о времени стало необходимостью. Итак, что есть социальное время?

Диалектико-материалистические представления о времени были развиты в работах классиков марксизма-ленинизма. Время — основная форма всякого бытия⁸; «движение есть сущность времени»⁹; «количественное бытие движения есть время»¹⁰. Нетрудно видеть, что между приведенными положениями есть определенная связь, в частности, каждое последующее положение развивает, конкретизирует предыдущее. При этом для характеристики понятия времени используются такие философские категории (движение, количество, бытие), которые в рамках материалистической диалектики являются более базисными, чем понятие времени, т. е. фактически мы имеем дело с определением времени, которое включает в себя все приведенные положения. Конкретизация каждого из этих положений применительно к проблематике исторического материализма позволит охарактеризовать специфику понятия социального времени.

Время — основная форма всякого бытия. Это значит, что социальные, в широком смысле этого слова, явления, также как и их природные антиподы, временны, преходящи, бренны.

⁶ См.: Орлов Г. П. Свободное время как социологическая категория. Свердловск, 1973, с. 5—12; Зборовский Г. Е. Пространство и время как формы социального бытия. Свердловск, 1974; Болгов В. И. Бюджет времени при социализме. М., 1973, с. 10—15; Яковлев В. П. Социальное время. Ростов н/Д., 1981.

⁷ См.: Гуревич А. Я. Об исторической закономерности.— В кн.: Философские проблемы исторической науки. М., 1969, с. 61—62.

⁸ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 20, с. 51.

⁹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 29, с. 231.

¹⁰ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 13, с. 16.

Нет таких социальных явлений, которые бы не обладали временными свойствами, параметрами. Иначе говоря, время, социальное время, есть необходимая форма существования явлений жизни общества. Это, конечно, не означает, что социальное время в каком-то плане предшествует социальным явлениям, служит им своеобразным фундаментом. Социальное время, считает А. А. Адикбекян, «являясь формой существования природной материи, вместе с тем представляет собой **условие** существования социальной материи»¹¹. Трудно согласиться с этим утверждением. Если формой существования природной материи является социальное время, то каким же явлениям приходится формой существования природное время? Ясно, что в границах той методологической позиции, которую отстаивает А. А. Адикбекян, поставленный отнюдь не бессмысленный вопрос остается без ответа. Это указывает на то, что должны быть изменены исходные посылки.

Социальное время — это форма существования социальных явлений и никаких других. Отказ от этого тезиса, постулирование того, что социальное время есть форма существования природных явлений, с самого начала закрывает путь к познанию специфики социального времени, его отличия от природного времени.

Время — основная форма всякого бытия. Применительно к социальным явлениям это значит, что неверно относить феномен социального времени только к материальной, но не к духовной жизни общества. Несомненно, что многие процессы, например общественного сознания, связаны с реальностью социального времени¹². Это также необходимо учитывать.

Являясь основной формой всякого бытия, время не есть само социальное бытие, а известная сторона его, атрибут. Элементами социального времени являются длительности, в совокупности которых находит свое выражение последовательность социальных явлений и их продолжительность. Переходим теперь к характеристике сущности социального времени.

Движение есть сущность времени. Это значит, что подобно тому как сущностью времени вообще является не материя, а способ ее существования — движение, так сущностью социального времени является не общественное бытие, а способ его существования — труд людей. Общественное бытие и социальное время соотносятся друг с другом как реальность, с одной стороны, и форма ее существования — с другой. Труд и социальное время соотносятся друг с другом как сущность и явление. Труд в данном случае рассматривается — это очевидно — как социальное явление и прежде всего не в его индивидуаль-

¹¹ Адикбекян А. А. Об одном «нетрадиционном» решении вполне традиционной проблемы, с. 219.

¹² См.: Орлов Г. П. Свободное время и гармоническое развитие личности. М., 1974, с. 5.

ной, а в общественной форме. Конечно, социальное время связано не только с общественным трудом, но и с другими формами деятельности людей. Понятно, однако, что именно общественный труд определяет сущностные свойства социального времени. После «Капитала» К. Маркса другой вывод был бы анахронизмом. Вместе с тем анализ соотношения нетрудовых форм деятельности людей со свойствами социального времени также необходим. Он позволил бы уточнить характеристику нетрудовой деятельности людей, ее различных компонентов. Приходится, впрочем, констатировать, что такой анализ в значительной степени — дело будущего. Он, кстати, невозможен без развитых представлений о социальном времени.

И, наконец, третье положение: количественное бытие движения есть время. Это рассуждение обычно не используется философами. А между тем оно имеет фундаментальное значение, ибо позволяет охарактеризовать специфику социального времени наиболее конкретно, а ведь именно в этом вопросе сосредоточены основные трудности обсуждаемой проблематики.

Время и движение соотносятся друг с другом не только как явление и сущность, но и как количество и качество. Именно отсюда следует вывод, что каждому качественному уровню движения соответствует специфическое количественное бытие — время. Так, социальной форме движения соответствует социальное время. Точно так же различным качественным уровням социальной формы движения присущи специфические формы социального времени.

Время есть количественное бытие движения. Это значит, что социальное время — атрибут таких социальных процессов, которые относятся к одному и тому же качественному уровню функционирования и развития общества. Только в границах однокачественности этих процессов их временные характеристики обладают различиями в величине. При этом сразу выясняется, что хронологическое (природное) время, как и следовало ожидать, не выражает специфики социальных явлений.

Действительно, рассмотрим, например, следуя К. Марксу, вопрос о временных параметрах трудовой деятельности людей в капиталистическом обществе. Здесь на производство каждого товара затрачивается определенное рабочее (хронологическое) время. Оно, однако, как доказывает К. Маркс, не является количественной мерой труда в его общественной форме; такой мерой является общественно необходимое рабочее время¹³. Эта мера существует лишь постольку, поскольку труд отдельных производителей имеет один и тот же общественный характер. Как различные порции общественного труда труд отдельных производителей характеризуется неодинаковой величиной общественно необходимого рабочего времени. Рассмотренная

¹³ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 23, с. 47.

ситуация весьма наглядна и показательна. Количественной мерой труда в его общественной форме выступает такой параметр (общественно необходимое рабочее время), который является феноменом социального времени. Рабочее же время как элемент хронологического времени хотя и выступает носителем определенных общественных отношений, но их количественной мерой не является.

К. Маркс рассматривает также другую ситуацию — робинзонаду. Он отмечает, что различные формы деятельности Робинзона есть «лишь различные виды человеческого труда»¹⁴. Здесь «уже заключаются,— отмечает К. Маркс,— все существенные определения стоимости»¹⁵, т. е. можно определить количественную меру различных форм деятельности человека по аналогии с тем, как это делается при характеристике трудовой деятельности частных производителей. Разница, которую, конечно, необходимо учитывать, состоит в том, что в данном случае в качестве тождественных процессов выступает не труд многих работников, а различные формы деятельности одного и того же человека.

Обобщая, можно отметить, что во всех тех случаях, когда деятельность людей, какой бы она ни была по своему характеру, образует единую линию в функционировании и развитии общества, она обладает количественной, конкретнее, социально-временной мерой. Определение этой меры непременно связано с учетом социальной природы деятельности людей. Необходимо поэтому такая концептуальная система времени, в которой бы получала свое понятийное выражение специфика, особенность социальной деятельности людей.

Теперь мы вплотную подошли к вопросу о том, почему понятие социального времени есть категория исторического материализма. Если выразить главное, то оно состоит в том, что нет в историческом материализме другой какой-либо категории, кроме понятия социального времени, которая выражала бы количественный аспект социального движения, различных способов деятельности людей. Этот количественный аспект далеко не всегда может быть выделен на эмпирическом уровне. Для его фиксации, как показывает пример с открытием общественно необходимого рабочего времени, необходима соответствующая понятийная основа. Ее и дает исторический материализм.

Понятие социального времени не является заменой какой-либо категории исторического материализма. Но оно, несомненно, есть выражение развития общественнознания, современного в частности. Исчерпывающее познание качества данного способа деятельности людей возможно лишь тогда, когда столь же глу-

¹⁴ Там же, с. 87.

¹⁵ Там же.

боко постигается мышлением и его количество. Было бы, конечно, неверно ограничивать предмет исторического материализма лишь качественным аспектом жизни общества. Это противоречило бы диалектическому учению о единстве качества и количества. К тому же следует учитывать, что социальное время есть количество лишь в соотношении с деятельностью людей (качеством). За пределами этого соотношения социальное время есть феномен, обладающий, в свою очередь, и качественной, и количественной стороной.

Понятие социального времени не «размыкает» круг категорий исторического материализма, оно является его органичной частью. Дело состоит поэтому не в том, чтобы ввести понятие социального времени в систему категорий исторического материализма, а в том, чтобы освободить его от той интуитивной оболочки, в которой оно пребывает в части работ современных исследователей. Это освобождение необходимо, ибо, как показывает анализ, каждый раз, когда в поле зрения исследователя попадает количественный аспект социальной деятельности людей, возникает потребность в понятии социального времени.

Социальное время и есть количественное бытие деятельности людей. Эта дефиниция, на наш взгляд, наиболее непосредственно выражает специфику социального времени. Конечно, она может быть дополнена целым рядом других определений, в которых, в частности, можно указывать на элементарные формы социального времени (общественно необходимое рабочее время, свободное время и т. д.), на то, что социальное время есть форма существования социальных явлений, а его сущность составляет трудовая деятельность людей. Можно указать также, что каждому способу производства материальной жизни соответствует специфическая форма социального времени, что каждому способу деятельности людей в рамках данной общественно-экономической формации присущи своеобразные характеристики социального времени, что социальное время выражает интенсивный аспект социальных процессов (а социальное пространство — экстенсивный). Как бы то ни было, ясно, что речь идет о таком феномене, который обладает в границах социальных явлений всеобщей универсальностью. Вследствие этого и возникает представление о том, что его понятийная форма, понятие социального времени, является элементом системы категорий исторического материализма.

Какие методологические перспективы открываются в связи с признанием этого факта? Их спектр чрезвычайно широк. Выше отмечалось, что уже в конкретных науках об обществе есть проблематика, для разрешения которой необходима интерпретация феномена социального времени историческим материализмом. Так как в рамках данной статьи эта проблематика не может быть обсуждена достаточно подробно, обратимся к тем

вопросам, которые являются философскими по самой своей сути.

Философские представления о социальном времени нацеливают прежде всего на изучение определенных сторон самой социальной действительности. На этом поприще можно ожидать открытия законов общесоциологического плана. Достаточно указать хотя бы на закон экономии времени¹⁶, который ввиду своей универсальности является, пожалуй, общесоциологическим законом. Следует особо отметить, что социальное время как объективно-реальный феномен изучено пока явно недостаточно.

В гносеологическом плане разработка философского аспекта понятия социального времени также обещает многое. Мы имеем в виду, в частности, определенные положения, касающиеся вопросов познания социального времени, в том числе методологии его измерения. Такие положения могли бы стать основой для социального прогнозирования, содержащего, как правило, задание временных рамок тех или иных социальных процессов.

Философское понимание социального времени многое проясняет и в логическом плане. Можно показать, что мышление людей, их логика во многом определяются господствующими представлениями по поводу социального времени¹⁷. Изучение социального времени способно прояснить логическую структуру мышления, содержание языка, общественного сознания, духовной культуры общества в конечном счете.

Наконец, следует отметить, что необходимо критически рассмотреть учение о социальном времени буржуазных философов (М. Хайдеггера, А. Бергсона, Ф. Ницше, Б. Кроче, Г. Гурвича и др.). Такое рассмотрение может быть достаточно эффективным лишь тогда, когда оно ведется с высоты строго научных представлений о социальном времени. Думается, есть все предпосылки для того, чтобы показать приоритет исторического материализма перед буржуазными философскими учениями в области разработки научных представлений о социальном времени.

Как видим, существует большой круг проблем как философского, так и нефилософского порядка, тесно взаимосвязанных с представлениями о социальном времени. Эти проблемы обладают и теоретическим, и практическим значением. Наступление на проблему социального времени идет широким фронтом марксистско-ленинской общественной мысли. В итоге возникла насущная потребность во всестороннем изучении философского аспекта социального времени или, иначе говоря, в постижении понятия социального времени как категории исторического материализма. Достаточно полная характеристика природы и

¹⁶ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 46, ч. 1, с. 117.

¹⁷ См.: Гурвич А. Я. Категории средневековой культуры. М., 1972; Лосев А. Ф. Античная философия истории. М., 1977.

сущности социального времени невозможна без непосредственного использования категорий исторического материализма. Существует и обратное отношение: всесторонняя характеристика тех или иных категорий исторического материализма требует привлечения в той или иной степени понятия социального времени. Тесная взаимосвязь категорий исторического материализма с понятием социального времени, надо думать, указывает на то, что понятие социального времени само есть элемент той системы знания, какой является исторический материализм. Учет этого факта не может не привести, с одной стороны, к развитию наших представлений о социальном времени, а с другой — к развитию современной теории социальных явлений, в частности исторического материализма.

В. К. ТРОФИМОВ

Ижевский сельскохозяйственный институт

Всеобщий характер труда и конкретно-исторические формы его осуществления

При исследовании социологических проблем труда большое теоретическое и методологическое значение имеет выяснение его социальной сущности. Применительно к труду можно выделить два уровня социального, что вытекает из двойственной природы самого труда. Труд является одновременно и процессом обмена веществ между человеком и природой, и средством общения людей друг с другом в производстве. Понимание двойственной природы труда дает ключ к раскрытию связей между индивидуальным и общественным трудом¹. Говоря о взаимосвязи труда общества и труда индивида, К. Маркс употребляет понятие «всеобщий характер труда».

Труд как процесс воздействия человека на природу представляет собой диалектическое единство живого и овеществленного труда. В результате слияния этих факторов производства в процессе труда происходит видоизменение природы, ее преобразование в интересах человека. Уже здесь, на уровне общей природы труда, целесообразно говорить о его социальной сущности. Живой труд социально обусловлен, поскольку производящий индивид не является Робинзоном, оторванным от общества. Он тысячами нитей связан с той социальной средой, мельчайшей частицей которой является. Само становление индивида

¹ См.: *Чангли И. И.* Труд (Социологические аспекты теории и методологии исследования). М., 1973.

как социального существа, способного к труду, возможно только в результате усвоения им накопленного общественного опыта.

В неменьшей мере это относится и к овеществленному труду. В овеществленном труде как единстве средств труда и сырья материализован прошлый труд. Работник может производить лишь при помощи накопленных обществом ресурсов. Используя эти ресурсы, он тем самым соприкасается с трудом всего общества. Следовательно, уже в содержании труда, которое характеризует производительные силы процесса труда и технический аспект соединения живого и овеществленного труда, налицо органическое единство индивидуального и общественного труда. Но рассмотрение взаимосвязей между индивидуальным и общественным трудом на этом уровне страдает некоторой долей абстрактности, поскольку оно не учитывает тех общественных условий, при которых протекает труд.

Конкретизацией в понимании социальной сущности труда является его анализ на уровне общественной формы или характера труда. Мы полагаем, что понятия «характер труда» и «форма труда» идентичны. Они отражают связи и отношения между общественным и индивидуальным трудом в системе производственных отношений.

Для марксистско-ленинской социологии труда исходным моментом является признание того, что «на всех ступенях производства существует известная общность труда, *общественный характер последнего*»². Труд индивида всегда связан с трудом других индивидов, а в конечном счете и с трудом всего общества. Любое, даже самое архаичное общественное производство предполагает определенную степень дифференциации его участников по выполнению конкретных видов деятельности. Результатом конкретного труда является продукт как носитель потребительной стоимости. В продукте овеществлен труд человека. В форме обмена продуктами происходит обмен деятельностью между людьми. Индивидуальный труд в процессе этого обмена сливается со всеобщим трудом, становясь его необходимым элементом. «Индивид... подтверждает свой частный труд как всеобщий труд тем, что его труд представляет собой определенную особенность в общей совокупности общественного труда, некоторую особо ее восполняющую отрасль»³.

Эта включенность индивидуального труда в общественный приобретает различный характер в зависимости от господствующей системы производственных отношений и прежде всего отношений собственности на факторы производства, т. е. на живой и овеществленный труд. Формы собственности на рабочую силу и средства производства определяют общественное устройство и организацию труда. С изменением собственности на условия

² Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 46, ч. 1, с. 372.

³ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 46, ч. 2, с. 448.

производства модифицируются общественная форма труда и его социальные функции. На основе вышеизложенного всеобщий характер труда можно определить как обусловленный формами собственности на факторы производства способ связи индивидуального и общественного труда, характеризующий социальный облик труда, его конкретно-историческую сущность.

И здесь особое значение приобретает анализ таких явлений, как кооперация и разделение труда. Во-первых, сами формы собственности зависят от того, каким образом осуществляется кооперация и разделение труда в обществе. «Различные ступени в развитии разделения труда являются вместе с тем и различными формами собственности...»⁴ Во-вторых, от них зависит в немалой степени и способ соединения индивидуального и общественного труда. Они являются теми механизмами, которые обеспечивают включение частного труда во всеобщий.

Разделение и кооперация труда — это категории, отражающие процессы дифференциации и интеграции совокупного общественного труда. Разделение труда осуществляет индивидуализацию труда. В реальности труд существует как частный труд отдельных работников, разделенных по различным сферам производства. Но разделение труда невозможно без своей противоположности — кооперации труда, которая объединяет частный труд индивидов, делает его всеобщим. Как и всякие противоположные стороны одного и того же явления, кооперация и разделение труда взаимообуславливают и взаимоисключают друг друга. Разделение труда как индивидуализация общественного труда обязательно предполагает кооперацию как прямую форму его соединения. Кооперация и разделение труда не только взаимосвязаны, но и взаимозависимы друг от друга. Глубина и эффективность разделения труда зависят от степени зрелости кооперации. В известном смысле разделение труда есть не что иное, как особый вид кооперации⁵. И, наоборот, развитие и углубление разделения труда приводит к необходимости новых форм его соединения.

Кооперация и разделение труда являются общим состоянием материального производства, свойственным всем общественно-экономическим формациям⁶. Иное дело, что они приобретают различный характер соответственно социально-экономическим отношениям, доминирующим в обществе. Поэтому необходимо четко различать два аспекта кооперации и разделения труда: технико-технологический, определяемый техническим состоянием производства, уровнем развития вещественных элементов производительных сил, и социально-экономический, зависящий

⁴ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 3, с. 20.

⁵ См.: Тягуненко В. Л. Международное разделение труда и развивающиеся страны. М., 1976, с. 32.

⁶ См. напр.: Суслов В. Я. Труд в условиях развитого социализма. Л., 1976, с. 67.

от господствующей системы производственных отношений. В своем первом аспекте они являются элементами производительных сил, а во втором — производственных отношений. Применительно к разделению труда этой точки зрения придерживаются многие наши экономисты и социологи⁷. То же самое следует отнести и к кооперации. Кооперация как элемент производительных сил является мощным рычагом повышения производительности труда. Как составная часть производственных отношений, она обеспечивает целостность и переплетение различных отраслей общественного производства.

Итак, понимание двойственной природы труда дает основание для выделения содержания и характера труда. Содержание труда, отражающее техническое состояние производительных сил, является материальной основой существования характера труда. Но социальная сущность последнего лежит вне его технической обусловленности. Она зависит от господствующих форм собственности на факторы производства и носит исторически изменчивый характер. К анализу конкретно-исторических форм осуществления всеобщего характера труда мы сейчас и переходим.

* * *

Первобытнообщинный строй отличался непосредственной формой связи индивидуального и общественного труда. Непосредственно-общественный характер труда был обусловлен отсутствием товарных отношений и коллективной собственностью на факторы производства. В общей собственности общины находились основные средства производства: земля, орудия совместного использования и т. д. Сам человек также являлся в известном смысле собственностью племенного коллектива⁸. Индивид относился к своей рабочей силе и к средствам производства как к коллективной собственности, его труд непосредственно влиялся в труд общины. Крайне примитивный уровень развития орудийной техники порождал необходимость в совместном коллективном труде, а общий труд создал условия для формирования общинной собственности на средства производства⁹.

Коллективная производственная деятельность родо-племенного общества характеризовалась простой кооперацией и естественным разделением труда. Простая кооперация имела исключительно большое значение в жизни первобытного коллектива, поскольку делала осуществимыми мероприятия, непосильные

⁷ См.: *Москович В. М.* Общественное разделение труда при социализме. М., 1966; *Тягуненко В. Л.* Международное разделение труда и развивающиеся страны; *Чесноков Д. И.* Исторический материализм. М., 1965.

⁸ См.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 46, ч. 1, с. 485.

⁹ См.: *Периц А. И., Монгайт А. Л., Алексеев В. П.* История первобытного общества. М., 1974, с. 99.

для отдельных индивидов: охоту загонами и облавой, ловлю рыбы сетями и т. д. Специфика первобытной производственной кооперации в сравнении с возникшей через тысячи лет капиталистической состоит в том, что по своему характеру орудийная техника того времени не требовала обобществления труда. Орудия труда использовались в индивидуальном порядке. Но именно неспособность индивида существовать в условиях обособленного хозяйствования ввиду примитивного уровня развития орудий труда и низкой производительности труда делала неизбежной производственную кооперацию. Хозяйственная специализация в этом обществе приобрела форму естественного разделения труда, которое возникает «вследствие половых и возрастных различий, т. е. на чисто физиологической почве»¹⁰. Поскольку все сферы трудовой деятельности считались одинаково общепользовными, то не возникало отношений господства и подчинения. При первобытном строе не было привилегированных полов и возрастных категорий.

Освоение людьми новых территорий, использование ими более прогрессивных орудий труда и материалов для их изготовления способствуют повышению производительности труда, появлению прибавочного продукта и как следствие последнего — развитию регулярного обмена между племенами. Возникает общественное разделение труда, имевшее в дальнейшем громадные социальные последствия и прошедшее три стадии развития: выделение пастушеских племен из общей массы охотников и собирателей, отделение ремесла от земледелия и отделение торговли от ремесла¹¹. Эти процессы породили парцеллизацию производства, возникновение частной собственности и раскол общества на классы. Родовая община, ограничивавшая рамки кооперации и разделения труда пределами рода, перестала быть необходимой в качестве производственного коллектива и стала тормозом на пути социального прогресса. В результате борьбы между частнособственническим началом, представленным отдельными семьями, и первобытно-коллективистским, основанным на старых принципах простой кооперации в производстве и уравнительном распределении, родовая община прекращает свое существование¹².

Тенденции, заложенные в самом первобытном обществе, обусловили потенциальную возможность перехода различных народов к рабовладению или феодализму. Такая возможность была тем более реальной, что производственные отношения рабовладельческого и феодального обществ являются схожими

¹⁰ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 23, с. 364.

¹¹ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 21, с. 31, 160, 163, 165.

¹² См.: Хазанов А. М. Разложение первобытного строя и возникновение классового общества.— В кн.: Первобытное общество. Основные проблемы развития. М., 1975, с. 96.

по форме. Для них характерна сеть личных связей и зависимостей, опосредованная внеэкономическим принуждением к труду в сфере надстройки¹³. Внеэкономическое принуждение, основанное на персонифицированных отношениях эксплуататоров и эксплуатируемых, было необходимым моментом материального производства, поскольку только таким путем можно было присваивать наиболее дефицитный в то время элемент производительных сил — живой труд. Оно оставило глубокие следы на способах осуществления общественной формы труда.

Основой рабовладельческого способа производства является абсолютная частная собственность на основные средства производства и рабочую силу. Рабы низводятся до положения одаренных речью орудий в отличие от животных и неодушевленных орудий. Это определяло принудительный подневольный труд на рабовладельца как собственника условий производства. Для присвоения индивидуального труда рабов применялись жестокие методы насилия, самые грубые средства физического устрашения и духовного закабаления. Рабы питали неистребимую ненависть к подневольному труду, что проявлялось в плохой работе и порче орудий труда. Характерно, что за всю многовековую историю рабовладельческого общества основным сельскохозяйственным орудием так и осталась грубая, неуклюжая мотыга, поскольку именно в силу этих своих качеств она труднее подвергалась порче. Отвращение к производительному труду, взгляд на него как на божественное проклятье проникают во все слои рабовладельческого общества.

Но не стоит смотреть на период рабовладения как на провал в истории. Использование подневольного труда способствовало повышению производительности за счет использования преимуществ простой кооперации и специализации. Как полагает Е. М. Штаерман, в Древнем Риме — классическом образце рабовладельческого способа производства — наиболее типичными рабовладельческими хозяйствами были средней величины сельскохозяйственные виллы и ремесленные мастерские¹⁴. Число рабов в них редко превышало 20—30 человек. Крупные рабовладельческие хозяйства оказывались, как правило, нерентабельными, так как расходы на аппарат принуждения поглощали львиную долю и без того невысокого прибавочного продукта. Развитие шло не по линии укрупнения производства, внедрения

¹³ См.: Качановский Ю. В. Взаимосвязь базиса и надстройки в докапиталистических формациях. — В кн.: Общественно-экономические формации. Проблемы теории. М., 1978, с. 156, 159.

¹⁴ См.: Штаерман Е. М. Кризис рабовладельческого строя в западных провинциях Римской империи. М., 1957, с. 37; Она же. Расцвет рабовладельческих отношений в Римской республике. М., 1964, с. 111; Она же. Древний Рим: проблемы экономического развития. М., 1978, с. 102; Штаерман Е. М., Трофимова М. И. Рабовладельческие отношения в ранней Римской империи. М., 1971, с. 296.

механизмов и сложной кооперации, а за счет простой кооперации и чрезвычайно дробной специализации¹⁵.

Со временем рост материальных потребностей стал обгонять возможности рабовладельческого общества. Повысить эффективность материального производства на основе использования рабского труда можно было или путем большей степени обобществления труда в крупных латифундиях и мастерских, где можно было применять механизацию и сложную кооперацию, или путем индивидуализации рабского труда на основе использования более прогрессивных ручных орудий. Ни то, ни другое не было возможно в условиях полного бесправия рабов, их незаинтересованности в конечном результате своего труда. В обоих случаях не бывало повышаются издержки по надзору. Концентрация рабов в одном месте ведет к возрастанию вероятности восстаний. Рабы отрицательно относились к внедрению новой техники, с истинным «сладострастием», по выражению Маркса, ломая ее. Рабовладельческий строй зашел в тупик и рухнул под воздействием многообразных внутренних и внешних причин.

Характер производительных сил возникшего на развалинах рабовладения феодального способа производства требовал развития не крупного, а индивидуального производства. По мнению Б. Ф. Поршнева, «...основной производственной ячейкой феодального общества являлось хозяйство непосредственного производителя... производительные силы феодального общества были распылены именно по мелким крестьянским (а в дальнейшем и ремесленным) хозяйствам»¹⁶. Это определяло господство на всем протяжении существования феодализма натурального хозяйства и непосредственным образом не кооперированного и не специализированного труда. Форма собственности на условия производства, отличавшаяся полной собственностью феодалов на землю и неполной на рабочую силу, определяла сохранение подневольного труда и внеэкономических методов принуждения. «Крепостническая организация общественного труда держалась на дисциплине палки, при крайней темноте и забитости трудящихся, которых грабила и над которыми издевалась горстка помещиков»¹⁷.

Индивидуальный труд крестьян феодалы присваивали в виде ренты, которая включала в себя весь прибавочный труд и значительную часть необходимого труда. Феодальная рента прошла три этапа развития: отработочную ренту (барщину), ренту продуктами (натуральный оброк) и денежную ренту (денежный оброк)¹⁸. В первом случае происходит непосредственное при-

¹⁵ См.: *Штаерман Е. М.* Древний Рим: проблемы экономического развития, с. 102; *Она же.* Кризис рабовладельческого строя в западных провинциях Римской империи, с. 37.

¹⁶ *Поршнев Б. Ф.* Феодализм и народные массы. М., 1964, с. 26.

¹⁷ *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 39, с. 13.

¹⁸ См.: *Островитянов К. В.* Избр. произв. В 2-х т. М., 1972, т. 1, с. 219.

своение феодалом индивидуального крестьянского труда. Так как у крестьян отсутствует внутреннее побуждение к труду на землях феодала, то применяются разнообразные средства устрашения: штраф, палка надзирателя, работа сверхурочно и т. д. Натуральная и денежная ренты — более поздние и более прогрессивные для того времени формы феодальной ренты. Здесь, в отличие от барщины, происходит не непосредственное, а опосредованное присвоение крестьянского труда в виде прибавочного и отчасти необходимого продукта.

На этапе господства денежной ренты получает распространение товарообмен, образуется внутренний рынок, углубляется общественное разделение труда. Это проявилось в возрождении городов, которые становятся центрами ремесла и торговли. Для ремесленного производства средневековья характерно господство цехов. Цехи представляли собой объединения ремесленников одинаковых специальностей, проживающих в одном городе. Для них присущи кастовость, необычайная регламентация производственного процесса и монополия на выпуск определенного вида продукции. Внедрение механизмов не только не допускалось, но и запрещалось цеховыми правилами, поскольку механизация вела к вытеснению ремесленников из производства. Разделение труда внутри мастерской было незначительным. Ремесленник чаще всего производил продукт от начала до конца. Поэтому исключительно большое значение имело его личное мастерство. Он был подлинным виртуозом своего дела.

С развитием товарных отношений открылись широкие возможности для прогрессирующего разделения труда. До поры до времени данный процесс мог идти в рамках феодализма. Однако в конце концов его развитие переросло возможности феодальных производственных отношений. Рост общественного разделения труда требовал новых форм его соединения в производстве. Общественное разделение труда через рынок содействовало развитию технического разделения труда внутри мастерских, обеспечивавшего более высокий уровень производительных сил, но ограничивавшегося цеховыми правилами. Феодальные производственные отношения с присущим им мелким характером хозяйства пришли в конфликт с возникшим в результате общественного разделения труда кооперативным характером производительных сил¹⁹.

Выросшие в недрах феодализма капиталистические производственные отношения основываются на отсутствии у непосредственных производителей собственности на средства производства при их формальной юридической независимости. «Для свободного рабочего вся его рабочая сила сама выступает как его собственность...»²⁰ Но поскольку рабочий «свободен» и от

¹⁹ См.: Поршнев Б. Ф. Феодализм и народные массы, с. 149.

²⁰ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 46, ч. 1, с. 454.

средств производства, он вынужден продавать свою рабочую силу капиталисту и создавать для него прибавочную стоимость. Внеэкономическое принуждение заменяется еще более изощренной системой экономического принуждения к труду. Такая форма собственности на факторы производства порождает специфический характер общественного труда: наемный труд на одном полюсе и капитал — на противоположном.

Различие индивидуального и общественного труда превращается в противоречие между частным и общественным трудом, которое является основным противоречием простого капиталистического производства. С одной стороны, труд индивида выступает как частный труд, поскольку производство построено на частной собственности и хозяйственной изоляции работников, с другой стороны — как общественный труд, поскольку индивид является необходимым элементом в структуре общественного производства. Всеобщий характер труда обнаруживается не в производстве, а на рынке. Индивидуальный труд выступает как непосредственно частный. Его общественный характер выявляется опосредованно, в форме обмена товарами. Людям противостоит созданный ими и в то же время чуждый им мир товаров, вышедший из-под их контроля и ставший самодовлеющим демиургом социального процесса. Товаром становится сам человек, его рабочая сила.

Наиболее адекватной формой капиталистического способа производства является кооперация труда, прошедшая три стадии развития: простая кооперация, мануфактура, машинное производство. Простая кооперация и мануфактура являются промежуточными ступенями на пути перехода от ремесла к крупной машинной индустрии. Возможности дальнейшего развития орудийной техники, покоившейся на ручном труде, были исчерпаны. Заканчивается первый этап развития техники, основой которого был ремесленный индивидуальный тип труда, непосредственным образом не комбинированный и не специализированный, и набирает силу, становясь в дальнейшем господствующим, новый этап ее развития — машинное производство²¹. Технический прогресс приводит к появлению таких средств труда, которые в широких масштабах требуют кооперативной формы труда. «Машины... функционируют только в руках непосредственно обобществленного или совместного труда. Следовательно, кооперативный характер процесса труда становится здесь технической необходимостью, диктуемой природой самого средства труда»²². На капиталистическом предприятии ярко обнаруживается общественный характер индивидуального труда в самом производственном процессе. Труд всех зависит от труда каждого и, наоборот, частичный труд зависит от труда всех. Однако свое признание в качестве общественного индивидуаль-

²¹ См.: Волков Г. Н. Истоки и горизонты прогресса. М., 1976, с. 43, 45.

²² Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 23, с. 397.

ный труд находит лишь на рынке, где и проявляется его общественная значимость.

Кооперативный характер производства невиданно ускорил развитие производительных сил и общественного разделения труда. Но то, что было фактором прогресса капитализма, становится со временем основной причиной его гибели. Благодаря мощному воздействию процессов кооперации и разделения труда противоречие простого капиталистического производства между частным и общественным трудом перерастает в основное противоречие капитализма между общественным характером труда и частнокапиталистической формой присвоения. Кооперация способствует громадному обобществлению труда и производства в капиталистическом обществе. А обобществление труда, в тысячах форм идущее вперед все более и более быстро, является главной материальной основой неизбежного наступления социализма²³. Это основное противоречие достигает своего апогея при империализме и разрешается в ходе социалистической революции и создания основ социализма.

Социалистическая революция установила общественную собственность на средства производства и навсегда покончила с эксплуатацией человека человеком, устранила конкуренцию и анархию производства. Принципиальные изменения происходят во взаимосвязи общественного и индивидуального труда. По нашему мнению, труд при социализме еще не является полностью непосредственно всеобщим, поскольку сохраняются товарно-денежные отношения и необходимо материальное стимулирование для привлечения членов общества к труду. Однако социализм создает все необходимые предпосылки для становления непосредственно общественного характера труда. Он подрывает скрыто общественную форму индивидуального труда тем, что уничтожает товарную форму рабочей силы, исключает ее из мира товаров²⁴. Индивидуальный труд приобретает все в большей степени непосредственно общественный характер. Полностью этот процесс завершится в коммунистическом обществе, где труд будет носить непосредственно общественный характер и установятся прозрачно ясные отношения между людьми²⁵. Историческое развитие всеобщего характера труда можно представить как длительный и противоречивый процесс отрицания отрицания. Он проходит путь от синкретизма индивидуального и общественного труда в первобытном обществе через их противопоставление в классово-антагонистических формациях к восстановлению непосредственно всеобщего характера индивидуального труда в коммунистическом обществе.

²³ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 26, с. 73.

²⁴ См.: Минеев В. Н. Динамизм развития социалистического производства. М., 1978, с. 73; Алексеев Н. И. Диалектика труда при социализме. М., 1979, с. 88.

²⁵ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 23, с. 89—90.

Коренные изменения происходят при социализме в сущности кооперации и разделения труда. Прежде всего они теряют свой отчужденный характер, что является следствием становления общественной собственности. Стихийные прежде, они приобретают планомерный характер, становятся объектом сознательного регулирования со стороны социалистического государства. Кооперация труда впервые приобретает подлинно всеобщий характер, поскольку она раздвигает сферу обобществленного труда до масштабов всего общества. С образованием мировой социалистической системы кооперация труда выходит за рамки одной страны и перерастает в социалистическую экономическую интеграцию, коренным образом отличающуюся от процессов интеграции капиталистических государств. Если капиталистическая интеграция лишь способствует углублению межимпериалистических противоречий, то социалистическая интеграция приводит к сближению уровней развития социалистических государств, содействует их экономическому, социально-политическому и культурному прогрессу.

И. Б. СЕСЮНИНА
Томский политехнический институт

Производительное потребление как единство духовного производства и потребления

XXVI съезд КПСС отметил, что в современных условиях необходим все более решительный поворот общественных наук в сторону разработки проблем, актуальных для настоящего и будущего¹. К их числу по праву принадлежит и задача теоретического исследования философской наукой процесса духовного воспроизводства и составляющих его моментов.

Проблема духовного потребления имеет особое значение в свете положений XXVI съезда партии о необходимости активного, целенаправленного формирования интересов и потребностей личности. Это одна из важных задач социальной политики партии, направленная на всестороннее развитие личности². Глубокий анализ значения воспитания разумных потребностей советского человека, их постоянного возвышения содержится в статье Генерального секретаря ЦК КПСС Ю. В. Андропова «Учение Карла Маркса и некоторые вопросы социалистического строительства в СССР»³. Ориентацию в постановке этих проблем дает обращение к бессмертным идеям К. Маркса, в частности —

¹ См.: Материалы XXVI съезда КПСС. М., 1981.

² См. там же, с. 63.

³ См.: Коммунист, 1983, № 3, с. 15.

к разработке им вопроса о производительном потреблении как необходимом условии возвышения потребностей человека.

Понятие «производительное потребление» применяется в работах К. Маркса к анализу процессов общественного воспроизводства. Современные исследователи в большинстве случаев используют это понятие для анализа процессов в сфере **материального** воспроизводства, в то время как разработка понятия «производительное потребление» применительно к сфере духовного воспроизводства практически отсутствует⁴.

Исследование некоторых моментов производительного потребления духовных ценностей как отражения реальных процессов в системе функционирования **духовного** воспроизводства и является основной задачей данной работы. Актуальность разработки понятия «производительное потребление» в настоящее время связана с выявлением ряда проблем в сфере духовного потребления, успешное решение которых является важным фактором в деле коммунистического воспитания трудящихся и связанного с ним движения советского общества к коммунизму.

Категории духовного производства и духовного потребления обладают необходимым и достаточным составом признаков, присущих категориям исторического материализма. Эти категории обобщают явления реального мира и характер отношений в нем, вычленяют «последовательные ступени этого процесса», доказывают «внутреннюю его закономерность среди всех кажущихся случайностей»⁵. Они являются всеобщими, распространяются на все эпохи, на все общественно-экономические формации и носят общесоциологический характер. Их всеобщность проявляется и по отношению ко всем формам духовной деятельности, так как религия, право, мораль, наука, искусство «*суть лишь особые виды производства*»⁶. Категории духовного производства и духовного потребления являются опорными понятиями, с помощью которых осуществляется познание области нематериального производства и связанных с ним процессов.

Духовное производство является исходным пунктом, основой всего процесса духовного воспроизводства, конечным моментом которого является духовное потребление. Анализ этих категорий «обнаруживает один полюс уже как наличествующий... в другом, что в определенной точке один полюс превращается в другой и что вся логика разворачивается только лишь из этих движущихся вперед противоположностей»⁷. Взаимодействие этих противоположностей, составляющее момент логического движения этих понятий, осуществляется, по К. Марксу, через

⁴ Данное понятие встречается, как нам известно, лишь в работах Р. Ф. Абульханова, Л. Н. Когана и Л. И. Иванько.

⁵ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 20, с. 23.

⁶ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 42, с. 117.

⁷ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 20, с. 516, 519.

посредство «потребительного производства» и «производительного потребления».

«Производительное потребление» духовных ценностей как социологическое понятие диалектически связано с категориями духовного производства и духовного потребления, находится между этими полюсами.

Производительное потребление, будучи воплощением непосредственного единства производства и потребления, вместе с тем существенно отличается от собственно производства и потребления. Производительное потребление, с одной стороны, является выражением идентичности производства и потребления, с другой стороны, сохраняет их непосредственную раздвоенность.

По К. Марксу, **идентичность** производства и потребления проявляется как: 1) непосредственная идентичность, 2) опосредованная идентичность, 3) взаимопереход в «свое — иное»⁸.

Мы убеждены, что эти методологические положения К. Маркса полностью применимы не только для материального, но и для духовного производства.

Непосредственная идентичность производства и потребления проявляется в следующем: само производство можно рассмотреть как производительное потребление, так как в процессе производства потребляются как сами средства производства, так и способности индивида, которые развиваются в акте производства. В то же время в акте потребления происходит воспроизведение человеческой жизнедеятельности, «производство» его личности, поэтому К. Маркс характеризует потребление как «потребительное производство».

Опосредованная идентичность между производством и потреблением состоит в том, что производство создает возможность для функционирования предметов и вещей, а потребление способствует превращению этой возможности в действительность⁹. Потребление влияет на производство через продукт, который в акте потребления является предметом для «деятельного субъекта». Потребление «создает потребность в *новом* производстве, стало быть, идеальный, внутренне побуждающий мотив производства, являющийся его предпосылкой»¹⁰. Диалектическое единство производства и потребления проявляется и во влиянии производства на потребление. В процессе производства создается предмет потребления, способ потребления и «влечение» к потреблению. Производство создает потребителя. «Произведение искусства,— говорится у К. Маркса,— то же самое происходит со всяким другим продуктом — создает публику, понимающую искусство и способную наслаждаться красо-

⁸ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 12, с. 719.

⁹ См.: Иванько Л. И. Маркс о потреблении как социологической категории.— Филос. науки, 1974, № 1, с. 32.

¹⁰ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 46, ч. 1, с. 28.

той. Производство создает поэтому не только предмет для субъекта, но также и субъект для предмета»¹¹.

Взаимопереход в «свое — иное» категорий производства и потребления совершается в процессе их взаимовлияния, качественно преобразующего одно в другое. «Только потребление и завершает акт производства, придавая продукту законченность его как продукта, поглощая его, уничтожая его самостоятельно-вещную форму, повышая посредством потребности в повторении способность, развитую в первом акте производства, до степени мастерства»¹². В процессе производства индивиды вырабатывают новые качества, преобразовывают и развивают самих себя благодаря производству.

Идентичность производства и потребления, с одной стороны, и их непосредственная раздвоенность — с другой, реализуется следующим образом: производство — потребительное производство — производительное потребление. Производительное потребление выступает, таким образом, и как момент диалектической связи производства и потребления, и в то же время как необходимый элемент всего цикла общественного воспроизводства.

Производительное потребление является оборотной стороной потребительного производства, воплощением идентичности производства и потребления; первое из названных понятий характеризует потребление с точки зрения производства, второе — характеризует производство с точки зрения потребления.

Понятие производительного потребления существует в системе определений, относимых не только к сфере материального воспроизводства, поскольку это понятие «приложимо и ко всякому другому (т. е. нематериальному.— *И. С.*) виду потребления, который с той или другой стороны, каждый в своем роде, производит человека», — писал К. Маркс¹³.

Производительное потребление — такой вид духовного потребления, который обеспечивает развитие и обогащение личности и тем самым готовит ее к участию в самостоятельном творчестве в сфере духовного воспроизводства. В процессе производительного потребления индивид осваивает духовное богатство общества и одновременно воспроизводит свои способности и творческие возможности.

Объективными условиями существования производительного потребления в процессе взаимодействия субъекта с объектом потребления являются: 1) определенный уровень развития производительных сил; 2) позиция господствующего класса по отношению к процессу потребления; 3) соответствие действия закона возвышения потребностей характеру и уровню развития про-

¹¹ Там же.

¹² Там же, с. 29—30.

¹³ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 12, с. 716.

изводительных сил. Субъективными условиями производительного потребления являются: 1) наличие установки субъекта на потребление соответствующих духовных ценностей, внутренней потребности в них; 2) интенсивность потребления; 3) наличие ресурсов, направленных на духовное потребление (например, материальные средства, объем свободного времени и т. д.).

Марксистско-ленинский подход к проблеме производительного потребления как к социологическому понятию требует, во-первых, раскрытия роли социальных условий как материальной основы развития производительного потребления; во-вторых, исследования его как динамичного, развивающегося процесса; в-третьих, учета не только роли социальных условий, но и активности самого субъекта потребления.

Производительное потребление как один из необходимых компонентов диалектической связи духовного производства и потребления существовало во все времена. Однако его всеобщий характер был ограничен для большинства населения социально-экономическими рамками классово-антагонистического строя. Как отмечал К. Маркс в «Капитале», производительное потребление было присуще в этих условиях, как правило, духовному потреблению представителей правящих классов, выступавших в качестве субъектов духовного производства.

Социализм обогатил историю человечества опытом духовного раскрепощения трудящихся, превратил широкие народные массы в субъект духовного производства. Производительное потребление стало чертой массовой, всеобщей, целенаправленной деятельности всего народа.

Анализ производительного потребления как развивающегося процесса связан, с одной стороны, с рассмотрением вопроса о взаимодействии субъекта с объектом потребления и, с другой стороны,— с выяснением влияния общественных отношений на этот процесс. Динамичный характер производительного потребления обусловлен следующими моментами:

1) на категориальном уровне этот процесс является отражением диалектической связи духовного производства и потребления, воплощением двойственной природы этого явления: его идентичности и раздвоенности;

2) на содержательном уровне производительное потребление может рассматриваться как один из результатов особого характера взаимодействия субъекта и объекта потребления, итогом которого становится изменение качественного состояния субъекта.

Духовные ценности и субъект потребления могут рассматриваться как элементы, взаимодействующие в процессе потребления. Взаимодействие этих элементов, их влияние друг на друга уже представляют собой момент движения. Движение в процессе духовного потребления представляет собой деятельность мышления субъекта потребления, движение его сознания. В про-

цессе распредмечивания субъект потребления осуществляет «присвоение этих предметов как *мыслей и движений.мыслей*»¹⁴.

Потребление является внутренним моментом производительной деятельности¹⁵. Духовное потребление предполагает процесс мыслительной переработки материала, его социальных свойств и отношений, скрытых в продукте. Труд, овеществленный в продукте, предназначенном для духовного потребления, требует дополнительного труда потребителя, чтобы «расшифровать» заключенную в нем духовную сущность, ее общественное содержание. В силу этого проявляется **активный характер** духовного потребления, требующий соответствующего развития способностей индивида и вследствие этого выводящий его на новый, более высокий уровень.

Подчеркивая активный характер потребления, К. Маркс вводит термины «потребительная сила», «способность к потреблению». При производительном потреблении потребительная сила человека выступает как деятельная, творческая производительная сила, являясь таким же проявлением его сущностных сил, как и рабочая сила. «Потребительная сила вызывает добровольное напряжение, а следовательно, и развитие соответствующих физических и умственных способностей человека в его потребительной деятельности, которая принимает наиболее творческий и напряженный характер в процессе потребления духовных благ», — пишет Л. И. Иванько¹⁶.

В качестве объектов переработки выступают духовные ценности, воплощенные в вещественной или деятельностной форме, нормы, обычаи и традиции. Результатом потребления является эффект «социального удвоения» духовных ценностей, поскольку к процессу восприятия субъекта «присоединяются не только еще другие чувства, но и деятельность нашего мышления», — писал Ф. Энгельс¹⁷. В этом и кроется секрет того, что духовные ценности настоящего не отменяют ценностей прошлого, а дают возможность посредством производительного потребления создавать все новые и новые духовные ценности.

Феномен производительного потребления связан с развитием индивидуальных производительных сил, что в конечном счете способствует и прогрессу общественных производительных сил. За счет развития индивидуальных производительных сил происходит реализация сущностных сил субъекта. Через присвоение продукта духовного потребления «человек производит человека» (К. Маркс). Человек является субъектом этого процесса, его исходным моментом и результатом в качестве «своего иного». Процесс производительного потребления превращает

¹⁴ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 42, с. 157.

¹⁵ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 46, ч. 1, с. 30.

¹⁶ Иванько Л. И. К. Маркс о потреблении как социологической категории, с. 35.

¹⁷ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 20, с. 554.

индивида «в иного субъекта, и в качестве этого иного субъекта он и вступает затем в непосредственный процесс производства»¹⁸. Производительное потребление через развитие индивидуальных производительных сил субъекта дает ему возможность «породить из себя свое внутреннее богатство»¹⁹, поскольку, по словам К. Маркса, действительным богатством прежде всего является «развитая производительная сила всех индивидов»²⁰.

Производительное потребление — это такой вид духовного потребления, который через влияние на субъект потребления нацелен на дальнейшее развитие духовного производства. Потребительное производство — это такое производство, которое направлено на формирование самой личности человека, его всесторонности, поскольку богатая индивидуальность «всесторонняя и в своем производстве и в своем потреблении»²¹.

Производительное потребление осуществляет реализацию творческих потребностей субъекта, а благодаря этому и дальнейшее развитие общественного духовного производства и самого человека как высшей ценности общества.

Духовное потребление по результату взаимодействия субъекта и объекта потребления можно характеризовать двояко: как производительное и непроизводительное потребление. За точку отсчета при этом принимается характер этого взаимодействия — развивает ли оно личность субъекта или тормозит такое развитие.

При производительном потреблении процесс распредмечивания социальных свойств, качеств и отношений объекта носит динамичный характер, способствует развитию личности, ее индивидуальных производительных сил и тем самым, через диалектическое единство с процессом духовного производства, функционированию цикла духовного воспроизводства.

Производительное потребление по своей сути бесконечно, оно нацелено на будущее, поскольку воплощает момент преобразующей производительной деятельности. Бесконечно оно и в силу отсутствия пределов роста творческих производительных сил индивида, которые направлены, с одной стороны, вовне — на духовное производство, с другой стороны — внутрь, на самого индивида.

Непроизводительное же потребление завершает свой цикл на стадии функционального потребления, т. е. такого распредмечивания объекта, когда потребляются его сугубо утилитарные свойства и качества, и в этом оно сходно с потреблением материальных ценностей. Непроизводительное потребление ничего не дает для развития личности субъекта потребления, его спо-

¹⁸ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 46, ч. 2, с. 221.

¹⁹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 42, с. 120.

²⁰ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 46, ч. 2, с. 217.

²¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 46, ч. 1, с. 281.

собностей и творческих возможностей. Оно разрывает цепь нормального функционирования духовного воспроизводства. «Истинное назначение духовных ценностей — быть средством воспитания и просвещения людей, их социализации, то есть единения на основе всестороннего развития личности», — пишет В. П. Мотяшов²². В процессе непродуцированного потребления удовлетворение духовных потребностей субъекта иллюзорно, оторвано от сущности потребляемого и его содержания; здесь связь с потребляемыми благами произвольна и случайна (ярким примером этого рода потребления является практика западной «массовой культуры»). Такая односторонность и поверхностность потребления, отражающая процесс определенного отчуждения субъекта от объекта, уродует и ограничивает внутренний мир человека.

Необходимым условием продуцированного потребления является **активность** субъекта, мера его участия в созидательном процессе духовного потребления. Характеризуя человеческую деятельность, Э. С. Маркарян пишет, что это «направленная активность людей, выражающаяся в их действиях. Это процесс в целом координированно осуществляемых действий, которые возникают на основе взаимодействия людей с внешней средой»²³. Овладение субъектом общественной сущностью объекта потребления происходит в процессе индивидуального акта деятельности как переход от простых способов распремечивания к более сложным, от начального уровня освоения социальной информации, заложенной в духовной ценности, к освоению сущности более высокого порядка. Активность субъекта духовного потребления в процессе продуцированного потребления и является отличительным моментом последнего по сравнению с непродуцированным потреблением.

Наличие объективных условий для широкого потребления духовных ценностей еще не гарантирует возвышения потребностей индивида, для этого «необходимо учитывать активную позицию самой личности, ее состояние и стремление использовать внешние благоприятные условия для своего собственного развития», — пишет Т. И. Артемьева²⁴.

Для продуцированного потребления народных масс при социализме необходимым условием является наличие благоприятных общественных факторов (материальной основы для осуществления потребления, общественно-политического и культурного равенства, увеличения объема свободного времени и т. д.). Характер продуцированного потребления обнаруживает себя как проявление общественной творческой активности, а «именно

²² Мотяшов В. П. Потребляющий мир: за и против. М., 1976, с. 222.

²³ Маркарян Э. С. Вопросы системного рассмотрения культуры и человеческой деятельности. Ереван, 1972, с. 209.

²⁴ Артемьева Т. И. Психология способностей и всестороннее развитие личности. — В кн.: Принцип развития в психологии. М., 1978, с. 143.

в активности масс — важный источник силы социалистического строя», — говорится в постановлении ЦК КПСС «О дальнейшем улучшении идеологической, политико-воспитательной работы» (М., 1979).

Итак, производительное потребление является высшим типом духовного потребления, поскольку оно способствует формированию социалистической личности во всем многообразии ее общественных связей и отношений. Производительное потребление подготовлено всем ходом духовного развития человечества и впервые реализовано в практической деятельности самых широких народных масс в условиях социализма. Производительное потребление как выражение идентичности производства и потребления является результатом социальных преобразований в сфере материального производства, создающих определенный уровень развития производительных сил. Социалистический строй дал реальные возможности соединения объективных и субъективных предпосылок для осуществления производительного потребления всей массой трудящихся.

Производительное потребление выступает условием формирования всесторонне развитой личности. Социализм является воплощением реального гуманизма, поскольку он «ставит своей целью расширение реальных возможностей для применения гражданами своих творческих сил, способностей и дарований для всестороннего развития личности»²⁵. Социализм формирует новый тип личности всей системой общественного воспроизводства и потребления. Именно через участие в общественном воспроизводстве происходит формирование активной жизненной позиции социалистической личности.

Н. К. ЭЙНГОРН
Уральский университет

Взаимосвязь сознания и деятельности

Проблемы сознания традиционно занимают в историческом материализме значительное место и рассматриваются в связи с закономерностями функционирования и развития общественного бытия, общественных отношений. Проблемы деятельности также являются предметом изучения данной науки, хотя и в меньшей степени. Рассматриваются они в рамках исследования общественных отношений. Сложилось два аспекта изучения соотношения сознания, отношений, деятельности: **общественное сознание — общественные отношения, деятельность — обществен-**

²⁵ Конституция (Основной Закон) Союза Советских Социалистических Республик. М., 1977, с. 10.

ные отношения. Не менее важным является, на наш взгляд, исследование взаимосвязи **сознание — деятельность**¹, так как деятельность субъекта одновременно выступает функциональным носителем и сознания, и отношений и необходимо лежит в их основе; также и сознание невозможно исключить из рассмотрения деятельности, ибо оно выступает как момент, внутреннее опосредование деятельности².

Изучение диалектики сознания и деятельности затрудняется недостаточной разработанностью проблем социальной диалектики, проблемы деятельности (структура деятельности, специфика конкретных видов деятельности и их соотношение, противоречия деятельности и т. д.), аналогичные задачи стоят и в изучении сознания. Тем не менее правомерно и необходимо уже сейчас исследовать диалектическое соотношение сознания и деятельности, так как это должно обогатить и углубить наши знания о сущности, специфике, структуре и функциях сознания и деятельности, ибо одно без другого не существует и деятельность есть всегда проявление активности субъекта, наделенного сознанием, а способ существования сознания есть деятельность.

В последнее десятилетие ведется активная разработка теории деятельности в различных отраслях науки (биологии, психологии, социологии, диалектическом материализме, эстетике, этике и т. д.). Философский анализ деятельности приобретает особое значение, так как дает представление о сущностных характеристиках деятельности, ее структуры, функций, без которых невозможно конкретное исследование деятельности.

В общефилософском плане деятельность рассматривается как социальная форма движения материи, как способ бытия социальной действительности: «История — не что иное, как деятельность преследующего свои цели человека», — отмечается в «Святом семействе»³. Исследователи, рассматривающие основные способы существования объективной действительности, при различии некоторых моментов единства в том, что способ существования общества, человека — деятельность⁴. Она рассматривается как универсум, вбирающий в себя все богатство человеческого бытия, но при этом правомерно отмечается, что «...из признания универсальности деятельности не следует ее полное отождествление с человеческим бытием. Жизнь общества, как

¹ В научной литературе можно встретить указание на данную необходимость: «...Традиционной в учебных курсах является тема «Материя и сознание». Не менее важной является обычно отсутствующая тема «Деятельность и сознание» (Булатов М. А. Деятельность и структура философского знания. Киев, 1976, с. 185).

² См.: Фофанов В. П. Социальная деятельность как система. Новосибирск, 1981, с. 116.

³ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 2, с. 102.

⁴ См.: Каган М. С. Человеческая деятельность. М., 1974, с. 40; Маргулис А. В. Об основных способах существования объективной действительности. — В кн.: Проблемы диалектики. Л., 1975, вып. 5, с. 10.

известно, есть естественно-исторический процесс смены общественно-экономических формаций, а отдельная личность суть интериоризированный ансамбль общественных отношений»⁵.

Избегая расширительного подхода к толкованию деятельности в изучении социальных процессов, нужно тем не менее последовательно придерживаться положения о том, что личность, выступая совокупностью или «ансамблем» общественных отношений, «...является таковой постольку, поскольку выступает как **деятельная личность**»⁶.

Перед историческим материализмом стоит в настоящее время важная методологическая задача — достижение единства общетеоретических, абстрактных характеристик общественного развития (учение об общественно-экономических формациях, о соотношении общественного бытия и общественного сознания, базиса и надстройки, объективного и субъективного и т. д.) и так называемого деятельностного подхода в изучении социальных процессов.

Предпринимаются первые попытки достижения этого единства. В статье А. И. Вербина и В. Ж. Ковальзона «Базис и надстройка и механизмы социальной деятельности людей» отмечается, что, изучая общие законы и категории, «мы затем должны их все-таки применить к анализу деятельности, связать с деятельностью, исследовать, каким образом эти структурные компоненты общества функционируют в структуре самой деятельности»⁷. Авторы данной статьи вводят понятие «социальный механизм», которое, по их мнению, «предполагает, с одной стороны, рассмотрение деятельности в системе общества, а с другой — признание упорядоченности самой этой деятельности. Тогда социальный механизм можно определить как трансформацию структуры данного общества в структуру деятельности определенного вида (или определенной сферы), упорядочивающую эту деятельность в соответствии с ее целями, ориентациями и условиями»⁸.

Это интересное предложение может быть теоретически реализовано, по-нашему мнению, только при условии изучения механизма трансформации данной социальной структуры, структуры общественных отношений, в конкретную, исторически определенную систему деятельности. Это, в свою очередь, предполагает выработку четких представлений о сущности, структуре, механизмах функционирования самой деятельности. Поэтому верно утверждение Л. П. Бугевой о том, что методологи-

⁵ Сагатовский В. Н. Деятельность как философская категория. — Филос. науки, 1978, № 2, с. 49.

⁶ Леонтьев А. А. Деятельность и общение. — Вопр. философии, 1979, № 1, с. 125.

⁷ Филос. науки, 1979, № 1, с. 19.

⁸ Вербин А. И., Ковальзон В. Ж. Базис и надстройка и механизмы социальной деятельности людей, с. 21.

ческим ключом в решении многих теоретических вопросов является «...принцип единства деятельности, общественных отношений и сознания. Этот принцип необходим для раскрытия не только сущности социальных процессов и механизма действия общественных законов, но и социально-психологических законов формирования общественных субъектов деятельности»⁹.

Но поскольку общественное отношение есть особый вид связи социальных субъектов, возникающий по поводу или в процессе какого-либо определенного вида деятельности, постольку деятельность субъекта, выступающая как субстрат, носитель общественных отношений, может и должна быть детально изучена как относительно самостоятельный социальный феномен, что необходимо предполагает рассмотрение проблемы диалектического единства деятельности и сознания.

Как понимать это единство? Ведь взаимосвязи сознания и деятельности чрезвычайно многообразны. Кроме того, они могут быть рассмотрены в различных аспектах: генетическом, онтологическом и тесно с ними связанных функциональном, гносеологическом, социологическом. Названные аспекты тесно переплетены, их подчас трудно разграничить.

В научной литературе, посвященной проблемам происхождения сознания, его сущности, функций, отмечается: «Главный механизм формирования и развития сознания человека — это усвоение исторически выработанных и фиксированных в формах культуры видов практической и теоретической деятельности»¹⁰. Иными словами, сознание уже в своем становлении, формировании и развитии неразрывно связано с деятельностью и выступает как «...особая идеальная форма, внутренний аспект человеческой деятельности»¹¹. В своем функциональном проявлении сознание «...существует в конечном счете для практики, для регулирования и управления поведением человека, его деятельностью»¹².

Рассматривая соотношение сознания и деятельности, их взаимосвязь, следует учитывать многообразие и противоречивость их проявлений. Сознание и деятельность различных субъектов могут находиться в отношении соответствия и несоответствия друг другу. При этом соответствие выступает как специфическая преемственная взаимосвязь между сознанием и деятельностью, а несоответствие — как отсутствие взаимосвязи, преемственности между ними. Поскольку различные виды соответствия и несоответствия сознания и деятельности есть модификации их единства, постольку исходным моментом анализа должно быть рассмотрение закономерности и противоречивости единства сознания и деятельности.

⁹ Буева Л. П. Человек: деятельность и общество. М., 1978, с. 102—103.

¹⁰ Спиркин А. Г. Сознание и самосознание. М., 1972, с. 32.

¹¹ Там же, с. 31.

¹² Тугаринов В. П. Философия сознания. М., 1971, с. 65.

В общепhilософском плане «деятельность» выступает как «категория для фиксации диалектического единства материального и идеального, материи и сознания»¹³. Но в функциональном плане сознание и деятельность являются противоположными сторонами единого процесса целеполагающей деятельности и обладают признаками единства и различия, так как сознание проявляется, объективируется в деятельности, а деятельность всегда есть деятельность преследующего свои цели субъекта. Но одно не равно другому, как идеальное, субъективный образ, цель не равны своему объективированному чувственно-предметному воплощению. Обретая свое единство в субъекте, сознание и деятельность не только тождественны, но и обладают определенными различиями, их единство противоречиво.

Известно, что не всякое различие есть противоречие и не всякое единство есть диалектическое единство, выступающее как тождество противоположностей: «Сущность объективного противоречия нельзя понять без привлечения диалектического соотношения тождества и различия... Возможность противоречия заложена в различии, но реализуется оно в действительности только в субстанциональном тождестве»¹⁴. Иными словами, каждое отличное в каком-либо явлении, процессе выступает в качестве диалектической противоположности лишь тогда, когда оно «...отлично от какого-либо другого, но не абстрактно от какого-либо другого, а от *своего* другого»¹⁵.

Эти положения имеют принципиальное значение для обоснования диалектического тождества и различия сознания и деятельности. Когда ставится вопрос о тождестве сознания и деятельности, то следует учитывать, что эта проблема существовала в философии издавна, на протяжении всей ее истории, и получала самые различные толкования: материалистическое и идеалистическое, метафизическое и диалектическое, но только в рамках диалектического и исторического материализма была решена верно, так как «марксистско-ленинская философия покончила с дуализмом духа и бытия, с превращением человека в абстракцию самосознания или «природы», она нашла ту сферу, где материалистически интерпретируемые дух и бытие действительно составляют единство и взаимопереходят друг в друга — предметно-практическую деятельность людей»¹⁶. А из нее генетически выводятся все конкретные виды человеческой деятельности, в которые сознание вплетено как «момент механизма деятельности»¹⁷, как уже выше отмечавшаяся «идеальная форма, внутренний аспект человеческой деятельности».

¹³ Фофанов В. П. Социальная деятельность как система, с. 113.

¹⁴ Ким В. В. Тождество, различие, противоречие.— В кн.: Взаимосвязь категорий. Свердловск, 1970, с. 17.

¹⁵ В. И. Ленин отмечал правильность и значимость этого положения в философии Гегеля (Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 29, с. 235).

¹⁶ Яценко А. И. Целеполагание и идеалы. Киев, 1977, с. 52.

¹⁷ Там же, с. 17.

Рассматривая проблему взаимосвязи сознания и деятельности, необходимо учитывать, что «отношение сознания к практике как одному из элементов бытия выступает в двух аспектах. Во-первых, как отношение духовного момента деятельности к ее предметно-чувственным моментам, а также ее объективным условиям (предмету, средствам) и предметным результатам. Во-вторых, как отношение к практике общественного сознания, осознающего практику и ее результаты в целом, в том числе и ее идеальные моменты»¹⁸. Иными словами, следует различать сознание как фактор деятельности, ее неотъемлемый компонент, выполняющий функцию управления деятельностью на основе отражения действительности (сознание — знание) и выработки определенного отношения к ней (сознание — отношение), и сознание как отражение, осознание мира социальной действительности. В первом случае мы, как правило, имеем дело с социологическим, психологическим и другими аспектами изучения сознания, во втором — с гносеологическим аспектом.

Именно гносеологический аспект имел в виду В. И. Ленин, когда, критикуя Богданова, выступал против понимания соотношения общественного бытия и общественного сознания как тождества: «Из того, что люди, вступая в общение, вступают в него, как сознательные существа, никоим образом *не следует*, чтобы общественное сознание было тождественно общественному бытию»¹⁹. И далее: «Из того, что вы живете и хозяйничаете, рождаете детей и производите продукты, обмениваете их, складывается объективно необходимая цепь событий, цепь развития, независимая от вашего *общественного* сознания, не охватываемая им полностью никогда»²⁰.

Данная В. И. Лениным критика была направлена против абсолютизации положения о тождестве сознания и бытия. Но сама проблема не исключается из возможного обсуждения и исследования. В прошедшей на страницах журнала «Философские науки» в конце 60-х годов дискуссии о соотношении мышления и бытия обсуждался вопрос о том, правомерно ли рассматривать отношение сознания к бытию как тождество, не противоречит ли это положение принципу отражения мира в сознании людей, признанию определяющей роли общественной практики в познании и т. д.

В настоящее время вопрос о тождестве сознания и бытия все более находит свое приемлемое решение: «...нельзя противопоставлять теорию отражения принципу тождества мышления и бытия. ...При более строгом толковании принцип тождества мышления и бытия будет звучать как принцип диалектического единства бытия и мышления, материи и сознания, поэтому весь

¹⁸ Там же.

¹⁹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 18, с. 343.

²⁰ Там же, с. 345.

вопрос не в том, как формулируется то или иное положение, а в том, какое содержание в него вкладывается»²¹.

Правомерным в связи с этим является следующее положение: «Источником вопроса о тождестве сознания и бытия является их фиксируемое в практике различие. Несовпадение желаемого с действительным, расхождение между целью деятельности и ее результатом навязывает мысль о различии между «статаллерами в кармане и статаллерами в голове», «различии между материальным и идеальным»²².

Из приведенных высказываний можно сделать вывод о том, что правомерно ставить вопрос о диалектическом единстве сознания и бытия, сознания и деятельности (ибо бытие и есть реальный процесс жизнедеятельности людей), представляющем собой их тождество и различие, причем рассмотрение данного тождества и различия правомерно как в гносеологическом, так и в других аспектах (генетическом, функциональном, социологическом и т. д.). Более того, эти аспекты не всегда возможно разграничить, так как даже тогда, когда сознание рассматривается не как отражение бытия, деятельности, а как ее фактор, неотъемлемый компонент, выполняющий функцию управления деятельностью, мы должны констатировать тот факт, что успешное управление деятельностью возможно лишь на основе адекватного отражения действительности, ее закономерностей, потребностей, порождаемых противоречиями между субъектами и условиями их жизнедеятельности и т. д.

Рассмотрение человеческого бытия, деятельности и сознания с точки зрения диалектической противоречивости их сущности и проявлений занимает в научной литературе последних лет все более значительное место: «...мысль о всеобщей противоречивости вытекает из того, что само бытие человека есть постоянно разрешающееся и само себя восстанавливающее противоречие между ним и объективным миром, его сознанием и телом, познанием и практикой и т. д.»²³ Противоречивое единство сознания и деятельности рассматривается с точки зрения единства и различий субъективного и объективного, материального и идеального, распредмечивания и опредмечивания и т. д.: «Практическая деятельность как способ человеческого бытия есть живое движение, само себя становящее и снимающее диалектическое противоречие между человеком и природой, объективированием и субъективированием, опредмечиванием и распредмечиванием, производством и потреблением, репродуцированием и творчеством нового, отчуждением и разотчуждением»²⁴. Все отмечен-

²¹ Оруджев З. М. Диалектика как система. М., 1973, с. 304.

²² Яценко А. И. Целеполагание и идеалы, с. 13.

²³ Яценко А. И. Целеполагание и идеалы, с. 66—67. См. также работы: Маргулис А. В. Диалектика деятельности и потребностей общества. Белгород, 1972; Оруджев З. М. Диалектика как система.

²⁴ Яценко А. И. Целеполагание и идеалы, с. 92.

ные противоречия зарождаются в отношении субъекта и объекта и находят свое разрешение, уничтожение «односторонности» и субъективности и объективности»²⁵ в целеполагающей практической деятельности субъекта.

Помимо отмеченных характеристик диалектического единства сознания и деятельности, необходимо учитывать тот факт, что реально деятельность и сознание существуют и взаимодействуют через многообразие конкретных видов: политическое сознание и политическая деятельность, правовое сознание и правовая деятельность, эстетическое сознание и эстетическая деятельность, моральное сознание и нравственная деятельность и т. д. И в каждом конкретном виде представлено диалектическое тождество и различие сознания и деятельности. Например, тождество морального сознания и нравственной деятельности является субстанциональным тождеством в силу того, что нравственная деятельность безразлична к тому, объективацией какого сознания она выступает, деятельность субъекта потому является нравственной, что предстает как реализация моральных знаний, целей, мотивов, моральных потребностей, т. е. морального сознания в целом. Нравственная деятельность является таковой не случайно, а необходимо, и «...нравственный поступок в этом смысле есть поступок, который совершен потому, что он нравственный»²⁶. Моральное сознание и нравственная деятельность выступают противоположными сторонами единого диалектического противоречия, и анализ различных видов их соотношения предстает как исследование механизма развития противоречия, начиная с зарождения данного противоречия и кончая его разрешением (это относится и к соотношению других видов сознания и деятельности).

В анализе механизма развития противоречия сознания и деятельности необходимо учитывать и тот факт, что «даже подлинно противоположные стороны еще не образуют диалектического противоречия в тех случаях, когда они разобщены в пространстве и времени, не вступают в непосредственное взаимодействие ... В таких случаях существует лишь возможность противоречия между ними, которая превращается в действительность, когда они начинают взаимодействовать»²⁷, причем взаимодействовать «...в одно и то же время и в одном и том же отношении»²⁸. Отмеченные характеристики диалектического противоречия важны в рассмотрении взаимосвязи сознания и деятельности, так как им необходимо присуща временная разобщенность (уместно вспомнить в данном случае известное сравнение К. Марксом действий архитектора и пчелы), и характер взаимосвязи, степень единства, различия, противоречия созна-

²⁵ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 29, с. 190.

²⁶ Гусейнов А. А. Социальная природа нравственности. М., 1974, с. 111.

²⁷ Горбач В. И. Проблемы диалектических противоречий. М., 1972, с. 74.

²⁸ Ким В. В. Тождество, различие, противоречие, с. 16.

ния и деятельности того или иного субъекта мы сможем определить лишь тогда, когда содержание сознания (цели, мотивы, потребности и т. д.) будет воплощаться, объективироваться в реальных действиях, поступках: «...по каким признакам судить нам о *реальных* «помыслах и чувствах» *реальных* личностей? Понятно, что такой признак может быть лишь один, *действия* этих личностей,— а так как речь идет только об общественных «помыслах и чувствах», то следует добавить еще: *общественные действия личностей*»²⁹.

Следующим важным моментом в анализе механизма развития противоречия сознания и деятельности является то, что противоположности, различные стороны противоречия играют неодинаковую роль. Хотя они и относятся к одной сущности, но не могут быть равнозначными, и «действительного дуализма *сущности* не бывает»³⁰. Поэтому необходимо уяснение конкретной роли каждой противоположности в их взаимоотношении и определении доминирующей роли одной из них. Так, например, применительно к моральному сознанию и нравственной деятельности доминирующую роль, как правило, выполняет моральное сознание субъекта, так как нравственная деятельность данного субъекта является подлинно нравственной не только по своим внешним результатам, но и по внутренним механизмам регуляции и обеспечения, по степени адекватной воплощенности в ней морального сознания субъекта. Но такое положение не абсолютно, при определенных условиях (например, руководство нравственными стереотипами, а не стремление к сознательной активной нравственной позиции) в роли доминанты может выступать и нравственная деятельность. Определение доминирующей стороны противоречия связано с выяснением структуры, степени развитости и совершенства каждой противоположности (сознания и деятельности).

Важной закономерностью механизма развития противоречия является то, что степень взаимообусловленности противоположностей, интенсивность взаимодействия противоположных сторон различна на разных стадиях развития противоречия и существенно зависит от степени развитости и совершенства самих противоположностей. Чем выше уровень развития противоположностей (сознания и деятельности), тем многогранней связи между ними, тем больше предпосылок для определения единства и различий между ними, тем больше оснований для разрешения противоречия в направлении укрепления единства противоположностей или разрушения его, а не затухания противоречия.

Содержание взаимодействия противоположностей в противоречии характеризуется либо взаимодополнением и взаимопроникновением противоположностей, либо их взаимоотрицанием

²⁹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 1, с. 423—424.

³⁰ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 1, с. 322.

и взаимоисключением. Мы не случайно используем термин «**взаимодействие**» противоположностей, поскольку он позволяет, по нашему убеждению, выразить реальную неоднозначность связей противоположностей в противоречии, тогда как термин «**борьба**» больше соответствует и тяготеет не к позитивному характеру разрешения противоречия, а к негативному, завершающемуся появлением нового качества не на основе синтеза противоположностей и процесса «снятия», а на основе разрушения единства и победы одной из противоположностей.

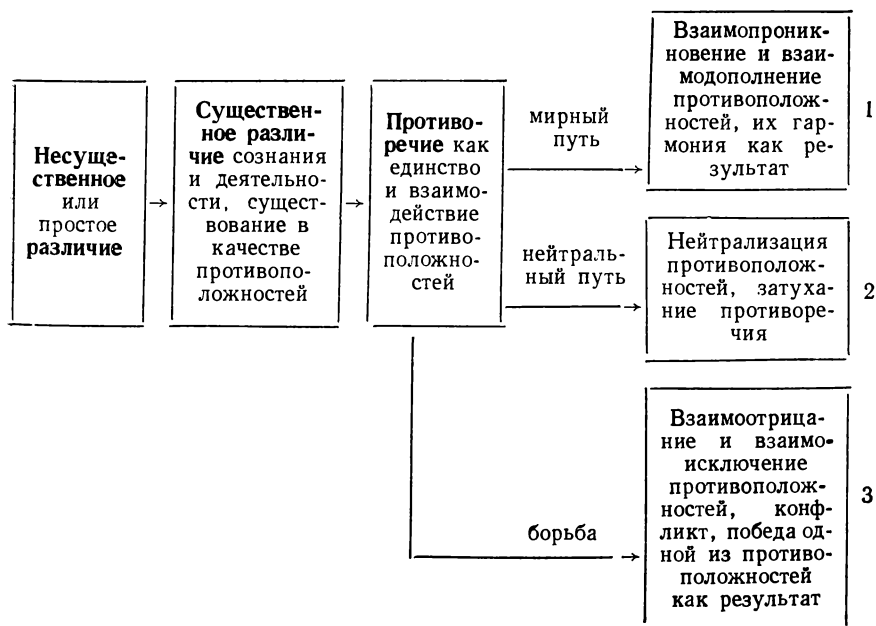
На основании приведенных рассуждений мы можем сделать общий вывод о том, что конкретные виды взаимосвязи сознания и деятельности субъекта определяются тремя основными факторами:

1) различной степенью развитости, сформированности противоположностей (сознания и деятельности субъекта);

2) неоднозначной степенью тождества и различий между ними;

3) различной направленностью взаимодействия противоположностей (в сторону укрепления единства противоположностей или в сторону его разрушения; возможен и средний, так называемый нейтральный путь разрешения противоречия — примирение противоположных сторон, затухание противоречия, не дающее нового качества сознанию и деятельности субъекта).

Основания выделения и анализа различных видов взаимосвязи сознания и деятельности можно представить следующей схемой.

В основе выделения трех общих возможных путей разрешения противоречия лежит неоднозначность отрицания в процессе разрешения противоречия. В основе первого направления разрешения противоречия лежит **«снятие»** «как момент связи, как момент развития, с удержанием положительного»³¹ и с существенным качественным изменением. Второе направление обусловлено **трансформацией** противоположностей, т. е. частичными несущественными изменениями в рамках самой основы без радикального качественного ее изменения. И третий вид отрицания — это **деструкция**, разрушение единства противоположностей, появление нового качества за счет сохранившейся противоположности³².

Первый способ взаимодействия противоположностей сознания и деятельности и способ разрешения противоречия между ними определяет их соответствие, единство (гармоническое единство как высшее проявление), сами противоречия в данном случае выступают как необходимые, играющие позитивную роль во взаимодействии и развитии сознания и деятельности субъекта. В имеющейся по проблеме противоречий деятельности и сознания литературе отмечается: «В системе деятельности противоречия можно классифицировать по разным основаниям: по содержанию (различия материальной и духовной деятельности, физического и умственного труда и др.); по форме (индивидуальная и групповая, коллективная и общественная формы деятельности и их сложные противоречивые отношения), по направленности (деятельность, связанная с удовлетворением личных и общественных потребностей).

Важный аспект изучения — **процесс** деятельности с присущими ему противоречиями. Философский анализ выявляет в деятельности противоречия опредмечивания и распредмечивания, социологический — общения и обособления, психологический — интериоризации и экстериоризации»³³.

Понятия «опредмечивание» и «распредмечивание» тесно связаны с понятиями «интериоризация» и «экстериоризация». Эти понятия «...на разных уровнях (философском и психологическом) объясняют, по существу, один и тот же процесс, процесс реальной, предметной деятельности человеческой личности...»³⁴ Отмеченные понятия выражают, в сущности, один процесс —

³¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 29, с. 207.

³² «Различие между деструкцией, снятием и трансформацией, в известной мере, условно. В сложных реальных процессах деструкция, снятие и трансформация могут выступать как различные, но взаимосвязанные моменты развития. И хотя нельзя резко разграничивать названные типы отрицания, все же было бы неверным не видеть и известной специфики каждого из них» (Харин Ю. Диалектика социального отрицания. Минск, 1972, с. 59).

³³ Румянцев В. М. Противоречия в развитии личности и их разрешение в процессе воспитания. Калинин, 1973, с. 175.

³⁴ Румянцев В. М. Противоречия в развитии личности и их разрешение в процессе воспитания, с. 200.

диалектику внешнего и внутреннего. Но тождества между двумя парами этих понятий нет, так как в понятиях «опредмечивание — распредмечивание» выражается содержательная сторона процесса деятельности, а в понятиях «интериоризация — экстерииоризация» — формальная. Опредмечивание — распредмечивание выражается в различных видах социальной деятельности, конкретное содержание этого процесса может быть различным. Но каким бы конкретным содержанием ни обладал процесс распредмечивания — опредмечивания, он имеет повторяющиеся внешние и внутренние формы своего выражения: потребности, интересы, мотивы, цели, знания, убеждения, ориентации, волевые характеристики, процесс принятия решения, осуществления действия и его результат. Формирование их и осуществление и представляют собой процессы интериоризации и экстерииоризации. Рассмотренные два процесса неразрывно связаны с третьим процессом общения — обособления, который выступает необходимым условием первых двух.

Своеобразной детализацией общего механизма развития и разрешения противоречия выступает классификация диалектических противоречий, представленная в статье П. А. Лежебокова³⁵. В качестве оснований классификации берутся существенные признаки противоречия, начиная от его зарождения и кончая разрешением: А. Возникновение. Б. Существование. В. Разрешение противоречия. Группу А составляют основания: 1) по происхождению; 2) по характеру связей между противоположностями; 3) по структуре. К группе Б относятся основания: 4) по сфере действия; 5) по степени общности; 6) по роли в системе качеств. Группу В составляют основания: 7) по направленности развития; 8) по средствам и методам разрешения; 9) по результату разрешения. Составленная по этим основаниям классификация противоречий насчитывает более 50 их конкретных видов и дает возможность для детального и всестороннего анализа реального взаимодействия сознания и деятельности и присущих этому взаимодействию противоречий.

Противоречивое единство сознания и деятельности может исследоваться и посредством анализа следующих видов противоречий: общих и специфических, внутренних и внешних, основных и неосновных, необходимых и случайных, антагонистических и неантагонистических, действительных и возможных и др.³⁶ Исследование многообразных противоречивых взаимодействий деятельности и сознания необходимо должно включать рассмотрение их гармонии как высшего проявления диалектического единства. Гармония издавна трактовалась не как отрицание противоречия, а как его особое проявление. Еще Гераклит от-

³⁵ См.: *Лежебоков П. А.* О классификации объективных диалектических противоречий. — В кн.: *Сознание и нравственность*. Иваново, 1971, т. 93.

³⁶ См.: *Горбач А. И.* Проблемы диалектических противоречий.

мечал, что гармония состоит из противоположностей. Сущность гармонии Гегель усматривал в различном. В современной философской литературе справедливо отмечается, что «идея гармонии, несмотря на многие перипетии своего развития, сохранила в своем основном содержании связь с учением о противоречиях как между сторонами единого целого, так и между старым и новым его состояниями»³⁷. Гармония является свойством сложных динамических систем, она есть единство многообразия, «интенсивное развертывание сущности»³⁸. Важной характеристикой является и то, что «гармоничность развития определяется спецификой разрешения противоречий»³⁹.

Гармония как единство противоположностей с необходимостью предполагает целостность явления с присущей ему внутренней организацией и нерасторжимой связью элементов. Эта связь должна характеризовать не только единство сознания и деятельности, но и целостность сознания, всех его многообразных компонентов: интеллектуальных, чувственно-эмоциональных и волевых. Гармоническое единство сознания и деятельности представляет собой такую степень их развития и взаимосвязи, которая выступает как неотъемлемая целостная характеристика субъекта.

Но реальная жизнь с присущими ей многообразием, сложностью, несовершенством порождает многочисленные существенные и несущественные отклонения от гармонического единства сознания и деятельности субъекта. Поэтому отмеченное гармоническое единство сознания и деятельности следует рассматривать как идеал их соответствия, действительные и возможные отклонения от которого существовали, существуют и будут существовать. Поэтому задача исследователей состоит в изучении причин, сущности этих отклонений, их возможного устранения и поисков путей максимального приближения к гармоническому единству сознания и деятельности.

Анализ отмеченного выше второго и третьего пути в развитии и разрешении противоречий сознания и деятельности дает основания для изучения сложной картины несоответствия и конфликтов между ними, многообразия негативных противоречий, препятствующих их единству. Конфликт противоположностей есть такое противоречие, которое характеризуется столкновением, борьбой противоположностей, результатом которой является разрушение единства, победа одной из противоположностей.

Рассмотренные противоречия распредмечивания — опредмечивания, интериоризации — экстериоризации, общения — обособления и др. лежат в основе различных видов несоответст-

³⁷ Мещеряков В. Т. Гармония и гармоническое развитие. Л., 1976, с. 65.

³⁸ Мещеряков В. Т. Гармония и гармоническое развитие, с. 67.

³⁹ Мещеряков В. Т. Развитие представлений о гармонии в домарксистской и марксистско-ленинской философии. Л., 1981, с. 168.

вия сознания и деятельности, точнее, характер разрешения этих противоречий может приводить к разрушению единства сознания и деятельности, к конфликтам между ними: «Ни одно человеческое действие не случается, конечно, с безусловной абсолютной необходимостью, ибо между началом и концом, между чистой мыслью и действительным намерением, даже между решением и самим действием может еще выступать во мне бесчисленное количество посредствующих звеньев»⁴⁰.

Представленный в статье анализ возможного пути изучения взаимосвязи сознания и деятельности дает общие представления о характере их взаимодействия, для конкретизации и уточнения которых нужны дальнейшие исследования.

О. Н. ЖЕМАНОВ
Уральский научный центр

Производительные силы в сфере научной деятельности

Понятие «производительные силы» относится к числу фундаментальных по значению в познании социальных явлений и процессов категорий исторического материализма. С помощью данного понятия в материалистическом понимании истории научно обосновывается положение о решающей роли способа производства в общественном развитии. Изменения в производительных силах общества обуславливают в конечном итоге смену социальных порядков, продвижение людей вперед по пути социального прогресса. Стало быть, применение категории «производительные силы» в исследованиях общественной жизни позволяет научно объяснять и статику, и динамику явлений и процессов в ней.

Изучение понятия «производительные силы» в социальном познании сопряжено со значительными трудностями в определении его содержания и конкретных путей и способов его использования исследователями-марксистами (хотя бы уже по той причине, что понятие «производительные силы» приходится соотносить, изучая ход событий социальной действительности, со многими другими понятиями в историческом материализме: «производственные отношения», «базис», «надстройка», «политика» и др., находить возможности обращения к нему в анализе различных областей и сфер в жизни общества и т. д.). Не случайно поэтому в советской научной литературе по философии, социологии, экономическим наукам и др. начиная еще со второй половины 50-х годов и по настоящее время не прекращаются дискуссии вокруг содержания понятия «производительные силы».

⁴⁰ Фейербах Л. Избр. филос. произв. М., 1955, с. 480—481.

Высоко оценивая сделанное в научном анализе производительных сил, важно отметить принципиальные возможности нахождения в современный период в известной мере новых, недостаточно еще используемых в марксистской литературе направлений и путей их изучения. Среди таких направлений и путей, как нам кажется, приобретает всевозрастающую эвристическую ценность подход к производительным силам в аспекте рассмотрения отдельных областей и сфер общественной жизни. Такой подход позволяет опереться в анализе производительных сил на принцип деятельности (или деятельностный подход), все более полно используемый в последние годы в работах советских исследователей по проблемам исторического материализма, существенно обогатить знания о производительных силах на основе изучения их конкретных проявлений в отдельных областях социальной жизни.

В настоящей статье ставится цель определить возможности использования категории «производительные силы» в сфере научной деятельности, высказать соображения о структуре производительных сил в этой области и о том, что дает их анализ в понимании всей системы производительных сил общества.

Постановка проблемы производительных сил в сфере научной деятельности в советской научной литературе стала возможной благодаря существенному пересмотру в 60—70-е годы подхода к науке как своеобразному феномену общественной жизни. Наука перестает пониматься только как явление духовной жизни общества, исследователи стараются учесть сложность и многообразие процессов ее развития, при этом рассматриваются три основных ее аспекта. Первый аспект — понимание науки как системы знаний, формы отражения объективного мира в сознании человека, без чего нельзя характеризовать процессы и тенденции ее развития. Второй — рассмотрение науки как деятельности по производству знаний, отличающейся своей спецификой от других видов деятельности, как отрасли духовного производства (возможно говорить о специфике труда в науке, условий его организации, достижения в ней необходимых результатов и т. д.). Третий аспект — анализ науки и как специфического социального института с присущими ему в отличие от других общественных институтов чертами.

Вопрос о производительных силах науки возникает, когда она определяется как специфическая сфера деятельности, отрасль духовного производства, как особый социальный институт. В советской научной литературе имеются работы, непосредственно посвященные рассмотрению производительных сил в сфере науки (например, данная тема специально обсуждается в статье В. А. Дмитриенко «К вопросу о производительных силах науки»¹). Однако число этих работ невелико. Мы считаем,

¹ В кн.: Проблемы логики и методологии науки. Томск, 1974, вып. 7.

что данное обстоятельство не является случайным. Для того чтобы вести разговор о производительных силах в сфере научной деятельности, требуется в качестве предварительного условия установить, в какой степени интересующая нас категория вообще подходит для данной сферы, применима к ней, что дает в расширении знаний о науке как особой области деятельности обращение к понятию «производительные силы».

Категория «производительные силы» была определена К. Марксом и Ф. Энгельсом как общее понятие, относящееся к характеристике способа производства материальных благ. Эта категория выступает и как конкретизация такой абстракции, как «производство вообще», поскольку речь заходит о содержании производства, о ведущих процессах и тенденциях его развития, об их воздействии на общественную жизнь. Было бы неверно механически переносить категорию «производительные силы» на другие виды деятельности людей без учета их специфики (скажем, на ту же область духовного производства). Сказанное в полной мере относится и к науке, когда выясняются возможности использования в сфере научной деятельности понятия «производительные силы», но с ней, как мы полагаем, дело обстоит иначе, чем при рассмотрении каких-то иных областей социальной жизни.

При определении конкретных путей применения категории «производительные силы» к сфере духовного производства следует учитывать своеобразие его различных отраслей. Деятельности по производству новых знаний присущи свои специфические черты в отличие, например, от деятельности, направленной на создание художественных ценностей. В анализе производительных сил духовного производства отчетливо выделяются поэтому и разные уровни: одно дело, когда исследователь пытается установить общие возможности использования понятия «производительные силы» применительно к духовному производству в его целостности, имея в виду самые характерные его признаки; другое дело, когда рассматриваются уже специфические особенности производства благ и ценностей в разных отраслях духовного производства и на этой основе выявляются пределы применимости в каждой из них понятия «производительные силы». Во втором случае необходимо учитывать и общие черты и тенденции развития духовного производства, и особенности выделяемой в качестве объекта исследования его конкретной сферы.

Если подойти с этих позиций к науке, то важнейшей особенностью труда в данной сфере выступает, безусловно, его всеобщий характер, о чем в последние годы все больше говорят советские исследователи². В познании объективного мира участвуют

² См. напр.: Шейнин Ю. М. Наука и товарно-денежные отношения.— В кн.: Проблемы деятельности ученого и научных коллективов. Л., 1973, вып. 5; Кочергин А. Н., Семенов Е. В. Социальная природа и всеобщий характер научного труда.— В кн.: Наука. Организация и управление. Новосибирск, 1979.

в том или ином качестве все члены общества, весь прошлый опыт человечества³. Такое понимание всеобщего характера научного труда приводит на первый взгляд к заключению о бесперспективности самой постановки вопроса о производительных силах в сфере науки (в самом деле, стоит ли вообще заниматься определением состава и структуры производительных сил в данной сфере, когда в процессы познания включаются все, применяя при этом разнообразные средства и методы и т. д.). Но признание всеобщего характера труда в науке не снимает вопроса о производительных силах в области научной деятельности постольку, поскольку в ней происходят процессы профессионализации и специализации исследователей, образуются различные организации, в которые вовлекаются ученые, а самое главное — в ходе развития науки все полнее проявляется тенденция ее превращения в непосредственную производительную силу общества. Эта тенденция дает о себе знать во взаимодействии науки и материального производства, в развитии и осуществлении сложной системы взаимосвязей между ними. При этом происходит и органическое соединение науки с производством, овеществление научных знаний в технике и технологии производства, в знаниях и производственном опыте работников. Вместе с тем наука именно как сфера деятельности сближается с материальным производством. В науке получают распространение принципы организации материального производства (в первую очередь принцип объективного разделения труда). В оценке эффективности научных исследований все шире используются экономические критерии. В деятельности научных коллективов распространяются основы руководства и подчинения работников, принципы построения служебной иерархии.

Разумеется, не только превращение науки в производительную силу, но более многообразные процессы и тенденции ее развития, характеризующие выделение науки как специфической сферы деятельности и социального института, позволяют вести речь о применении к сфере научной деятельности категории «производительные силы». Но проникновение в научную деятельность принципов и методов организации производственной деятельности из сферы материального производства оказывается столь глубоким, что дает основания для постановки проблемы собственных производительных сил в науке, производительных сил, так сказать, второго порядка по сравнению с процессами превращения самой науки в производительную силу. Формулировка «производительные силы второго порядка» означает в данном случае акцент на своеобразии производительных сил в сфере научной деятельности в отличие от производительных сил материального производства, на применимость к ним основных

³ См.: Кочергин А. Н., Семенов Е. В. Социальная природа и всеобщий характер научного труда, с. 53.

критериев выделения производительных сил общества, но, конечно, с существенными коррективами.

Основоположники научного коммунизма исходили в своих представлениях о способе производства материальных благ, о его сторонах — производительных силах и производственных отношениях, решающей роли способа производства в общественном развитии — в значительной мере из опыта развития и значения в жизни общества промышленности. Возможно говорить об отнесении К. Марксом и Ф. Энгельсом категорий «производство», «способ производства», «производительные силы» и «производственные отношения» преимущественно к сфере промышленного производства, что было, конечно, не случайным. В работе «О книге Фридриха Листа «Национальная система политической экономии» К. Маркс замечал: «Промышленность можно рассматривать как великую мастерскую, в которой человек впервые присваивает самому себе свои собственные силы и силы природы, опредмечивает себя, создает себе условия для человеческой жизни»⁴. Хотя машинное производство представляет материальную основу капитализма, т. е. его развитие и утверждение относится к периоду перехода общества от феодального строя к буржуазному, К. Маркс считал возможным говорить о промышленности вообще, в известной степени отвлекаясь от существующих социально-экономических условий. Такой подход к характеристике роли промышленности в общественном развитии связан в марксистско-ленинском учении с признанием того важнейшего обстоятельства, что создание и развитие промышленного производства обеспечивает необходимые материальные предпосылки и для социалистического переустройства общества. И этим во многом объясняется стремление К. Маркса и Ф. Энгельса «привязать» категории «производительные силы» и «производственные отношения» к конкретному виду производства — промышленности.

Вместе с тем внимание классиков марксизма-ленинизма к промышленности в ходе разработки ими учения о решающей роли материального производства в общественном развитии объясняется и тем специфическим значением, которое приобретает промышленное производство при капитализме. О промышленности, имея в виду условия буржуазного общества, недостаточно сказать, что она представляет материальную основу капитализма. К. Маркс замечал, что «...промышленный общественный строй есть самый лучший мир для буржуа»⁵. В представлении капиталиста «... все человеческое общество становится лишь машиной, предназначенной для создания богатства»⁶. Капиталисты, которые, по выражению К. Маркса, видят в промышленности

⁴ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 42, с. 245.

⁵ Там же, с. 248.

⁶ Там же, с. 250.

торгашеский интерес⁷, были бы не против «машинизации» всего общества, перестройки общественных порядков по образу происходящего в промышленности. Деятельность правящих классов буржуазных стран в этом направлении, ее основные социальные последствия вызывали пристальное внимание основоположников марксизма. Это служило причиной их обращения при характеристике процессов развития производительных сил и производственных отношений к опыту промышленного производства.

Характеризуя всеобщее значение в познании социальных явлений и процессов понятия «производительные силы», необходимо учитывать факт соотнесенности его содержания прежде всего с условиями и тенденциями развития промышленного производства. Тем самым вносятся определенные ограничения возможностей его применения к разным областям и сферам общественной жизни.

Но следует помнить и то, что К. Маркс анализировал содержание категории «производительные силы», отталкиваясь от общего определения понятия «труд», от рассмотрения основных элементов труда. Понятие же «труд» применимо к разнообразным областям социальной действительности, хотя также с известными оговорками и коррективами.

Анализ основных элементов труда служил у К. Маркса основанием определения в общих чертах состава и структуры производительных сил, в чем нетрудно убедиться в результате ознакомления с соответствующими разделами первого тома «Капитала», посвященными рассмотрению этих элементов, а затем уже производительных сил. Так, характеристика самого процесса труда как целесообразной деятельности выступает базой для вынесения суждений о возможности отнесения к производительным силам тех или иных групп работников. Что касается средств труда и предмета труда, то они непосредственно включаются К. Марксом в производительные силы (хотя им дается сначала общая характеристика, а уже после, в разговоре о производительных силах, К. Маркс существенно конкретизирует представления о них). С нашей точки зрения, этот же подход применим и в случае, когда понятие «производительные силы» применяется к отдельным областям общественной жизни. Имея в виду всеобщий общественный характер труда в науке, важно попытаться прежде всего установить критерии отнесения к производительным силам в интересующей нас сфере деятельности конкретных категорий работников, участников процессов создания новых знаний.

Труд в сфере науки включает все три основных элемента труда вообще, о которых К. Маркс говорил в первом томе «Капитала», давая классическое определение понятия «труд»: сам труд как целесообразная деятельность, средства труда и пред-

⁷ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 42, с. 245.

мет труда⁸. В качестве специфической тенденции, характеризующей исторически складывающееся соотношение названных элементов в научном труде, следует назвать преимущественное развитие в нем уже с далеких времен целесообразной деятельности, направленной на обогащение системы объективно истинных знаний, в чем проявляется своеобразие деятельности в науке по сравнению с трудом в материальном производстве. Ученые непосредственно не производят материальных благ, хотя использование результатов их деятельности и ведет к перестройке материального производства. Их целью являются поиски новых путей познания действительности, способов объяснения явлений и процессов, с которыми люди имеют дело в своей общественно-исторической практике. В сфере науки длительные промежутки времени занимают такие этапы деятельности, как постановка и обоснование целей исследовательского поиска, выдвижение путей их выполнения, отработка приемов изучения явлений, разработка теорий и др. В работах советских исследователей приводятся обычно следующие характерные признаки научного труда: новизна и оригинальность, уникальность и неповторимость, вероятностный характер и риск, доказательность полученной информации⁹, недопустимость твердых, однозначно полученных решений в науке, гибкость целей и задач, множество вариантов поисков в науке и т. д.¹⁰ Эти особенности научного труда выражают гносеологическую природу деятельности в науке, и их, разумеется, необходимо в полной мере принимать во внимание в рассуждениях о производительных силах в сфере научной деятельности.

Главной производительной силой в сфере научной деятельности являются люди, те, кто творит в ней, определяет ее прогресс. Сказанное означает, что при определении того, кого из членов общества возможно включать в производительные силы научной деятельности, не полностью работают критерии, которыми мы пользуемся в разговоре о роли работников материального производства в системе производительных сил общества. Было бы неправильно и нелепо изымать из состава производительных сил в сфере науки ученых, полагать, что в них входят лишь вспомогательные работники (лаборанты, рабочие опытного производства и т. д.), непосредственно воздействующие на различные материальные объекты.

В целях обоснования возможности отнесения к производительным силам в сфере научной деятельности ученых следует уточнить такие понятия, как «труд производительный» и «труд непроизводительный». Как нам кажется, неприемлемы попытки

⁸ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 23, с. 188.

⁹ См.: Завлин Н. П., Щербаков А. И., Юделевич М. А. Труд в сфере науки. М., 1973, с. 20—22.

¹⁰ См.: Косолапов В. В., Щербань А. Н. Оптимизация научно-исследовательской деятельности. Киев, 1971, с. 22—23.

сближения понятий «производительный труд» и «общественно полезный труд». Не всякий общественно полезный труд может считаться трудом производительным, создающим материальные ценности. Но это различие имеет значение, скорее, в масштабах общественной жизни в целом. В границах же отдельных областей жизни общества должно использоваться иное понимание категории «производительный труд». В этом случае производительным выступает труд, играющий решающую роль в достижении успеха в данном виде социальной деятельности, в обеспечении прогресса в рассматриваемой области.

В самом деле, задумаемся над буквальным смыслом понятия «производительные силы», что особенно важно, по нашим представлениям, тогда, когда речь идет именно о возможностях отнесения к производительным силам участников трудовых процессов. Категория «производительные силы» по смыслу подразумевает силы, производящие, создающие, вызывающие к жизни какие-то реальные ценности и блага. При этом имеются в виду не только материальные, но и духовные блага и ценности. Люди, выполняющие важнейшие функции в производстве этих ценностей, решающую роль в их создании, могут быть, очевидно, включены в производительные силы. В масштабах же общества в целом (совокупного труда общества) тот или иной труд может играть определенную роль в создании материальных богатств, а может и не играть такой роли. При таком более строгом подходе к разделению труда на производительный и непроизводительный в полной мере сохраняют свое значение мысли об их разнице, высказанные в свое время К. Марксом и Ф. Энгельсом. Но быстрое развитие науки, сферы обслуживания, досуга и т. д., выравнивание их по масштабам и результатам роста с материальным производством ведет к необходимости уточнения критериев разделения труда на производительный и непроизводительный и, следовательно, оснований отнесения различных групп членов общества к производительным силам.

В свете сказанного к производительным силам в сфере научной деятельности относятся прежде всего ученые, занимающиеся постановкой и решением научных проблем. Нам кажется схоластическим занятием вдаваться при этом в детали относительно того, представители каких конкретных отраслей знания входят (каких нет, в какой степени и т. д.) в производительные силы науки. Всех научных работников в этом плане уравнивает их роль в развитии науки, влияние на ее прогресс, хотя все это обычно выступает в неодинаковой степени (если рассматривать естественные, технические и общественные науки).

Ученые выполняют в рамках научных коллективов ряд важных, своего рода производительных функций. Это функции логические, технологические, энергетические, функции управ-

ления и контроля и др. Деятельность научных работников направляется объективными потребностями осуществления научно-технического прогресса, требованиями к ним со стороны общества. Вот почему марксисты не могут согласиться с распространением до сих пор среди буржуазных науковедов, социологов науки, экономистов и др. утверждениями об автономии науки от существующих социально-экономических условий (так, видный представитель науковедения на Западе М. Поляни доказывает решающую роль ученого в выборе направлений его деятельности, выступает за самостоятельность исследователя по отношению к существующим организациям в науке ¹¹).

Нельзя отрицать важной роли в развитии науки и деятельности вспомогательных работников. Хотя и не вспомогательный персонал в конечном счете обеспечивает прогресс научного знания, от его деятельности многое зависит в сфере науки. Представители вспомогательного персонала также должны включаться в производительные силы науки.

Не меньшую важность имеет и выделение объективных производительных сил в сфере научной деятельности, их вещественных компонентов или элементов. При этом подразумеваются средства и предметы труда. Необходимо указать на применимость в известной мере в данной ситуации идей К. Маркса из «Капитала» об основных группах средств труда. И в сфере науки из всех материальных средств труда играют определяющую роль орудия производства (различные инструменты, средства измерения, станки и др.). Научные работники используют в своей деятельности и материальные условия труда (землю, каналы, дороги и др.), хранилища предметов труда, предметы природы, взятые из нее в готовом виде ¹². Научный труд, особенно в условиях современной научно-технической революции, отличается высоким уровнем технической оснащенности. К средствам труда в науке следует относить инструменты, машины, оборудование, источники энергии и т. д., т. е. реально существующие материальные средства. Однако средства труда в составе производительных сил в сфере научной деятельности (как и вообще производительных сил в духовном производстве) отличаются и значительным своеобразием, если их сравнивать со средствами труда в материальном производстве. Как нам кажется, в различных отраслях духовного производства велика роль логических средств деятельности в достижении конечных результатов труда. Средства труда в духовном производстве было бы односторонне понимать лишь как материальные образования, представляющие собой итоги объективизации, овеществления сущностных сил и способностей людей.

¹¹ См.: Polani M. Scientific thought and Social reality. N. Y., 1974, p. 15—16.

¹² См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 23, с. 397.

В развитии духовного производства огромное значение имеет уже приведение в действие, использование этих сил и способностей, что проявляется в широком применении логических, мыслительных операций с объектами практического воздействия членов общества. Прогресс науки всегда зависел от использования средств и методов познания, логических средств проникновения в сущность явлений и процессов. Средства труда в сфере научной деятельности целесообразно разделять на две основных группы: материальные и логические средства труда. В составе логических средств научной деятельности выделяются методы и средства познания, формы мышления (гипотезы, теории и др.), методы и средства обобщения итогов исследований и т. д.

Наконец, возрастающую роль в развитии науки приобретают средства и методы практического внедрения ее достижений, формы взаимосвязи науки с производством и другими видами деятельности, что также следует относить к средствам труда в рассматриваемой нами области.

Что касается предмета труда в сфере науки, то едва ли было бы правильно в данном случае считать, что предмет труда в ней — это лишь те материалы, сырье, какие-то заготовки и т. д., которые научные работники применяют в решении тех или иных проблем. Предмет научного труда — это, прежде всего, те явления и процессы, которые ученые изучают, с которыми они производят определенные действия, влияют на них, изменяют и др. Рассуждая о предмете научного труда, целесообразно привлечь получившие в советской научной литературе широкое распространение положения о различии объекта и предмета познания. Предмет научного труда и есть те объекты познания, которые, подвергаясь мысленному или фактическому воздействию со стороны научных работников, преобразуются в предметы познания.

Специфическими являются и взаимосвязи основных элементов производительных сил в сфере научной деятельности. Научные работники соединяются со средствами труда, влияют на предметы труда особым образом нежеле работниками сферы материального производства и других отраслей духовного производства. Они далеко не во всех случаях проведения исследований реально воздействуют на объекты своей деятельности, хотя и используют при этом логические средства деятельности. Но эффект научного поиска может, несмотря на это, быть чрезвычайно высоким. Имеются особенности и в том, как воздействуют на ход и результаты научных исследований изменения в средствах и предметах труда. В труде в сфере науки сказывается прежде всего влияние изменений в средствах и методах познания, в формах мышления, усложнение объектов и соответственно предметов познания, хотя в условиях повышения технической оснащенности научного труда все больше прояв-

ляется значение процессов совершенствования материальных средств труда.

Таким образом, специфическими выступают и структурные взаимосвязи компонентов производительных сил в сфере научной деятельности, что приходится учитывать в наших рассуждениях о науке как общественном явлении, в особенности о взаимодействии науки и материального производства.

Примененный нами способ анализа производительных сил — в зависимости от своеобразия той или иной области общественной жизни, в которой осуществляется трудовая деятельность — не означает какого-то «распредмечивания» производительных сил, их распределения по сферам общественной деятельности, отказа от подхода к производственным силам общества как системе. В условиях современной научно-технической революции более или менее полные представления о системе производительных сил общества возможно получить, используя в том числе и тот подход, на котором мы сосредоточили внимание. Этот подход — лишь один из возможных; его значение, конечно, неправильно было бы абсолютизировать. В то же время его применение позволяет конкретизировать наши знания о составе и структуре производительных сил, о процессах и тенденциях их развития, т. е. обогатить знания о содержании этой важнейшей категории исторического материализма. Проведенный нами краткий анализ производительных сил в сфере научной деятельности убеждает в условности, подвижности критериев отнесения к производительным силам общества различных групп членов общества и технических средств, в многообразии и сложности процессов и тенденций их развития. Сложны и противоречивы связи производительных сил и производственных отношений, а также и других сторон совокупности общественных отношений, в том числе и в сфере научной деятельности.

Дальнейшее исследование возможностей приложения категории «производительные силы» к различным областям социальной жизни существенно углубит наше понимание значения этой важнейшей категории материалистического понимания истории в социальном познании.

Ю. Г. ЕРШОВ
Уральский университет

Формационный синтез как закономерность развития общественных отношений

Революционный пафос учения об общественно-экономических формациях в полной мере выражается идеей прогрессивной смены формаций. В известном смысле теория общественных формаций тождественна концепции периодизации всемирной истории, расчлняющей путь, пройденный всем человечеством в целом, на ряд последовательных стадий, каждая из которых в то же время является особым типом общества. Основной проблемой периодизации исторического процесса выступает противоречие между непреложностью последовательной смены пяти формаций для всего человечества в целом и исторической «необязательностью» ее для каждого отдельного социального организма.

Переход общества на более высокую ступень развития под воздействием только внутренних противоречий осуществлялся во всемирной истории очень редко, в условиях относительной изолированности социального организма от внешних воздействий. На следующем этапе осмысления вариативности, многообразия исторического процесса необходим учет диалектического взаимодействия внутренних тенденций и внешних условий, той исторической среды, что подчас оказывает решающее воздействие на процесс перехода, особенно если учесть, что далеко не всякая форма переходных отношений обладает способностями самоотрицания и перехода в более прогрессивное состояние.

Сущность подобного перехода «заключается во взаимодействии и конечном слиянии (синтезе) прогрессивных элементов, возникающих еще в недрах отмирающей формации на основе ее разложения, с внешними элементами, появившимися в радикально отличных социально-экономических условиях»¹.

В исторической литературе все большее распространение находит определение данного способа перехода на более высо-

¹ Жуков Е. Некоторые вопросы теории социально-экономических формаций.— Коммунист, 1973, № 11, с. 94.

кую стадию развития как формационного синтеза, экстраполирующее идею феодального синтеза на возникновение и других формационных типов.

Употребление понятия формационного синтеза как взаимодействия различных обществ не противоречит часто употребляемому понятию синтеза при характеристике развития системообразующего уклада в недрах переходного периода. Формационный синтез как понятие, логически описывающее механизм появления новой формации из элементов старой, разрабатывается В. И. Копаловым². Во избежание терминологической путаницы, мы будем рассматривать формационный синтез как межформационное взаимодействие.

Методологической основой решения проблемы формационного синтеза является выделение переходного состояния от общества определенного формационного типа к обществу, тип которого определяется характером синтеза в нем предпосылок будущего с соответствующими элементами базиса и надстройки социального организма более высокой формационно-стадийной принадлежности. Если учесть, что пластичность диффузной структуры переходного периода делает ее особо подверженной влиянию окружающей среды, то становится понятной роль взаимодействия обществ в едином потоке всемирной истории, в переходе на новую ступень общественного прогресса, в образовании системы стран, определяющих историческую эпоху.

Мы полностью согласны с тем, что «логика исторического процесса не тождественна ни одной... из... его ветвей ни в пространственном, ни во временном отношениях»³. Тем механизмом, который связывает воедино «ветви» исторического процесса в его прогрессивной направленности, по нашему мнению, является формационный синтез. И если в наиболее простом случае речь идет о взаимодействии всего двух конкретных обществ, то уже историческое возникновение капитализма нельзя объяснить, изучая процессы, происходящие в одной стране. Капиталистический способ производства **исторически** возникает впервые как система взаимодействия целого ряда стран. Пространственно-временная сопряженность исторических эпох через смену центров мировой истории, передающих эстафету общественного прогресса как бы из рук в руки, ускоряющая роль влияния передовых обществ на более отсталые, заставляет думать, что понятие формационного синтеза имеет широкое методологическое значение в теории формаций. Роль понятия «формационный синтез» оказывается тем более значимой, что очень часто «формы производственной деятельности и социальные институты, сложившись как результат развития в опре-

² См.: Филос. науки, 1979, № 6, с. 155—156.

³ Андреев И. Л. Философский анализ в трудах Энгельса перехода от первобытнообщинного строя к классовому обществу.— В кн.: Ф. Энгельс и современные проблемы философии марксизма. М., 1971, с. 491.

деленной природной и исторической среде, нередко требуют для развертывания своих потенциальных возможностей именно переноса в иные природные и общественные условия»⁴.

Поскольку взаимодействие обществ протекает в самых разнообразных формах, а характер его существенно разнится в каждую историческую эпоху, необходимо определить параметры синтеза. Маркс писал: «При всех завоеваниях возможен тройкий исход. Народ-завоеватель навязывает побежденным собственный способ производства (например, англичане в этом столетии в Ирландии, отчасти в Индии); или он оставляет старый способ производства и довольствуется данью (например, турки и римляне); или происходит взаимодействие, из которого возникает новое, синтез (отчасти при германских завоеваниях)»⁵. Формационный синтез происходит, конечно, не только вследствие завоеваний, но и на основе торговли, культурной диффузии и т. д. Главное в другом — формационный синтез (и в этом смысл введения этого понятия) — это процесс разложения общества менее развитого и трансформация его элементов общественными отношениями более развитого социального организма, ведущий к выравниванию уровней развития взаимодействующих обществ. Не является синтезом образование «смешанного общества» в результате внешнего влияния и привнесения зрелых форм более развитого способа производства. Внешнее проникновение капитализма в колониальные страны приводило к смешению натуральных форм хозяйствования с товарным производством, ориентированным на мировой рынок — результатом их параллельного осуществления становится воспроизводящая застойность. Также не ведут к формационному синтезу все те случаи, когда у побежденного народа не затрагиваются его социально-экономические и прочие структуры, а внешним образом присваивается прибавочный продукт или его производитель (феодализм и рабовладение по отношению к первобытному обществу).

Даже при этих ограничениях понятие формационного синтеза отражает достаточно емкое по содержанию и способам осуществления взаимодействие обществ. Оно включает в себя взаимодействие как целостных социальных организмов, так и их отдельных элементов, ведущее к формационному сдвигу в менее развитом обществе. В любом случае результатом синтеза является конкретное общество (или общества), соединяющее во всех или некоторых структурных элементах черты взаимодействующих сторон. Итогом варварского завоевания Римской империи было создание ряда «синтезированных» раннефеодальных организмов, многочисленны случаи заимствования

⁴ Андреев И. Л. «Философия истории» Гегеля. — В кн.: Философия Гегеля и современность. М., 1973, с. 214.

⁵ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 12, с. 723—724.

и переработки отдельных элементов — политической системы, идеологии и т. д. Соотношение синтезируемых сторон разнообразно («уравновешенный» синтез, синтез с преобладанием черт той или другой взаимодействующей стороны), неравномерно и распространение «синтезированных» форм в подсистемах общества. Главным остается одно — процесс формационного синтеза дает импульс формационного сдвига для менее развитого общества.

Формационный синтез не может быть оценен однозначно в плане его прогрессивности для эпох классовых антагонизмов, так как будучи сам по себе шагом вперед, в исторической перспективе оказывается шагом в застой, отсталость (зависимый капитализм в современном мире, общества Западного и Центрального Судана — посредники в торговле между западно-африканской периферией и классовыми обществами Средиземноморья и Ближнего Востока во времена античности). Однажды образовавшееся «смешанное», можно говорить «деформированное», общество, в условиях господства антагонистической формы общественного прогресса, не обладая источниками саморазвития, под влиянием внешней среды, становится по мере смен исторических эпох все более смешанным и деформированным. Многие страны «третьего мира» к моменту завоевания национальной независимости оказывались таким причудливым «коктейлем» когда-либо существовавших основных социально-экономических форм, что дать их формационную характеристику не представлялось возможным. К такому выводу приходит Е. Клеер: «...в большинстве случаев общества стран третьего мира являются конгломератом общественно-экономических укладов, которые взаимно переплетаются, налагаются один на другой и даже сосуществуют в состоянии определенного общественного и экономического равновесия в том смысле, что ни один из этих укладов не подвержен радикальным изменениям и что среди них нет ведущих и подчиненных»⁶.

Результатом формационного синтеза выступает более или менее органичный сплав элементов взаимодействующих обществ, организующих типологические особенности данной разновидности формации. Одним из важных критериев типологизации генезиса феодализма в Западной Европе по отношению к его «синтезным» формам является «...соотношение в нем позднеантичных и общинно-родовых протофеодальных элементов»⁷, различный характер которого накладывает значительный отпечаток и на будущее развитие типов феодализма. Спектр пере-

⁶ Клеер Е. Анализ общественно-экономических структур стран «третьего мира». М., 1968, с. 87.

⁷ Гутнова Е. В., Удальцова З. В. К вопросу о типологии развитого феодализма в Западной Европе. — В кн.: Проблемы социально-экономических формаций. М., 1975, с. 115.

ходных форм синтеза дает значительное число вариантов социально-экономического и политического развития.

Наконец, формационный синтез может осуществляться как при непосредственном контакте обществ (завоевание, торговля и т. п.), так и опосредованно, через значительные промежутки времени — в колониальных странах синтез часто начинался только с приобретением национальной независимости.

Возможно, чрезмерно узким будет понимание формационного синтеза только как взаимодействия обществ разной формационной принадлежности. К нему необходимо отнести и синтез, при котором общества находятся в пределах одного формационного типа, но на разных стадиях, т. е. сдвиг вперед в развитии выступает как формационно-стадийный сдвиг.

Изучение формационного синтеза как сквозного исторического явления предполагает сопоставление как его региональных особенностей, так и изменение механизма взаимодействия, характера влияния со стороны носителя более передовых отношений в зависимости от исторической эпохи. Дело существенно осложняется тем, что даже по отношению к странам Западной Европы «главным камнем преткновения оказывается практически полная неизученность самого по себе механизма социально-экономического и этнического синтеза античности и варварства»⁸. Данное обстоятельство определяет во многом постановочный характер выдвигаемых положений.

Принципиальным вопросом в раскрытии механизма формационного синтеза является определение границ формационно-образующего воздействия более передового общества. Характерно, что «даже те племена, которые переселились на территорию Рима и поэтому оказались наиболее подверженными его духовно-идеологическому воздействию, воспринимали лишь то, что соответствовало внутренним тенденциям их развития»⁹. Аналогичное мнение высказывается об обществах древности, внутренне не готовых к классообразованию — «внешние стимулы могли способствовать разложению первобытнообщинного строя или даже послужить для него побудительным толчком, но не в силах были сделать его имманентным и непрерывным»¹⁰. Это не означает роковой предначертанности исторического пути для каждого общества, но результатом влияния на «внутренне не готовое общество» может быть длительная его консервация или деформация с отчетливым присутствием «чужеродных тел», а в других случаях такое общество переходит на более высокую стадию через длительный и мучитель-

⁸ *Королук В. Д.* Основные проблемы формирования контактной зоны в Юго-Восточной Европе и бессинтезного региона в Восточной и Центральной Европе. — В кн.: *Проблемы социально-экономических формаций*, с. 163.

⁹ *Первобытная периферия классовых обществ до начала великих географических открытий (проблемы исторических контактов)*. М., 1978, с. 32.

¹⁰ *Первобытное общество*. М., 1975, с. 150.

ный переходный период, в котором и выплавляется органичность соединения чужеродных элементов. Анализируя последствия английской военной и экономической экспансии в Индии, Г. Г. Водозадов приходит к выводу, что «...введение сильнодействующего средства — высокоразвитых производительных сил — в ткань отсталой национальной экономики может не только ускорить развитие отсталой страны, но в силу социальной несовместимости может просто поставить ее на грань распада»¹¹.

Основа формационного синтеза — переходный период, во время которого наблюдается пик влияния внешних условий на внутреннее развитие, но влияние это меньше всего выступает как простое заимствование. «Придя из степей на этапе разложения доклассового общества, монголы вернулись оттуда с прочными основами общества феодального, причем не заимствованного у ханьцев, а возникшего в весьма своеобразной форме в смешанном государстве»¹². Распространение мировых религий демонстрирует нам, как они приспосабливались к местным условиям, часто резко отличающимся от тех, в которых они возникли. «В результате такого приспособления эти идеологические формы в конечном счете оказывались весьма далеко от тех, которые можно было бы обозначить как канонические. Другими словами, и в этих случаях с наибольшей легкостью усваивались реципиентом те новые элементы идеологических представлений, которые оказывались ближе к его собственным; остальные же, даже в случае их восприятия, подвергались существенной переработке»¹³. Таким образом, следует признать, что даже в переходный период, наиболее благоприятный для влияния внешней среды, для продуктивности формационного синтеза, приоритет принадлежит тенденциям развития самой системы, пусть даже дезинтегрированной до определенной степени.

Разумеется, речь идет о тех случаях, когда система имеет возможность развиваться самостоятельно; внешнее воздействие может не только парализовать, но и вообще уничтожить социальный организм как единицу исторического процесса.

Избирательность общества-реципиента к влиянию извне, дисперсность синтеза делает необходимым его определение по отношению к отдельным подсистемам общества.

В сфере социально-экономической синтез заключается в создании нового типа хозяйственного организма, лежащего в основе социального организма, путем преобразования преж-

¹¹ Водозадов Г. Г. Дialeктика и революция. (Методологические проблемы социальной революции). М., 1975, с. 67.

¹² Первобытная периферия классовых обществ до начала великих географических открытий (проблемы исторических контактов), с. 120.

¹³ Первобытная периферия классовых обществ до начала великих географических открытий (проблемы исторических контактов), с. 188.

них технологических способов производства и соответствующих им производственных отношений производительными силами, способом производства более развитого общества. Таково направление помощи, оказываемой СССР и другими социалистическими странами развивающимся государствам Азии и Африки,—строительство промышленных и сельскохозяйственных предприятий, импорт современной технологии, обучение квалифицированных специалистов и т. п.

В социально-политической сфере синтез означает использование форм государственного устройства, средств и методов осуществления власти, принципов устройства политических организаций. Л. Е. Куббель выделяет «вторичные» государства, которые складываются вокруг первичных центров классового и политического генезиса. В них обычно происходит, по его мнению, «наложение» социальной стратификации по новым принципам, свойственным классовому обществу с его эксплуататорскими отношениями, на ранее существовавшую социальную стратификацию, строившуюся на критериях генеалогии, ранга, статуса и т. п., свойственных еще доклассовой стадии общественного развития»¹⁴. В современных развивающихся странах очень четко прослеживается тенденция сознательного заимствования «образцов» буржуазной демократии (парламентская форма власти, президентская республика и т. п.) или переработка исторического опыта социалистических стран в зависимости от социально-политической ориентации.

Формационный синтез в сфере идеологии происходит как усвоение и распространение взглядов, теорий и т. п., отражающих стадийно более высокий экономический базис другого общества (марксизм в России, научный социализм в развивающихся странах, мировые религии в обществах, переживающих классовое образование—Русь и влияние на нее Византии в принятии христианства).

В любом случае должно быть выделено системообразующее ядро формационного синтеза—этническое или социально-политическое. В первом случае имеется в виду объединение в одно целое взаимодействующих социальных организмов на определенное время, достаточно длительное, чтобы синтез принял необратимый характер (если таковой имеет место), или создание нового, сначала этнически гетерогенного, а затем достаточно однородного, социального организма. Так, дальнейшее развитие кочевников становилось возможным в случае их интеграции с земледельцами и горожанами в один хозяйственный и социальный организм, тогда в нем происходил синтез раннеклассовых отношений завоевателей с более развитыми классовыми отношениями завоеванных.

¹⁴ Куббель Л. Е. Потестарная и политическая этнография.— В кн.: Исследования по общей этнографии. М., 1979, с. 266—267.

Формационный синтез значительно, а в докапиталистическое время почти полностью, зависит от того, насколько органично этническое взаимодействие, другими словами, насколько совместимость разных культур позволяет осуществляться соединению, заимствованию тех или иных общественных отношений. Надо заметить, что легче всего, по мнению исследователей, происходит синтез именно **элементов** материальной и духовной культуры, тогда как кристаллизация производственных отношений, социальных институтов более затруднена. В истории человечества нередки случаи, когда общественные отношения, навязанные победителями, оставались «чужеродными телами», не разлагающимися существующий общественный строй, или уничтожались, исчезали после их изгнания. Механизм функционирования каждой культуры таков, что даже интенсивные влияния других цивилизаций ассимилируются, поэтому заимствование социальных институтов неизбежно приобретает типологически-своеобразную окраску. Следует признать обоснованным мнение о сохранении в исторической перспективе множественности культур как адаптивного механизма развития человечества в целом и его отдельных частей, а это имеет прямое отношение к пониманию форм развития общества в современную эпоху, прежде всего социалистических.

Формационный синтез усиливает вариативность исторического процесса, открывая принципиально новые пути развития. В анализе земельной общины в России XIX века К. Маркс предусматривал возможность ее развития как элемента коллективного производства в масштабе всего общества: «Именно благодаря тому, что она является современницей капиталистического производства, она может усвоить его положительные достижения, не проходя через все его ужасные перипетии»¹⁵. Любопытным примером формационного синтеза является генезис капитализма в Бразилии. Б. И. Коваль, опираясь на высказывания К. Маркса о рабстве нового времени в «Капитале», пишет о «капитализации рабства... а отсюда и о возможности непосредственного перехода стран-плантаций, подобно Бразилии, от нового рабства с его формально капиталистическим производством к капитализму настоящему, минуя длительную фазу развитого феодализма»¹⁶; происходит этот переход через такую промежуточную форму, как рабовладельческая плантация. Действительно, на стадии разложения римского рабовладельческого общества возникает столько предпосылок капиталистического способа производства (технические нововведения, применение наемного труда, массы безземельных люмпенов), что некоторые исследователи пишут о логической воз-

¹⁵ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 19, с. 401.

¹⁶ Коваль Б. И. Бразильский вариант генезиса капитализма. — *Вопр. истории*, 1979, № 10, с. 56—57.

возможности превращения рабства в капитализм. Но содержание понятия формации, как известно, не исчерпывается одними производственными отношениями, и формационному сдвигу неизбежно предшествует идеологическая и социально-психологическая перестройка. Бразильский же вариант возникновения капитализма, протекающий в историческую эпоху первоначального накопления капитала, есть именно формационный синтез.

На наш взгляд, по отношению ко всем подобным случаям, воспроизводящим уже отжившие формационные типы или создающим «смешанные» общества, можно говорить о наличии в истории **вторичных** типов общества и, соответственно, переходных периодов от них на другую стадию общественного развития, которые, конечно, обладают собственной логикой саморазвития, но она уже создается внешними условиями; может как приближаться к логике исторического процесса, так и быть сильно искаженной. Для развития некоторых стран Тропической Африки типична «как бы перевернутая схема развития капитализма — последний возникал не на основе местного товарного производства, а предшествовал ему»¹⁷, аналогично — внешний рынок производил внутренний.

Исследование общественно-экономических формаций с необходимостью должно проводиться как по горизонтали (типологизация достаточно самостоятельно возникающих формационных регионов), так и по вертикали — вторичные, синтезированные подтипы формаций. Если для каждого типа формации построить континуум ее подтипов, когда-либо существовавших, возникает качественный разрыв между горизонтальной и вертикальной его частями. Методологическое значение выделения первичных и вторичных формационных подтипов и переходных периодов, по нашему мнению, в том, что оно выступает как объяснительный принцип вариативности, многообразия исторического процесса, на основе которого должны быть созданы принципиально иные схемы общественного развития вторичных социальных форм (развивающихся стран, в первую очередь). Совмещенность и сопряженность ряда обществ, устойчивое взаимодействие их между собой приводят к тому, что формационный синтез и сам в известной степени является результатом такого пространственного сопряжения и, в свою очередь, способствует увеличению типологического и культурного единства составных частей того или иного региона, проявлению общего и закономерного в истории в форме, наиболее способствующей ускоренному развитию. Как правило, формационный синтез в истории осуществляется на широком пространственном поле, образуя формационные регионы с характерными признаками синтеза и устойчивым его ядром.

¹⁷ Иванов Ю. М. Развитие капитализма в Африке в XX веке. — *Вопр. истории*, 1979, № 10, с. 48—49.

В более широком плане можно говорить о том, что формационный синтез — это механизм консолидации всех обществ земли, обеспечивающий их совокупное движение по пути общественного прогресса, перебора более прогрессивных форм, видов общественной организации, с помощью которых человечество вырывается вперед первоначально в одном или немногих социальных организмах (причем смена «лидера» возможна в пределах переходной эпохи).

Исторический процесс предстает во всей сложности своей динамики: возникновения одних и гибели других отдельных обществ, взаимодействия между ними, ускоряющего или тормозящего их движение, приводящего к резким разрывам в уровне развития. Это противоречивое, большей частью антагонистическое взаимодействие выдвигает на передовые рубежи истории самые развитые социально-экономические формы, обладающие потенциями дальнейшего движения. И уже сейчас, в условиях современной эпохи, существование мировой системы социализма как результат неравномерности исторического развития служит уничтожению неравномерности вообще, т. е. переходу всего человечества на высшую ступень формационного развития, на которой заканчивается смена формаций вообще. Все предшествовавшие формационные ступени оказываются преходящими, но достижения культуры, как материальной, так и духовной аккумулируются и передаются новым поколениям. В современных условиях весь смысл формационного синтеза, закономерно сопровождающегося консолидацией и интеграцией различных этносоциальных организмов, заключается в прокладывании пути к будущему всех обществ человечества — обобществленному человечеству, составляющему единую мировую цивилизацию, внутренне многообразную и впитавшую достижения **всех** предшествовавших цивилизаций, на основе которых возможна подлинная свобода общества и человечества.

Ю. П. АНДРЕЕВ
Уральский университет
Н. С. БОЗОВ
Кокчетавский пединститут

Управленческие отношения в системе общественных отношений

Управленческие отношения пронизывают все сферы жизни общества, выполняя регулятивные функции в осуществлении и совершенствовании экономических, социальных, политических и духовных процессов.

Основоположники марксистско-ленинской философии посто-

янно подчеркивали важность управления как социального феномена, значение которого будет возрастать в процессе строительства коммунистического общества и повышения роли субъективного фактора в истории. На современном этапе общественного развития, когда социалистические управленческие отношения достигли высокой степени зрелости, они нуждаются, как было отмечено в решениях XXV и XXVI съездов КПСС и других партийных документах, в дальнейшем совершенствовании и развитии. «Продолжая линию на создание наиболее эффективных организационных структур,— отмечается в материалах XXVI съезда КПСС,— мы должны настойчиво осуществлять меры, направленные на преодоление ведомственной разобщенности, более гибкое сочетание отраслевого и территориального управления»¹. Потребности практики в конечном счете актуализируют необходимость разработки многих проблем теории управления и, в частности, таких, как выявление специфики содержания, определения управленческих отношений и их роли в сложной системе общественных отношений.

Анализ специальной литературы, посвященной различным аспектам управленческих отношений, показывает, что они исследуются преимущественно с позиций и в рамках социологии управления и теории научного коммунизма, в то время как специалисты в области теории общественных отношений по существу не раскрывают ни специфики их содержания, ни их роли и места в системе общественных отношений. Таким образом, в общесоциологическом аспекте управленческие отношения разработаны еще недостаточно.

В марксистско-ленинской социологии общественные отношения трактуются как способ (форма) осуществления человеческой деятельности, субъекты которой в предметно-опосредованной форме обуславливают друг друга. Принцип единства человеческой деятельности и общественных отношений имеет исключительно важное методологическое и эвристическое значение. Он позволяет, во-первых, определить **объект** анализа общественных отношений, в качестве которого выступает человеческая чувственно-предметная деятельность. Во-вторых, использование данного принципа обеспечивает возможность определения **сущности, содержания и структуры** общественных отношений. Сущность общественных отношений заключается в их атрибутивности человеческой деятельности, как способе ее осуществления. Содержание общественных отношений детерминируется содержанием человеческой деятельности, которое выражается в совокупности таких основных свойств, как преобразовательный, целесообразный, предметно-опосредованный и общественный характер ее осуществления. В своей основе

¹ Материалы XXVI съезда КПСС. М., 1981, с. 125.

данные свойства образуют содержание и общественных отношений.

Человеческая деятельность как субстанция общественных отношений выполняет и критериальные функции по выделению и классификации различных видов общественных отношений, что позволяет в общесоциологическом аспекте осуществить их структурирование.

В этой связи отношения управления можно определить как способ осуществления управленческой деятельности, состояние обусловленности между ее субъектами и объектами по поводу приведения объектов в соответствие с требованиями определенных потребностей и закономерностей. К. Маркс конкретизировал данное соответствие через понятие «согласованность», когда писал, что всякий совместный труд «...нуждается в большей или в меньшей степени в управлении, которое устанавливает согласованность между индивидуальными работами и выполняет общие функции, возникающие из движения всего производственного организма в отличие от движения его самостоятельных органов»².

Особенность управленческих отношений заключается в том, что они неразрывно связаны с организационными отношениями, которые, в свою очередь, пронизывают все сферы жизни общества и включают в свою структуру отношения по поводу планирования, учета, контроля, расстановки кадров и т. д. Поэтому В. И. Ленин, подчеркивая необходимость создания «чрезвычайно сложной и тонкой сети новых организационных отношений»³, имел, конечно, в виду и управленческие отношения. На органическое единство организационных и управленческих отношений указывалось и в Отчете ЦК КПСС XXV съезду партии⁴.

В связи с этим нет достаточных оснований, очевидно, включать управленческие отношения в качестве вида только в материальные или только идеологические общественные отношения.

Во-первых, их нельзя сводить только к идеологическим отношениям, потому что управленческие отношения сформировались в тот период, когда производство сознания было «непосредственно вплетено в материальную деятельность и в материальное общение людей, в язык реальной жизни»⁵, т. е. в период, когда не сложились ни идеология, ни различные виды идеологических отношений.

Во-вторых, управленческие отношения нельзя относить только к материальным общественным отношениям, поскольку как

² Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 23, с. 342.

³ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 36, с. 171.

⁴ См.: Материалы XXV съезда КПСС. М., 1976, с. 58.

⁵ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 3, с. 24.

реально существующие они формируются под влиянием субъективного и объективного факторов. «Общественные... процессы всегда являются итогом, результатом взаимодействия объективного и субъективного»⁶, и управленческие отношения в данном случае не составляют исключения.

В-третьих, элементы регулирования (следовательно, и управленческие отношения) содержатся как в структуре материальных, так и в структуре идеологических общественных отношений, они возникают и функционируют и в сфере их взаимодействия между собой. Например, отношения взаимного регулирования существуют между общественным бытием и общественным сознанием, между базисом и надстройкой.

Возникнув первоначально как следствие регулирования материальных отношений в сфере трудовой деятельности, управленческие отношения затем складываются в сфере идеологических отношений. На широту проникновения управленческих отношений в основные сферы общественной жизни указывают многие авторы. Однако, подчеркивая неразрывную связь управленческих отношений с другими общественными отношениями, различные авторы ограничивали ее лишь отдельными сторонами общественной жизни, а не всей совокупностью общественных отношений. На этой методологической основе были высказаны различные точки зрения и по вопросу определения места управленческих отношений в системе общественных отношений. Так, Е. Старосьцак, М. И. Пискотин, Ю. А. Тихомиров и др., справедливо указывая на связь управленческих отношений со сферой надстройки, в какой-то мере даже отождествляли их с политическими и правовыми отношениями⁷.

В. Н. Черковец, Э. П. Дунаев, А. А. Годунов, В. И. Олигин-Нестеров и др., напротив, выделяя производственную основу управленческих отношений, связывали сферу их действия преимущественно с экономическими отношениями, т. е. с базисом⁸.

Очевидно, первая группа авторов подошла к вопросу определения места управленческих отношений в системе общественных отношений с позиций политических и правовых знаний, а вторая — с позиций экономических, т. е. исследовали лишь раз-

⁶ Плетников Ю. К. Теория общественных отношений: сущность и актуальные проблемы. — Социол. исслед., 1978, № 2, с. 26.

⁷ См.: Старосьцак Е. Элементы науки управления. М., 1965; Научные основы государственного управления в СССР. М., 1968; Тихомиров Ю. А. Власть и управление в социалистическом обществе. М., 1968.

⁸ См.: Черковец В. Н. К вопросу о характере управления производством при социализме. — Науч. докл. высш. школы. Экон. науки, 1959, № 4; Дунаев Э. П. Место и роль управления производством в системе общественных отношений. — Вестн. Моск. ун-та. Сер. Экономика, 1962, № 6; Годунов А. А. Введение в теорию управления. М., 1967; Олигин-Нестеров В. И. Использование экономических законов социализма и управление социалистическим производством. М., 1967.

личные аспекты управления и управленческих отношений, но не управленческие отношения в целом.

Одновременно сформировалась и третья точка зрения. С позиции общесоциологической Н. В. Адфельдт и В. Г. Афанасьев первыми указали на универсальность проникновения управленческих отношений в различные сферы общественной жизни. В частности, В. Г. Афанасьев, характеризуя границы проникновения управленческих отношений, пишет: «Важное место в системе общественных отношений занимают управленческие отношения — отношения людей по поводу осуществления функций управления. Это отношения человеческих коллективов — объектов и субъектов управления как обществом в целом, так и присущими ему конкретными частными подсистемами; это внутри-коллективные отношения, направленные на достижение согласованности и эффективности в работе коллектива»⁹.

Мы полностью разделяем такой подход к понятию «управленческие отношения» и к определению их места и роли в системе общественных отношений. Управленческие отношения нельзя односторонне сводить к каким-то отдельным видам или группам общественных отношений, при этом они обладают свойством автономности или относительной самостоятельности. С одной стороны, управленческие отношения, в отличие от идеологических общественных отношений, возникнув вместе с материальным производством, выступают как следствие регулирования материальных процессов, как источник и в то же время как носитель регулятивных свойств материальных общественных отношений и таким образом имманентно присутствуют в структуре экономического базиса общества. С другой стороны, в отличие от материальных общественных отношений, управленческие отношения носят также и идеологический, надстроечный характер, выступая как функция осознанной необходимости регулировать социальные, экономические и духовные процессы общественного развития, т. е. содержатся в структуре надстроечных отношений¹⁰.

Следовательно, управленческие отношения имеют выход во все основные сферы общественной жизни — в сферы экономических, политических, социально-психологических, нравственных и других общественных отношений. Они присутствуют всюду, где только функционируют элементы регулирования природных, социальных, экономических и духовных процессов. Иными словами, взятые с их организационно-технической стороны, управленческие отношения являются носителями системы регулятивных механизмов в структуре производительных сил общества; взятые с социально-экономической стороны, они

⁹ Афанасьев В. Г. Научное управление обществом. М., 1973, с. 36.

¹⁰ В этой связи В. Г. Афанасьев отмечает: «Итак, управление присуще всякому обществу, всем сторонам общественной жизни» (Афанасьев В. Г. Системность и общество. М., 1980, с. 214).

выступают как носители системы ориентационных и регулятивных рычагов в структуре производственных отношений; взятые же с их духовно-идеологической стороны, они выступают регулирующим фактором в структуре надстроечных отношений.

В своей основе управленческие отношения, как и другие виды общественных отношений, никогда полностью не утрачивают своей генетической и функциональной связи с материальным производством, в конечном счете определяются им и базируются на нем. В пределах зависимости от материального производства и в связи с материальными и идеологическими отношениями управленческие отношения проникают в сферу общественного бытия, вносят свою регулятивную функцию во взаимоотношения его структурных элементов.

В силу объективности своего существования управленческие отношения находят свое отражение в структуре общественного сознания в виде теорий и идей, составляющих основу науки управления. Испытывая на себе влияние политического, правового, морального сознания, искусства, науки и других форм общественного сознания, управленческие отношения вместе с тем оказывают через идеологические отношения и на них свое регулирующее воздействие.

На глубоких и всесторонних связях управленческих отношений с общественным бытием и общественным сознанием фактически основаны возможность и действительность их проникновения в различные сферы общественной жизни, возможность и действительность управления и регулирования любой ее сферы.

Практически все виды общественных отношений подобно управленческим обладают свойством регулятивности, но не в равной с ними степени. С полным основанием, в частности, можно утверждать, что и политические, и экономические, и другие общественные отношения выполняют определенные функции регулирования в своих границах, но для развития и функционирования каждого из этих отношений в масштабах общества необходимы управленческие отношения, вернее, и экономические, и политические, и другие отношения, будучи регуляторами локальных или преходящих социальных процессов, сами нуждаются в управлении как элементы целостной социальной системы.

Например, экономические отношения складываются в сфере материального производства и регулируются посредством преимущественно экономических законов, но в сферу экономических отношений помимо собственно экономических рычагов регулирования проникают и функционируют в ней механизмы политического, правового, морального регулирования. Естественно, что и моральные отношения, в свою очередь, являясь следствием и причиной регулирования взаимоотношений людей с помощью прежде всего нравственных принципов также выпол-

няют специфическую регулятивную функцию, причем и они не свободны от влияния и воздействия на них механизмов политического и экономического регулирования.

Однако то обстоятельство, что все виды общественных отношений участвуют в саморегуляции общества, не отменяет специфики управленческих отношений, которые возникают и существуют на базе всеобщности функции управления. Подобно тому как экономические отношения формируются и функционируют на базе производственной, политические отношения — на основе политической, а моральные отношения — на основе нравственной деятельности, так и управленческие отношения формируются и функционируют на основе деятельности людей по управлению. Управленческие отношения — это способ осуществления деятельности людей по поводу управления.

Следовательно, первое, что отличает управленческие отношения от других видов общественных отношений — это то, что они формируются и функционируют на основе разных видов социальной деятельности. Но в отличие от других видов общественных отношений, выполняющих на основе специфических видов социальной деятельности помимо регулятивной еще и другие функции, управленческие отношения складываются на основе деятельности по управлению исключительно для регулирования социальных, экономических и духовных процессов общественного развития в единстве, как бы объединяя тем самым все конкретные виды общественных отношений на основе их регулятивных функций. Регулятивные функции других видов общественных отношений лишь дополняют регулятивную функцию управленческих отношений, значительно усиливая их действие в зависимости от типа господствующего способа производства.

Своеобразие управленческих отношений заключается в том, что они, в силу всеобщности своей регулятивной функции, опираются не только на свои, но и на специфические средства, используемые в других общественных отношениях. В управленческих отношениях «не создаются непосредственно ни материальные, ни духовные ценности»¹¹, что, разумеется, не означает, что управленческие отношения никакой ценности собой не представляют. Ценность их определяется в других измерениях: интегрируя регулятивные свойства всех общественных отношений в единую систему механизмов социального регулирования, они «служат условием эффективного и материального и духовного производства»¹².

Единая система механизмов социального регулирования функционирует в рамках управленческих отношений через движение (принятие и исполнение) управленческих решений, кото-

¹¹ Афанасьев В. Г. Научное управление обществом, с. 164.

¹² Там же.

рые являются также принадлежностью исключительно управленческих отношений, составляя их специфику в отличие от других видов общественных отношений. Все те решения, которые принимаются и реализуются в деятельности политических, общественных организаций, государственных, научных, педагогических, медицинских и т. п. социальных институтов и трудовых коллективов, по существу являются управленческими, носят управленческий характер. Через движение управленческих решений управленческие отношения, выполняя свою функцию всеобщего регулятора, фактически проникают в сферы других общественных отношений. Но приемы и методы разработки, принятие управленческих решений, а также способы их реализации носят специфический характер в зависимости от того, в какой сфере — политической или экономической, социальной или духовной жизни общества функционируют эти управленческие отношения.

Таким образом, несмотря на общность регулятивных свойств, управленческие отношения по многим параметрам существенно отличаются от других видов общественных отношений, что придает им статус относительной самостоятельности. Регулятивные свойства других видов общественных отношений, действуя в одном целевом направлении с регулятивной функцией управленческих отношений, превращают их в громадную регулирующую и направляющую силу общественного развития.

Вместе с тем для многих из названных видов общественных отношений регулирование тех или иных сторон социальных процессов не является единственной функцией, ибо наряду с ней у них имеются и другие функции, другие особенности, что делает их объектом исследования специальных отраслей знания. Все виды общественных отношений не могут быть, естественно, поглощены или механически включены в структуру управленческих отношений. Но, обладая регулятивными функциями, несмотря на громадные функциональные, структурные и генетические различия, все они так или иначе связаны с управленческими отношениями, образуя вместе с ними единую регулятивную социальную систему.

Отсюда управленческие отношения, очевидно, представляют собой такой специфический вид общественных отношений, который на основе своей регулятивной функции выполняет роль интегрирующего фактора, пронизывая все социальные процессы, координируя складывающиеся в них отношения.

В результате такого координирования под интегрирующим началом регулятивной функции управленческих отношений все виды общественных отношений, не утрачивая своей самостоятельности и продолжая выполнять специфические функции каждый в своей сфере и в границах соприкосновения с управленческими отношениями, становятся как бы сопричастными, сопряженными с управленческими отношениями.

В этой связи выделяют и говорят о наличии видов социального, политического, экономического управления в структуре управленческих отношений, выделяют методы правового и морального регулирования, психологического и педагогического воздействия на объекты управления. Под регулирующим воздействием управленческих отношений все эти специфические средства и механизмы выступают как различные — экономические, политические, социальные и т. п. — способы управления.

Своеобразие управленческих отношений заключается и в том, что они, опираясь на эти специфические средства, служат необходимым условием не только для интеграции, но и для организации и мобилизации регулятивных свойств общественных отношений, выступающих сопряженными с управленческими отношениями. Поддерживая необходимый режим функционирования и развития всей системы общественных отношений, управленческие отношения способствуют практической реализации программы достижения определенных целей субъекта управления¹³.

Следует отметить, что в своих проявлениях разные средства осуществления управленческих отношений по активности их использования не всегда были равнозначными. В определенные конкретно-исторические периоды развития общества роль ведущего начала в системе управленческих отношений в зависимости от типа общественно-экономической формации переходила к различным средствам их осуществления, причем выдвижение в качестве ведущего одного из средств означало либо неразвитость других, либо подавление всех остальных за счет наиболее развитого.

В первобытном обществе, которое не знало еще сложной системы управленческих отношений, в качестве активного регулирующего начала выступало как наиболее развитое по сравнению с другими морально-психологическое начало. Общество тогда еще не испытывало необходимости в других средствах управленческих отношений, поэтому они не получили своего развития, так как все относительно несложные социальные проблемы в первобытных общностях регулировались и находили свое разрешение в рамках моральных норм и социально-психологических установок. Управленческие отношения как реальность еще слабо осознавались и воспринимались лишь интуитивно в границах регулятивной функции родовых традиций, обычаев, норм-рамков и норм-запретов.

В классовом антагонистическом обществе роль ведущего начала в регулировании сложных социальных процессов переносится в сферы политических и правовых отношений, которые появились вместе с классами. Наибольшее свое развитие

¹³ См.: Гончарук С. И. Законы развития и функционирования общества. М., 1977, с. 124.

в этот период получают политическая и правовая стороны управленческих отношений. Сами же управленческие отношения, воспринимаясь лишь как результат деятельности государственных и правовых институтов, фактически отождествляются с ними, т. е. управленческие отношения не выделяются из рамок одной из своих разновидностей — государственных управленческих отношений, заслоняются ими.

Но выдвижение на первый план отдельных средств управленческих отношений в разные периоды развития общества не снимает специфичности управленческих отношений. Напротив, такое выдвижение говорит лишь о неравномерности становления, развития всех необходимых средств осуществления управленческих отношений.

Всестороннее развитие управленческие отношения получают при коммунизме, и в особенности в тех своих направлениях, в которых они еще не получили своего полного развития. Уже в развитом социалистическом обществе наряду с дальнейшим усилением роли социалистических управленческих отношений в политико-правовом плане, в рамках которого они начали свое формирование и развитие, наблюдается заметное возрастание их роли также и в социально-экономическом, социально-психологическом, морально-этическом, педагогическом и т. д. планах.

Н. С. КУЗНЕЦОВ

Уральский политехнический институт

К вопросу о содержании понятия «социальное»

В последнее время в нашей литературе весьма часто употребляется понятие «социальное» как синоним общественного (например, при постановке таких проблем, как социальное и биологическое, социальное и индивидуальное и т. п.). Употребление этого понятия в широком смысле в отличие от узкого, как синонима социально-классового, указывает на потребность в такой общей категории, на ее эвристическое значение. Однако многозначность понятия «социальное», употребление его в различных смыслах создает определенные трудности в его использовании. Помимо синонима социально-классового понятие «социальное» нередко употребляется для выражения общества как целостности, общезначимого в жизни индивидов и противопоставляется индивидуальному¹; как чистый «социум», т. е. специфическая система, развивающаяся по своим собственным законам, оно противопоставляется природе, с одной стороны, и культуре —

¹ См.: Дроздов А. В. Человек и общественные отношения. Л., 1966, с. 117.

с другой²; наконец, как специфический способ бытия общества (социальная форма движения материи) и т. д.

Известно, что К. Маркс не ограничился рассуждениями об «обществе вообще», а раскрыл наличие конкретно-исторических типов обществ, их специфику, закономерности их развития и смены. Однако он не отрицал значения таких общих понятий, как «производство», «общество», указывая на их конкретность, на разумность подобных абстракций, выделяющих общее, существенное, и отмечал, что «это *всеобщее* или выделенное путем сравнения общее само есть нечто многократно расчлененное, выражающееся в различных определениях»³.

Целью настоящей статьи является стремление прояснить содержание понятия «социальное». Раскрытие гносеологической природы этой категории способствовало бы преодолению ее многозначности, выявило ее теоретическое и методологическое значение, а также помогло бы нахождению понятия, с помощью которого можно всесторонне отражать целостность общественной жизни, ее качественную специфику.

Рассмотрим в связи с этим несколько наиболее употребительных значений этой категории.

1. Социальное — связанное **только** с взаимоотношениями между большими социальными группами и общностями. А. В. Дроздов пишет: «...не все отношения между людьми можно называть социальными»⁴. Последними он называет отношения, складывающиеся между общностями людей (классами, нациями, социальными группами и т. п.). Из социальных отношений он исключает личные как «психологические», основанные на достижении личных целей, на удовлетворении личных потребностей и интересов⁵. Несмотря на то что в подобном подходе имеется справедливое стремление выделить наиболее значимое для функционирования и развития общества, содержание понятия «социальное», на наш взгляд, здесь неправомерно сужается. Вынесение «за скобки» социального личных отношений и ряда аспектов индивидуальной жизни человека лишает их статуса социальности, приводит к неадекватной теоретической интерпретации их содержания и значения. Из этого следует, во-первых, односторонняя психологизация межличностных отношений и индивидуального бытия человека, хотя межличностные отношения в своих существенных чертах определяются типом общества — социальной структурой, политической системой, характером социальных норм и ценностей. Во-вторых, индивидуальное потребление имеет также и общественную значимость, так как оказывает обратное влияние на развитие производства, служит

² См.: Давыдов Ю. Н. Культура — природа — традиция. — В кн.: Традиция в истории культуры. М., 1978, с. 43.

³ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 12, с. 711.

⁴ Дроздов А. В. Человек и общественные отношения, с. 117.

⁵ См. там же.

воспроизводству самих индивидов как работников и как личностей. В-третьих, психологическую сторону имеют не только личные отношения, но также отношения между классами, нациями и государствами. Поэтому не случайно К. Маркс, критикуя различные формы «социального атомизма», одновременно подвергал критике отрыв общественных отношений от индивидуальной жизнедеятельности людей, рассмотрение общества как некоего «общества-лица», считая такой подход неправильным, умозрительным⁶.

2. Социальное — то, что имеет общественную значимость. В таком смысле этот термин употребляется для характеристики социального действия в сборнике «Категории социальной диалектики», где автор Ю. А. Харин отмечает, что «...не любое действие человека является социальным. К последним следует отнести действия военные, политические, религиозные и др., перевод же стрелочником рычага, нажатие кнопки звонка — элементарные акты, которые, хотя и осуществляются людьми, в строгом смысле не охватываются категорией социального действия»⁷.

Мы видим здесь примерно такой же отрыв общественных отношений от индивидуальной деятельности людей. На наш взгляд, социальное действие любой общественной значимости всегда проявляется через единичные акты индивидуального действия и поведения, и поэтому последние могут иметь как сугубо индивидуальное, так и исключительно важное общественное значение в зависимости от общего контекста деятельности, от характера ее целей и результатов.

3. Встречается в нашей литературе и такой вариант использования понятия «социальное», когда им обозначают общество, рассматриваемое исключительно в аспекте его функционирования как системы, подчиненной своим специфическим законам, развивающееся только в соответствии со своей внутренней логикой без учета того, какие последствия это развитие будет оказывать, с одной стороны, на природу (как внешнюю, так и биологическую природу самого человека), а с другой — на культуру. Человеческая культура в этом случае рассматривается как средство гармонизации связи между обществом как «чистым социумом» и природой⁸. Действительно, нельзя не видеть таких ситуаций в истории человеческого общества, особенно в настоящее время в связи с развитием промышленности, когда определенные тенденции в развитии общества создают непосредственную угрозу физическому существованию человека (возрастание мутагенных факторов в связи с загрязнением среды, возможности разрушения атмосферы и т. п.). Угроза уничтоже-

⁶ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 4, с. 118; т. 46, ч. 1, с. 30.

⁷ Категории социальной диалектики. Минск, 1978, с. 68.

⁸ См.: Давыдов Ю. Н. Культура — природа — традиция, с. 47.

ния культурных ценностей и даже целой нации может возникнуть в условиях реакционных политических режимов (как, например, было в Кампучии). Однако трактовка понятия социального как «чистого социума» без культуры также требует уточнения. Никакая социальная система не существует без соответствующих ценностей и норм, что, собственно, признает и сам автор⁹. Поэтому вряд ли можно в реальном развитии общества выделить такую ситуацию, когда культура **целиком** прогрессивна и гуманна, а социальная система представляет нечто противоположное. Известно, что В. И. Ленин рассматривал каждую национальную культуру классово-антагонистического общества как **сложное переплетение** элементов социалистических и демократических, с одной стороны, и устаревших, реакционных — с другой, признавал возможным говорить о буржуазной, даже о черносотенной и клерикальной культуре¹⁰. Поэтому было бы более правильно не противопоставлять «чистый социум» культуре, взятой столь же абстрактно, а исследовать, насколько система норм и ценностей данного общества соответствует потребностям прогрессивного развития человечества, что в данной культуре является действительно прогрессивным, соответствует человечности, проверено наукой и практикой. В этом плане весьма актуальным представляется вопрос об объективных основаниях социальных ценностей и норм, о критериях их оценки.

4. Противопоставление социального как специфически общественного, высшего, биологическому как природному, низшему. Подобный подход имеет эвристическое значение, так как, во-первых, здесь отражается качественная специфичность социального как высшего, подчиняющегося своим законам, имеющего свой уровень организации, что является, как известно, важнейшим принципом диалектико-материалистического подхода к явлениям объективного мира. Во-вторых, в подобном подходе отражается относительная самостоятельность как социального, так и биологического, возможность их расхождения, возникновения определенных противоречий между ними. То что это так, показывают современная экологическая ситуация, изменения в структуре заболеваемости и т. д.¹¹ Однако противопоставление социального биологическому как высшего низшему имеет **свои пределы**, за которыми может вести к неверной теоретической интерпретации этих уровней. Забвение **диалектико-материалистических принципов их связи**, того, что высшее возникает лишь на основе низшего и в преобразованном виде включает его в себя, может вести, во-первых, к их метафизическому противопоставлению (что характерно для буржуазной традиции), к вы-

⁹ См. там же, с. 50.

¹⁰ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 24, с. 120—121.

¹¹ См.: Обухова Л. Е. Человек и научно-технический прогресс. М., 1977, с. 79—112.

водам об их извечном антагонизме (как это было, например, у З. Фрейда), либо к игнорированию специфики биологического, к абсолютизации качественной специфики высшего. Последнее иногда имеет место в работах некоторых авторов, когда утверждается, что «...индивидуальная жизнь отдельного человека **во всех своих проявлениях** (выделено нами.— Н. К.) — продукт и органическая часть того общественного строя, в котором он живет»¹². Подчеркивая качественную специфичность человека, авторы делают это весьма радикально. В этом случае упускается факт относительной самостоятельности и качественной специфичности биологического как формы материи, предпосылки социального, факт сохранения низшего в высшем. В действительности здесь налицо диалектика **преобразования и сохранения**. Многочисленные факты показывают, что биологическая природа человека выявляет возможность перестройки как положительного, так и отрицательного характера, что сами формы, способы включения биологического в социальное бытие не являются безразличными для видовых свойств человека, для его физического и психологического развития, здоровья и самочувствия. В свою очередь подобные изменения в биологии человека не являются нейтральными по отношению к социальным процессам, так как человек выступает в качестве субстратной и функциональной единицы общества¹³. Поэтому весьма важным в теоретическом и методологическом плане является положение об **интегральной и многоуровневой** природе высшего, в данном случае социального как особой формы движения материи.

Итак, из рассмотрения ряда наиболее употребительных значений понятия «социальное» можно заключить, что в некоторых случаях оно употребляется некорректно. Вместе с тем в нашей литературе укоренилось два **основных** значения этого понятия, которые играют важную роль в общественном знании.

Первое значение — это наименование тех отношений между людьми, в которых они выступают как представители больших групп, отличающихся местом в системе общественного производства. В таком узком значении понятие «социальное» употребляется К. Марксом в его классическом изложении сущности материалистического понимания истории¹⁴, а так же ряде других произведений основоположников марксизма¹⁵. Понятие «социальное» характеризует здесь общественное положение классов, социальных групп и слоев общества, наличие у них физических интересов. Эта сфера отношений, хотя и в измененном

¹² Мокроносов Г. В., Мосоров А. М., Кемеров В. Е. Общественные отношения, интересы, мотивы. Свердловск, 1971, с. 48.

¹³ См.: Орлов В. В. К понятию человеческой природы.— В кн.: Философия пограничных проблем науки. Пермь, 1968, вып. 2, с. 83.

¹⁴ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 13, с. 7.

¹⁵ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 4, с. 302—303; т. 6, с. 228.

виде, сохраняется в условиях социализма и подлежит регулированию. И хотя в нашей литературе существуют разные трактовки понятия «социальные отношения», многие авторы справедливо указывают, что «стержнем социальных отношений являются отношения равенства и неравенства по положению людей и групп в обществе»¹⁶. Таким образом, понятие «социальное» характеризует определенную **сферу общественных отношений**, существующую наряду с экономическими, политическими, духовными и включающую в себя определенные стороны личных отношений.

Второе значение, не менее важное для обществознания,— это отражение в понятии «социальное» **специфики общественной жизни в целом, ее качественной определенности**. Известно, что основоположники марксизма употребляли понятие «социальное» и в широком смысле, как синоним общественного¹⁷. Мы привыкли к употреблению понятия «социальное» для отражения качественной специфики общества в таких сочетаниях, как «социальное и биологическое», «социальная форма движения», «социальное познание», «социальное качество» и т. д. Все более частое употребление понятия «социальное» в широком смысле обусловлено, на наш взгляд, настоящей потребностью в исследовании проблемы качественной специфики общественной жизни как системы атрибутивных характеристик общества.

История социологических знаний свидетельствует, что вопрос о качественной специфике общественной жизни всегда был наиболее интригующим, сложным и порождал различные варианты ответов. Специфику общественной жизни усматривали в свойствах человеческой природы, в наличии некоей «коллективной души», в законах социальной психологии и т. п. История социологических знаний показывает также, что определенная трактовка специфики общественной жизни, качества социального как целого имеет немаловажное **методологическое** значение и для теоретического видения отдельных сторон общественной жизни, в частности, таких, как человеческая деятельность, социальная связь, социальная норма, личность, потребности и т. п. Так, на примере буржуазной социологии можно проследить, к чему приводит ограниченное, одностороннее понимание специфики социального, выражающееся в сведении его либо к «коллективным представлениям», «сознанию» (Э. Дюркгейм), либо к межиндивидуальному взаимодействию, структурированному посредством нормативно-ценностных систем (Т. Парсонс) и т. п. В таких подходах наблюдается единая логика: именно данные стороны общественной жизни выражают ее специфику, качество социального, остальные же (материальное производ-

¹⁶ См.: Руткевич М. Н. Диалектика и социология. М., 1980, с. 198; Роговин В. З. Социальная политика в развитом социалистическом обществе. М., 1980, с. 18.

¹⁷ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 4, с. 301.

во, его формы, отношения в этой сфере) могут не приниматься в расчет. Элиминация из сферы собственно социального материальных общественных отношений ведет к абсолютизации роли идей, политических учреждений, социальных норм, к игнорированию их объективной основы. Известно, например, что Р. Штаммлер отстаивал идею о логическом примате права, выводя его непосредственно из сознания; Т. Парсонс абсолютизировал такой фактор, как «интеграция ценностных ориентаций»; Дж. Морено видел сущность общественных отношений в отношениях межличностных, психосоциальных и т. п. Однако развитие общественных процессов и социологического знания постоянно показывает несостоятельность подобных теорий.

Материалистическое понимание общественной жизни позволяет принципиально по-новому, глубоко и всесторонне раскрыть проблему социального качества. Как известно, исторический материализм исходит из того, что общественные отношения, взаимодействия, виды социальной деятельности и формы поведения людей формируются и осуществляются прежде всего в рамках **макроструктуры** общества, общественно-экономической формации, основу которой составляют материальные, производственные отношения. Материалистическое понимание общества **не ограничивается** изучением общественного сознания, межличностных или психологических отношений. Оно нацеливает в первую очередь на исследование форм разделения труда, отношений обмена и распределения, социальной структуры общества, системы социальных потребностей и интересов. Вне этих процессов невозможно научное исследование происхождения общественно значимых идей, системы духовного производства и межличностных отношений.

Вместе с тем исключительная сложность того объекта, каким является общество, различие исторических условий и практических потребностей познания общественной жизни приводили и приводят к тому, что в работах наших авторов, посвященных проблемам исследования общества как целого, на первый план выдвигаются то одни, то другие аспекты социального качества и не достигается всестороннее, комплексное отражение объекта, тогда как всесторонность является важнейшим требованием диалектического метода. Так, долгое время в нашей социологической литературе при анализе общественных отношений авторы ограничивались преимущественно их классификацией на материальные, идеологические, духовные и т. д., подчеркиванием примата материальных общественных отношений, функциональных связей между этими сферами. При такой трактовке, безусловно, раскрывался ряд важнейших положений марксистской социологии — материалистический принцип анализа общества, структурность системы общественных отношений, предполагалась их специфичность, недопустимость натуралистического или односторонне психологического истолкования. Однако при всей

значимости данных положений такой подход страдал односторонностью, так как в нем недостаточно раскрывался тот факт, что человеческое общество представляет собой не просто совокупность отношений, а «целостную совокупность людей, находящихся в отношениях»¹⁸. Следовательно, здесь недостаточно раскрывались те аспекты общественной реальности, которые связаны с человеком как элементарной субстратной и функциональной единицей общественной жизни. Помимо этого, как уже отмечалось, слишком резкое противопоставление общественных отношений и индивидуальной жизнедеятельности людей ведет к неадекватной интерпретации общества как целостности, а также же индивидуального бытия человека.

Большое значение для раскрытия качественной специфики общественной жизни имело обращение ряда авторов к Марксовой теории предметной деятельности¹⁹. Осмысление этой идеи К. Маркса раскрывало активный, деятельный характер человеческого бытия, способствовало пониманию общественной реальности как результата человеческой деятельности, опредмечивания его сущностных сил, процесса социального наследования, непрерывности общественного процесса. Эти авторы справедливо отмечали, что анализ К. Марксом человеческой деятельности как предметно-практической открыл принципиально новые возможности научного исследования общественной жизни, показывая важнейшие особенности человеческого отношения к миру. Понимание предметной деятельности как единства распределения (процесса познания и практического преобразования действительности, в котором формируется человек как общественное существо, его способности) и опредмечивания (воплощения знаний, способностей человека в предметах материальной и духовной культуры) способствовало, таким образом, более глубокому отражению качества общественной жизни, а также более глубокому пониманию процесса формирования личности, ее способностей и потребностей. Разработка этой идеи давала возможность показать историческое изменение человеческих потребностей и способностей, решающее значение «второй природы» в этом процессе. Кроме того заслугой указанных авторов является разработка идеи К. Маркса о диалектической связи содержания общественных отношений и индивидуальной жизнедеятельности людей. Все это способствовало преодолению односторонности в исследовании общественной жизни, позволило глубже раскрыть ее качественную специфичность, диалектику общества как целого и индивидуально-личностного. Вместе с тем, справедливо подчеркивая качественную специфичность общественно-го как высшего, авторы все же не раскрыли факт сохранения

¹⁸ Орлов В. В. Материя, развитие, человек. Пермь, 1974, с. 312.

¹⁹ См.: Мокроносов Г. В., Мосоров А. М., Кемеров В. Е. Общественные отношения, интересы, мотивы; Мокроносов Г. В. Методологические проблемы исследования общественных отношений. Свердловск, 1972.

низшего, т. е. биологического в высшем²⁰, что, как уже отмечалось, вызывает ряд возражений. Отсюда следует, что положение об интегральной и многоуровневой природе общественного является его атрибутивной характеристикой, а диалектико-материалистическая концепция уровней должна являться одним из необходимых методологических принципов при анализе общества как целостности и отдельных общественных явлений (потребностей, личности и т. п.).

Итак, рассмотрение специфики общественной жизни является неполным при ее анализе только со стороны связей, отношений и деятельности без учета **природы социального субстрата**. А вместе с тем фундаментальным положением диалектического материализма является тезис о неразрывности движения и материи, о взаимосвязи формы движения и ее материального носителя. Без исследования специфики социального субстрата теоретическая интерпретация социального качества всегда будет неполной, односторонней, что и подтверждается при рассмотрении взглядов некоторых наших авторов, когда человек сводится к совокупности связей и отношений и совершенно игнорируется его специфическая, уникальная биологическая природа, либо общество рассматривается как совокупность отношений, как система деятельности, а реальные индивиды как носители, субъекты этой деятельности должны лишь подразумеваться. Между тем основоположники марксизма отмечали, что «первая предпосылка всякой человеческой истории — это, конечно, существование живых человеческих индивидов. Поэтому первый конкретный факт, который подлежит констатированию, — телесная организация этих индивидов и обусловленное ею отношение их к остальной природе»²¹.

Лишь в последнее время исследователи социального качества начинают обращать большее внимание на саму **социальную материю** как реальный носитель социальной формы движения, на субстратную сторону общественной жизни. Поскольку эта проблема обратила на себя внимание сравнительно недавно, в нашей литературе выдвигаются различные трактовки содержания понятия «социальный субстрат». Так, В. А. Демичев под социальным субстратом понимает «производительные силы и развитую ими систему социальных групп работников непродуцельной сферы и некоторых других общественных элементов». Из этой совокупности он выделяет производственный коллектив, а границы социального организма общества определяются границами законченной организации производительных сил: род, племя, народность, нация, межнациональные объединения и в будущем — человечество, единый социальный организм

²⁰ См.: Мокроносов Г. В., Мосоров А. М., Кемеров В. Е. Общественные отношения, интересы, мотивы, с. 48.

²¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 3, с. 19.

всей Земли²². В. В. Орлов делает акцент на **социальных** индивидах как реальных носителях общественных отношений²³. Необходимо отметить, что, употребляя термин «социальный индивид», В. В. Орлов понимает социальное как **интегральное** качество, включающее в себя реальную биологию человека.

Таким образом, проблема социального субстрата как носителя социальных (общественных) связей и отношений еще нуждается в дальнейшем исследовании. Нам представляется, что социальный субстрат можно представить в виде следующих групп элементов.

1. Социальные индивиды как элементарные, основные носители социальных связей и отношений, рассматриваемые интегрально, как «живые личности»²⁴. Необходимо отметить, что только **интегральное** понимание социальной природы человека, включающее в себя специфику его биологии и психики, позволяет всесторонне и глубоко раскрывать и человеческую деятельность, которая всегда включает в себя определенное психо-физиологическое содержание²⁵, а также общение, человеческую личность, потребности и способности, короче — специфику общественных явлений и процессов, социального качества в целом.

2. Общности людей различного уровня — родоплеменные общности, народности, нации, а также разнообразные социальные группы и коллективы. Эти элементы социальной материи достаточно исследованы в нашей социологической литературе. Однако порой еще недостаточно раскрывается значение институционализации отношений в социальных общностях, что является важнейшим условием выступления этих общностей в качестве субъектов социального действия. Хотя в отдельных случаях субъектами общественных отношений могут выступать и неструктурированные образования — толпа, случайно сложившиеся группы и т. п.

3. Социальные организации, институты как структурированные объединения людей, представляющие собой в силу этой организации специфические социальные образования, выступающие носителями и субъектами общественных отношений (например, государственные органы, общественные организации и т. п.). Важнейшими из этих институтов, придающими обществу характер общественно-экономической формации, являются институты собственности и политической власти.

4. Предметы материальной и духовной культуры — средства труда, оружие, предметы потребления, продукты духовного про-

²² См.: Демичев В. А. Общественное бытие и общественное сознание, механизм их взаимосвязи. Кишинев, 1970, с. 26.

²³ См.: Орлов В. В. Материя, развитие, человек, с. 312.

²⁴ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 23, с. 178.

²⁵ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 23, с. 53, 55, 188; Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 45, с. 206; Каган М. С. Человеческая деятельность. М., 1974, гл. 2, 4.

изводства, объективированные в языке, книгах, рукописях, произведениях искусства и т. д.

Все эти группы элементов, включая людей, объединяет то, что они являются материальными, предметными носителями общественных связей и отношений, субстратом социальной (общественной) реальности, элементами «второй природы», созданными в процессе предметно-практической деятельности людей. Социальные индивиды не составляют в этом плане исключения, поскольку как личности они создаются, «производятся» конкретно-историческим обществом, конкретной социально-предметной средой. Эти группы элементов объединяет, следовательно, то, что они являются продуктами человеческой деятельности, **объективированными формами** этой деятельности и представляют в своей совокупности социальный субстрат, носителей общественных отношений, социальную материю как специфическую форму **объективной реальности**.

Однако общественная жизнь представляет собой не просто объективный процесс. Она, как известно, неотделима от деятельности людей как **сознательных** существ. «Это, конечно, сплошной вздор,— писал В. И. Ленин,— будто материализм утверждал «меньшую» реальность сознания»²⁶. Отсюда следует, что при рассмотрении общественной жизни как результата деятельности людей необходимо учитывать и **субъективную**, идеальную сторону человеческой деятельности — идеи, социальные чувства и настроения, субъективные значения и смыслы. Качественная специфичность общественных явлений и процессов, выражающаяся в реальном существовании и диалектическом взаимодействии как объективного, так и субъективного, может получить более адекватное отражение, если мы «усилим» категорию «общественное», которая является лишь предикатом, дополнив ее соответствующим логическим субъектом «реальность», отражающим существование и объективного, и субъективного²⁷.

Таким образом, полученное понятие «общественная реальность» будет отражать качественную специфику общественной жизни более комплексно и всесторонне. Эвристическое значение этого сочетания понятий можно было бы выразить в следующих положениях. Во-первых, нетрудно увидеть, что понятие «общественная реальность», охватывая определенную часть материального мира, выступает как менее общее, но в то же время неразрывно связанное с понятием материи как объективной реальности. Во-вторых, как уже отмечалось, оно является логически более завершенным, чем понятие «общественное», так как придает комплексу общественных явлений и процессов онтологический статус. В-третьих, оно гораздо полнее и рельефнее позволяет отразить **специфику** общественных явлений, отличие их

²⁶ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 18, с. 296.

²⁷ См.: Нарский Е. Реальность.— В кн.: Филос. энцикл., 1967, т. 4, с. 477.

от процессов природы. Как известно, степень адекватности отражения объективной реальности непосредственно влияет на содержание исторических событий, на характер социальных норм и институтов, которые создаются людьми на основе определенных идей и представлений, отражающих в той или иной форме классовые, групповые, государственные потребности и интересы. Субъективная реальность в этом плане является структурной составляющей субъективного фактора. Отражение диалектики объективного и субъективного как атрибутивной характеристики социального качества при учете определяющей роли объективного, материального начала, предохраняет нас от односторонне объективистской или натуралистической трактовки общественных процессов, указывает на относительную самостоятельность субъективной реальности, отражающей общественное бытие лишь с известной степенью полноты²⁸.

Подведем итог. Дальнейшее исследование качественной специфики общественной жизни остается весьма актуальной проблемой. Для ее всестороннего охвата необходимо определенное научное понятие. В качестве такой категории нередко употребляется понятие «социальное». Однако в историческом материализме понятие «социальное» закрепилось за специфической сферой общественных отношений, выделение и исследование которой актуально как в практическом, так и в теоретическом плане. Поэтому представляется целесообразным либо найти видовое понятие для обозначения сферы социальных отношений, сохранив для отражения качественной специфики общества в целом понятие «социальное» как родовое, либо в последнем случае употреблять понятие «общественное». Более того, для отражения как объективной, так и субъективной сторон общественной жизни целесообразно пользоваться логически более завершенным понятием «общественная (или социальная) реальность».

Н. В. ИВАНЧУК
Свердловский горный институт

Формирование потребностей личности как выражение конкретности общественных отношений

Классики марксизма-ленинизма неоднократно подчеркивали значение конкретно-исторического подхода к анализу общественных явлений, дали замечательные образцы его применения. Раскрывая исключительно важную методологическую роль кон-

²⁸ См.: Ленин В. И. Полн собр. соч., т. 18, с. 343, 345.

кретности, В. И. Ленин отмечал, что «живая душа марксизма: конкретный анализ конкретной ситуации»¹. Реализация принципа конкретности требует рассматривать любые общественные явления как постоянно изменяющиеся, находящиеся в процессе становления и развития. В последние годы усилился интерес к исследованию теории исторического процесса, появились монографические работы, анализирующие многие аспекты этой важной проблемы². Вместе с тем исследованию формирования потребностей личности в различных формациях, анализу конкретных условий, в которых данный процесс протекает, на наш взгляд, пока не уделяется должного внимания. Рассмотрение формирования потребностей личности как социально-исторического процесса позволяет глубже раскрыть содержание потребностей личности, показать их объективную детерминированность совокупностью общественных отношений, выявить тенденции развития потребностей личности и т. д. Процесс формирования потребностей личности как социально-исторический процесс есть последовательная, носящая прогрессивный характер смена одних господствующих систем потребностей, одних типов личности другими, он характеризуется становлением коммунистического типа личности с всесторонне развитой, гармонической системой потребностей.

Важность рассмотрения тех или иных явлений в процессе их становления, развития неоднократно подчеркивалась еще Гегелем: «...суть дела исчерпывается не своей целью, а своим осуществлением, и не результат есть действительное целое, а результат вместе со своим становлением...»³ Рассмотрение формирования потребностей личности как процесса позволяет полнее раскрыть многообразие форм их проявления и реализации, тем самым углубить понимание сущности данного социального явления.

Обращение к идейно-теоретическому наследию классиков марксизма-ленинизма показывает, что они не только оставили ряд важных по своей значительности указаний о сущности социального процесса, но дали конкретные образцы его изучения. Важнейшая заслуга К. Маркса состоит в том, что он вскрыл суть процесса самодвижения и самовозрастания капитала. К. Маркс писал, что теория предмета должна дать его действительную историю, действительный «процесс формообразования в его различных фазах»⁴. Формирование потребностей личности — диалектический процесс, представляющий единство прерыв-

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 41, с. 136.

² См.: Келле В. Ж., Ковальзон М. Я. Теория и история. Проблемы теории исторического процесса. М., 1981; Марксистско-ленинская теория исторического процесса. М., 1981.

³ Гегель. Система наук, ч. 1. Феноменология духа.— Соч. М., 1959, т. 4, с. 2.

⁴ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 26, ч. 3, с. 526.

ности и непрерывности, устойчивого и исторически преходящего, классового и общечеловеческого. Он — бесконечный процесс, как и развитие самого общества, но в этом процессе мы можем выделить узловые точки — те или иные типы личности или этапы в развитии одного и того же типа, а для каждого из типов личности характерны не только классовые, преходящие, но и общечеловеческие черты.

Сам процесс развития потребностей личности — бесконечен, но в данных конкретно-исторических условиях потребности личности строго детерминированы существующим уровнем и характером развития производительных сил, типом производственных отношений. Это одно из противоречий процесса формирования потребностей личности⁵. Поскольку процесс совершенствования потребностей личности бесконечен, то каждый достигнутый уровень их развития в тех или иных конкретно-исторических условиях является относительным, на смену одному приходит другой, более высокий уровень.

Исследуя процесс формирования потребностей личности, марксизм не только констатирует наличие того или иного уровня их, но вскрывает прежде всего объективные основы этого процесса, совокупность факторов, которые обуславливают содержание жизнедеятельности индивидов и тем самым уровень и способы удовлетворяемых ими потребностей, которые заложены в той или иной общественно-экономической формации, опосредованы их классовой принадлежностью, общим состоянием культуры и т. д.

Процесс формирования потребностей личности есть не что иное, как развитие, а развитие есть особая форма процесса. Когда мы говорим о процессе развития потребностей личности, то под развитием понимаем «преемственность, повторяемость, накопление нового, необратимость, которые в конечном итоге представляют структуру и направленность процесса развития»⁶. Исследуя процесс формирования потребностей личности, мы исследуем прежде всего их развитие, а изучая развитие потребностей, мы вместе с тем исследуем их как процесс. В этом проявляется тождество рассматриваемых явлений. В структуру социального процесса формирования потребностей личности, образуя ее важнейший элемент, входит деятельность как самой личности, так и деятельность классов, социальных групп общества в целом, к которым принадлежит тот или иной индивид. Не претендуя на полное раскрытие такого сложного вопроса, каким является процесс формирования потребностей лич-

⁵ На этот момент справедливо обращает внимание Я. А. Кронрод в статье «Социальные потребности в условиях социализма» (Вопр. философии, 1967, № 8, с. 35).

⁶ Миклин А. М. Категория развития: трудности объяснения. — Вопр. философии, 1978, № 3.

ности, мы считаем, что необходимо выделить следующие элементы в нем: объект и субъект процесса; деятельность как того или иного класса, общества в целом, к которым принадлежит личность и которая направлена на формирование ее потребностей, так и деятельность самой личности; направленность процесса; результат процесса и средства его достижения; длительность и интенсивность процесса.

Формирование потребностей личности есть единый процесс воздействия на нее социально-экономических условий, воспитания и самовоспитания личности. Это триединое воздействие на личность может быть раскрыто посредством анализа трех взаимосвязанных процессов в их историческом развитии — социально-экономического, идеологического и самовоспитания. Мы не имеем возможности в небольшой по объему публикации осветить все названные процессы в их историческом развитии и взаимодействиях, остановимся лишь на рассмотрении, хотя и весьма кратко, социально-экономического процесса, без анализа которого не могут быть осмыслены и другие слагаемые триединого процесса формирования потребностей.

Раскрывая существо процесса формирования потребностей личности как социально-экономического процесса, необходимо отметить, что под воздействием развития производительных сил, изменения типа производственных отношений, преобразований в социально-классовой структуре общества, роста общего уровня культуры и т. д., что находит свое выражение и закрепление в расширении деятельности личности, осуществляется смена одних исторических типов личности другими в направлении движения к гармонической, всесторонне развитой личности.

В ходе исторического развития как отдельные потребности личности, так и их система в целом становятся все более богатыми, разнообразными, отражающими процесс прогрессивного социально-экономического развития общества. «Чем более *необходимыми* становятся те потребности ...которые порождены самим производством, т. е. общественные потребности, сами вытекающие из общественного производства и обмена,— тем сильнее развито действительное богатство. Богатство, если рассматривать его *вещественно*, заключается только в многообразии потребностей»,— писал К. Маркс⁷. Какие бы потребности личности мы ни взяли,— в труде, общении с природой, в жилище или в одежде — можно проследить, как изменяется их содержание по мере развития производительных сил, совершенствования производственных отношений, в особенности при переходе от одной общественно-экономической формации к другой.

Только в коммунистическом обществе труд превращается в первую жизненную потребность личности, но процесс формирования потребности в труде, несмотря на его внутренне противо-

⁷ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 46, ч. 2, с. 18.

речивый характер, осуществляется на протяжении всей человеческой истории.

Уровень развития производительных сил и производственных отношений феодализма создает больше предпосылок для формирования у трудящихся потребности в труде по сравнению с рабовладением. Для феодализма как общественного строя характерны определенная экономическая заинтересованность работника в результатах труда, более высокий уровень развития производительных сил, что создает и более благоприятные предпосылки для формирования потребности в труде. «Положительная оценка труда как средства спасения и как единственного нравственного оправдания источника собственности, признание правомерности обладания имуществом в объеме, необходимом для удовлетворения личных потребностей, возвеличение бедности перед богатством — все это находило благоприятную почву в сознании мелких производителей и придавало высокую духовную значимость их труду», — отмечает А. Я. Гуревич⁸.

В капиталистическом обществе по сравнению с феодальным происходит дальнейшее расширение возможностей формирования потребности в труде, однако по мере обострения внутренних противоречий капитализма во все большей степени сказывается его неспособность реализовать постоянно повышающийся уровень потребности трудящихся, в том числе в творческом труде, в интересной работе. Устремления в сфере труда рабочих в капиталистических странах в настоящее время все чаще выходят за пределы внешних стимулов — хорошей оплаты, престижности и т. п. Как показывают результаты одного из исследований, проведенных в США, сейчас только 52 % молодых рабочих по сравнению с 79 % в 1969 году согласны с тем, что «тяжелая работа всегда окупится». 66 % молодых рабочих физического труда считают, что иметь интересную работу не менее важно, чем получать высокие заработки. Небывало много молодых рабочих (75 % опрошенных) отметили, что в работе для них важна возможность самовыражения и самореализации⁹. При капитализме в определенной мере происходит рост требований, предъявляемых к содержанию труда, его характеру. Однако многие из них, особенно те, реализация которых связана с возникновением и развитием новых коллективистских общественных отношений, не могут быть удовлетворены, что приводит к усилению социальной напряженности, противоречий между личностью и обществом.

Социалистическое общество — качественный скачок в развитии потребности в труде, в превращении ее в первую жизненную потребность личности. Процесс становления труда как первой

⁸ Гуревич А. Я. Категории средневековой культуры. М., 1972, с. 248.

⁹ См.: Вульф В. Я. Ценностные ориентации рабочей молодежи США 70-х годов. — Рабочий класс и современный мир, 1977, № 1, с. 90.

жизненной потребности, ставшей реальностью в зрелом социалистическом обществе, предполагает решение двуединой задачи: создание необходимых социально-экономических условий, благодаря которым труд из тяжелого, малопроизводительного превращается в высокопроизводительный, и формирование у каждого человека высокого чувства ответственности, долга перед обществом за то, как используются имеющиеся, постоянно расширяющиеся возможности для высокопроизводительного труда, воспитание соответствующего отношения к нему. Как отмечал в речи на ноябрьском (1982 г.) Пленуме ЦК КПСС Ю. В. Андропов, «плохая работа, бездеятельность, безответственность должны самым непосредственным и неотвратимым образом сказываться и на материальном вознаграждении, и на служебном положении, и на моральном авторитете работника»¹⁰. В современных условиях коммунистического строительства нельзя допускать отставания развития личностных факторов производства от вещественных. В переводе на язык потребностей это означает, что нужно опережающими темпами формировать такие слагаемые потребности в труде, как потребность в профессиональных знаниях, производственных навыках, отражающих возросший уровень развития техники, стремление к самообразованию и самосовершенствованию. В планах социального развития предприятий наряду с планами их технического перевооружения, повышения жизненного уровня трудящихся особое место необходимо отводить совершенствованию тех показателей, которые имеют первостепенное значение для успешного осуществления трудовой деятельности (уровень сознательности, трудовая дисциплина, способность к самообразованию и многие др.).

Одной из важнейших потребностей личности является потребность в общении с природой. На наш взгляд, можно выделить три этапа в ее историческом развитии. Для первого этапа формирования потребности человека в общении с природой характерно его слияние с ней, и хотя применительно к средневековью можно говорить о том, что человек здесь в какой-то степени выделяет себя из природы, но отношение «к природе в средние века — это не отношение субъекта к объекту, а скорее нахождение самого себя во внешнем мире, восприятие космоса как субъекта»¹¹. Такой тип реализации потребности человека в общении с природой в целом специфичен для докапиталистических формаций, и именно в таком виде эта потребность входит в систему потребностей тех или иных типов личности, характерных для этого этапа общественного развития.

На втором этапе формирования потребности человека в общении с природой, связанного с возникновением капиталисти-

¹⁰ Правда, 1982, 23 нояб.

¹¹ Гуревич А. Я. Категории средневековой культуры, с. 51.

ческого общества, человек уже четко противопоставлен окружающей природе как субъект. Однако в условиях господствующих при капитализме общественных отношений сама потребность в общении с природой приобретает такой характер, когда имманентно присущие объекту (т. е. природе) потребности, законы грубо нарушаются, приносятся в жертву монополистическому капиталу и когда диалектическое единство объективного и субъективного нарушается. Такой характер реализации потребности в общении с природой, характерный в целом для капиталистического общества, обуславливает содержание этой потребности и на уровне личности.

Третий этап в развитии анализируемой потребности связан с возникновением и становлением коммунистического общества. Для этого этапа характерно гармоническое единство объективной и субъективной сторон в самом содержании потребности человека в общении с природой.

Примитивность орудий труда определяла прежде всего неразвитость потребностей личности на первых этапах человеческой истории. Неразвитость производительных сил обуславливала соответствующий уровень транспортных средств, вообще средств и форм общения, резко ограничивала обмен товарами, возможности появления новых потребностей. «На докапиталистическом этапе транспортные возможности, несмотря на определенный прогресс — освоение парусного судоходства (III тыс. до н. э.), одомашнение верблюда (начало II тыс. до н. э.), сооружение охраняемых властями дорог (первая половина I тыс. до н. э.), были все же ограничены и позволяли участвовать в обмене, особенно международном, лишь наиболее ценным, к тому же малоемким и нетяжелым товарам»¹². Неразвитость транспортных средств как следствие соответствующего уровня производительных сил закрепляла социально-экономическую изоляцию различных районов, исключала вообще или делала случайными, эпизодическими контакты между ними. Все это замедляло скорость протекания социальных процессов, в том числе процесса формирования потребностей личности.

Рост производительности труда приводит к тому, что в ходе исторического развития расширяются средства и формы общения, растут возможности удовлетворения прежде всего самых насущных, первичных потребностей человека, тем самым создаются необходимые предпосылки для возникновения и реализации иных, более прогрессивных, качественно и количественно разнообразных структур потребностей личности.

При переходе от рабовладения к феодализму повышается уровень агротехники, осуществляется внедрение передовой для

¹² Каледин Н. В. Основные черты докапиталистического международного территориального разделения труда. — Вестн. Ленингр. ун-та. Сер. География, география, 1976, № 24, вып. 4, с. 137.

того времени трехпольной системы севооборота, распространяется применение удобрений, впервые широко используется сила падающей воды (водяные мельницы). Благодаря этим нововведениям увеличивается производство необходимых человеку продуктов питания, ускоряется процесс их переработки. Так, два раба на ручной мельнице производили за рабочий день 80—85 кг муки, а водяная мельница производила в сутки 3,5 т муки, т. е. могла обеспечить хлебом 4—5 тыс. человек¹³.

Характерное для средневековья широкое использование энергии падающей воды, ветра, взрыва позволило механизировать особенно изнурительные производственные процессы, сократить удельный вес неквалифицированного труда. Новые орудия труда требовали и нового, заинтересованного отношения к труду, его результатам, расширяли возможности самоутверждения личности в сфере труда.

Существенные сдвиги под воздействием новых орудий труда происходят и в удовлетворении других потребностей человека. Переход от веретена к прялке, а затем к самопрялке, изобретение шелковой крутильной машины, вязального станка и т. д. позволили увеличить производство соответствующих предметов потребления, улучшить их качество. В средние века было налажено изготовление фарфора, хрусталя, зеркального и оптического стекла, мыла, что изменило систему потребностей человека. «За 12—13 веков феодальной эпохи было сделано несравненно больше, чем за три с половиной тысячи лет рабовладельческого общества»¹⁴. Таким образом, происходит ускорение процесса формирования потребностей личности, возрастает его динамизм. Капиталистическое общество, приходящее на смену феодальному, характеризуется дальнейшим ускорением процесса формирования потребностей личности. Как следствие интенсификации материальной и духовной жизни общества в условиях капитализма по сравнению с предшествующими эпохами возрастает динамизм развития потребностей личности. «Для каждого в настоящее время очевидно, что период потребления какого-нибудь определенного товара стал гораздо короче, чем это было раньше. Молодые семьи не устраиваются более с помощью полученной по наследству домашней обстановки, а покупают все новое; через 10—12 лет и эта новая обстановка чаще всего обновится ими совершенно,— отмечает немецкий экономист В. Зомбарт¹⁵.

Еще более сокращаются сроки потребления товаров в условиях научно-технической революции, поскольку резко возросший динамизм экономики позволяет гораздо быстрее, чем прежде,

¹³ См.: Ильин Г. Ф. Древность и средневековье. Проблема уровней развития производительных сил.— Народы Азии и Африки, 1976, № 6, с. 90—91.

¹⁴ Там же, с. 95.

¹⁵ Цит. по: Брокгауз-Ефрон. Экономическая жизнь современных народов. СПб, 1905, вып. 2, с. 67.

вносить изменения в структуру потребностей членов общества. Именно при капитализме появляются такие специфические для него средства формирования потребностей, как мода, реклама, печать, радио и т. д., которые усиливают и закрепляют воздействие на личность соответствующих социально-экономических процессов. Исследование формирования потребностей личности в условиях социализма, анализ их обусловленности специфическими для социализма социально-экономическими процессами — исключительно большая и сложная проблема, которую мы в данной статье специально не рассматриваем. Однако подчеркнем, что коммунистическое общество, приходящее на смену капиталистическому, означает качественный скачок в развитии системы потребностей личности, в путях и средствах их формирования. Оно уничтожает социально-классовые различия между людьми и утверждает новый исторический тип потребностей личности, основанный на гармонии потребностей личности и общества, всех элементов системы потребностей как индивида, так и общества в целом.

Необходимо особо подчеркнуть, что потребности личности, как и сама личность, не являются для марксистско-ленинской теории отправной точкой анализа, они включены в систему потребностей класса (группы), общества в целом. Только через анализ этих последних могут быть раскрыты сущность и содержание потребностей личности. Процесс формирования и развития потребностей личности может быть раскрыт лишь на основе исторически прогрессивной смены одних типов личности другими, которая обусловлена эволюцией социально-классовой структуры общества. «Метод Маркса состоит прежде всего в том, чтобы учесть *объективное* содержание исторического процесса в данный конкретный момент, в данной конкретной обстановке, чтобы прежде всего понять, движение *какого* класса является главной пружиной возможного прогресса в этой конкретной обстановке», — подчеркивал В. И. Ленин¹⁶.

Рассматривая процесс формирования потребностей личности, смену одних господствующих типов потребностей другими, нельзя противопоставлять классовое общечеловеческому. В потребностях классов, сменявших друг друга в процессе исторического развития, и соответствующих им типов личности заключалось не только специфическое, но и общечеловеческое содержание, которое являлось основой исторической преемственности в развитии потребностей личности. Так, процесс развития общества характеризуется тем, что осуществляется индивидуализация потребностей личности, прежде всего производителей материальных и духовных благ. В этом процессе, как отмечает ряд исследователей, «производящий индивид становится более самостоя-

¹⁶ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 26, с. 139—140.

тельным»¹⁷. Достигнутый уровень индивидуализации потребностей личности трудящегося, осуществленный в рамках одного класса, наследуется другим классом. Феодалное общество означало шаг вперед в развитии индивидуальности производителей материальных и духовных благ по сравнению с рабовладельческим обществом, капиталистическое — по сравнению с феодальным, а социалистическое — по сравнению со всеми предшествующими ему обществами.

Определенную роль в развитии социально значимой индивидуализации потребностей личности сыграли и эксплуататорские классы. Так, принадлежность к рыцарству как одному из отрядов класса феодалов в силу некоторых особенностей жизнедеятельности рыцарства способствовала индивидуализации такой интимно-личностной потребности, как потребность в любви, ориентировала человека на его внутренний мир, способствовала осознанию значимости внутренних переживаний личности.

Осуществление социалистической революции, построение нового общества приводит к формированию типа личности, отражающего потребности всех классов и социальных групп социалистического общества и прежде всего рабочего класса, наиболее полно выражающего потребности поступательного, прогрессивного развития, принципы социализма как общественного строя, неприятие социальной несправедливости, признание труда как высшей духовно-нравственной ценности, потребность человека в человеке и т. д. Потребности рабочего класса вместе с тем наследуют то передовое, прогрессивное, что было осуществлено на предшествующих этапах развития человеческого общества — достигнутый уровень культуры потребностей и потребления, возрастающее в процессе исторического развития богатство потребностей личности, многообразие форм их удовлетворения.

Ю. Н. ТУНДЫКОВ
Уральский электромеханический институт
инженеров железнодорожного
транспорта

Прогресс науки и нравственные отношения

Проблема взаимосвязи науки и морали широка и многопланова. В ней можно выделить, по крайней мере, пять относительно самостоятельных аспектов: «Наука и нравственные отношения», «Труд в науке и мораль», «Этика научного твор-

¹⁷ Ватин И. В., Тищенко Ю. Р. Исторический процесс как становление человеческой индивидуальности. Проблема человека в «Экономических рукописях 1857—1859 годов» К. Маркса. Ростов н/Д., 1977, с. 100.

чества», «Социально-этическая ответственность ученого», «Знания и нравственность» (с подаспектом «Образование и нравственное воспитание») ¹. Темой настоящей статьи автор избрал первый из названных аспектов. Очевидно, что по своему характеру (влияние науки как явления духовно-практического порядка на реальные нравственные отношения в обществе) этот аспект должен занимать едва ли не центральное место во всей проблеме «Наука и мораль». В действительности в имеющейся литературе он, как правило, растворяется в комплексе вопросов о социальных последствиях современной научно-технической революции, хотя и служит нередко поводом для их постановки и общим фоном при обсуждении. Между тем именно задача глубокого и дифференцированного изучения социальных последствий НТР требует придания данному аспекту относительно самостоятельного значения и целостности, не говоря уже о том, что то же требование диктуется соображениями и более широкого исследовательского плана.

В самой общей констатации наука, поскольку она способствует общественному прогрессу, вносит свой вклад и в нравственный прогресс человечества. При конкретном изучении этого вопроса важно учесть некоторые специфические особенности как морали, так и науки в их историческом движении.

Мораль, как признано в литературе, является глубоко личностной (по терминологии других авторов — индивидуализированной) формой ценностного отношения к миру и регуляции поведения людей в том смысле, что ее функционирование предполагает в качестве необходимого условия относительно развитую личность, постоянную обращенность к человеческому Я, к самосознанию. Этим мораль отличается, в частности, от близкого к ней так называемого обычного способа регулирования человеческого поведения: в обычае человек действует по принципу «как все», «как принято», далеко не всегда осознавая и определяя свое личное отношение к общепринятым и общераспространенным формам поведения.

История человечества знает три больших скачка в развитии человека как личности: при переходе от родового общества к классовому, от добуржуазных форм классового общества к буржуазному и от последнего к обществу бесклассовому, коммунистическому. Соответственно можно говорить о трех скачках в развитии функционального механизма морали, реальное содержание которого определяется, однако, наличными социальными условиями. Наибольшее историческое значение имеет, конечно, третий скачок, в ходе которого мораль освобождается от классовый противоречивости и приобретает непреходяще прогрессивный характер в своем последующем развитии. Но в масштабе

¹ Подробнее об этом см.: *Тундыков Ю. Н.* Наука и мораль (структура и содержание проблемы). — В кн.: Категории исторического материализма в их взаимосвязи. Свердловск, 1978.

всемирной истории скачок, о котором идет речь, по существу еще только начинает разворачиваться. Что касается первых двух скачков, то применительно к предмету настоящего разговора особое значение имеет второй из них, в процессе которого мораль освобождается от элементов обычной формы регуляции.

Со своей стороны наука, как это убедительно показано в работах Г. Н. Волкова, трижды в своей истории меняла «основную целевую ориентацию»². Исторически первым был этап преимущественно личностной, мировоззренческой ориентации науки, охватывающий период от ее возникновения до Галилея и Ньютона. С материальным производством наука в этот период практически не соприкасалась. Поэтому правомерным будет утверждать, что это была эпоха влияния науки на мораль преимущественно «сверху» (через изменения в духовной сфере) и непосредственно, т. е. через личность. Но процесс, о котором идет речь, был чрезвычайно ограниченным по масштабам и противоречивым по своим последствиям. Занятия наукой являлись делом (чаще всего досужим) очень немногих лиц, большей частью выходцев из имущих слоев населения, чье социальное положение в той или иной степени тормозило реализацию нравственно-гуманистической функции науки.

Второй этап в развитии науки охватывает период от XVII века и, с некоторыми оговорками (смысл их прояснится ниже), до наших дней и характеризуется преимущественно технологическим, материально-производственным применением научных знаний. Но, соединяя науку с производством, капитализм тем самым автоматически превращает ее в средство эксплуатации наемного труда, наука в этих условиях выступает как «чуждая», враждебная по отношению к труду и господствующая над ним сила...»³ Кроме того соединение науки с производством на данном этапе развития науки приводит к тому, что труд человека теряет свою целостность, универсальность, становится «частичным» трудом, лишенным подчас даже элементарного духовного начала. «Наблюдать за машиной, связывать оборвавшуюся нить — это не такая деятельность, которая может занять ум рабочего, но в то же время она такого свойства, что мешает ему думать о другом... Таким образом, это не настоящий труд, а сплошное однообразие — самое убийственное, самое утомительное, что только можно придумать»⁴. Победы техники оказываются как бы купленными ценой моральной деградации — так резюмировал К. Маркс это наступление овеществленного в орудиях труда научного знания на живой элемент производительных сил — личность рабочего.

Как ни парадоксально, но отмеченные характеристики в определенной степени оказываются приложимыми и к деятель-

² См. напр.: Волков Г. Н. Истоки и горизонты прогресса. М., 1976, разд. 3.

³ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 47, с. 555.

⁴ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 2, с. 404.

ности рядовой массы научных работников, конструкторов, инженеров. С одной стороны, их труд превращается в разновидность наемного эксплуатируемого труда, а с другой — необычайно углубившаяся в этот период специализация умственной деятельности начинает порождать профессиональную ограниченность — своеобразный аналог «частичности» и бездуховности физического труда рабочего.

Однако все это не означает, что на втором этапе своей истории наука превращается в фактор, противодействующий нравственному прогрессу общества. Прежде всего напомним, что нравственный прогресс в этот период не только не замедляется, а ускоряется. Ведь рассматриваемый этап в развитии науки соответствует второму историческому скачку в развитии человека как личности. Совместный труд рабочих на капиталистических предприятиях помогает им осознать общность классовых интересов, а их частичная и бездуховная деятельность на своих рабочих местах компенсируется универсальной и одухотворенной деятельностью на арене классовой борьбы с буржуазией.

Что касается науки, то на данном этапе сокращаются «верхние» (через духовную сферу) и непосредственные (через личность) позитивные связи ее с моралью, но зато расширяются «нижние» (со стороны производства и производственных отношений) и опосредованные их связи, т. е. через вещественные элементы производительных сил, через организационно-технические, социально-экономические отношения, складывающиеся как в производстве, так и в самой научной деятельности. Рассмотрим подробнее этот процесс сквозь призму критики современных буржуазных прогрессистских теорий общества.

Как известно, большинство таких теорий зиждется на идее так называемого технологического детерминизма, согласно которой прогрессивные изменения в технике и технологии производства способны прямо и непосредственно менять социальный облик общества, в том числе смягчать и устранять классовые антагонизмы. В действительности же, согласно марксистской точке зрения, достижения в технике и технологии производства, сколь бы значительными они ни были, выступают сами по себе всего лишь материально-техническими предпосылками социального прогресса. Последний же осуществляется в широком общественном движении масс, которое в классовом обществе по необходимости предполагает классовую борьбу и социальную революцию.

Вместе с тем марксизму чужда и недооценка роли материально-технических условий в процессе подготовки и осуществления социально-экономических преобразований. Именно ему принадлежит идея относительного соответствия каждого исторически конкретного состояния социально-экономических отношений характеру и уровню развития техники и технологии производства. При этом классики марксизма указывали, что на

этапе соединения науки с производством (т. е. на втором этапе развития самой науки по принятой нами схеме) роль науки и техники в формировании предпосылок для социальной революции возрастает, и что наука и техника в данном случае готовят исторически высший тип революции — социалистическую. В «Экономическо-философских рукописях 1844 года» К. Маркс писал, например, что «*практически* естествознание посредством промышленности ворвалось в человеческую жизнь, преобразовало ее и подготовило человеческую эмансипацию, хотя непосредственно (т. е. при существующем реальном отчуждении науки от непосредственного производителя.—Ю. Т.) оно вынуждено было довершить обесчеловечение человеческих отношений»⁵. После поражения революции 1848 года в Европе К. Маркс в беседе с В. Либкнехтом назвал науку революционной силой и подчеркнул, что электрическая искра, идущая на смену «его величества пара», готовит в Европе новую революцию»⁶.

Таким образом, в соответствии с общим выводом о росте социального значения науки на втором этапе ее истории можно сделать вывод о том, что в целом прогрессивное влияние науки на мораль в этот период углубляется и расширяется. Но происходит это, повторяем, преимущественно через процесс объективации научных знаний в материальном производстве и подключение науки через этот процесс к социально-экономическим преобразованиям уже не только буржуазно-демократического, но и социалистического характера.

На этом же этапе развития науки возникает научное общественное воззрение, которое воздействует на сознание трудящихся через систему политического образования и просвещения в рамках собственных классовых организаций пролетариата.

Третий этап в истории науки характеризуется ее ориентацией «на развитие интеллектуального творческого потенциала личности», основанной на «развитом базисе материально воплощающейся науки»⁷. Этот этап берет начало в конце XIX века, но развертывается в XX веке, обуславливая возникновение в рамках капитализма ряда новых явлений. Множество примет свидетельствует ныне о возрастании роли человеческого, личностного фактора в капиталистическом производстве и всех других «сайентифицирующихся» сферах жизни буржуазного общества. Это и заметный подъем уровня образования и квалификации основной массы трудящихся в развитых капиталистических странах (государство и монополии вынуждены в определенных границах содействовать этому процессу, поскольку того требует производство). Это и усиливающаяся тяга рабочих и служащих к содержательному творческому труду, о чем

⁵ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 42, с. 124.

⁶ См.: Воспоминания о К. Марксе и Ф. Энгельсе. М., 1956, с. 91.

⁷ Волков Г. Н. Истоки и горизонты прогресса, с. 152.

свидетельствуют социологические опросы и наблюдения⁸. Наконец, реальностью того же, хотя и несколько более широкого, социального порядка следует считать, с одной стороны, возросшее стремление трудящихся участвовать в управлении производством, в выработке его целей, а с другой стороны, энергичные попытки предпринимателей приспособиться к новым требованиям эксплуатируемых путем создания видимости «человеческих отношений», «участия в прибылях», приобщения к «ценностям корпорации» и т. п.

Отметим также, что на рассматриваемом этапе развития науки тенденция к интеграции научного знания создает предпосылки для преодоления узкого профессионализма и профессиональной ограниченности научных работников и что параллельно и в связи с этим усиливается противодействие ученых экономическому, политическому и духовному давлению капитала⁹.

Таким образом, можно утверждать, что уже в рамках капитализма наука ныне возрождает былую способность влиять на мораль не только «снизу», но и «сверху», не только опосредованно, но и непосредственно. Вместе с тем нужно со всей определенностью подчеркнуть, что капитализм в силу изначально присущих ему противоречий не в состоянии довести до конца рассматриваемые процессы. Обеспечивая пока что условия для развития «материально воплощающейся науки»¹⁰ (в значительной мере путем ее милитаризации) он вместе с тем оказывается неспособным обеспечить условия для всестороннего развития личности трудящегося человека. Широкая демократизация образования, подъем культуры масс, развитие в духовной сфере общества прогрессивных элементов (чего объективно требует НТР) грозят буржуазии подрывом ее коренных устоев, и потому она, естественно, налагает существенные ограничения на все эти процессы. К тому же, напомним, что наряду с объективной тенденцией повышения роли личного фактора в общественном производстве и других сферах жизни при капитализме действует столь же объективная и поддерживаемая государством и монополиями тенденция к подавлению в человеке личностных свойств. Эта тенденция обнаруживает себя прежде всего, конечно, в эксплуатации. Но не только в ней одной, а в ряде других, самых различных по своему характеру явлений жизни современного буржуазного общества: и в чрезмерной интенсификации производства, изматывающей человека физически, но в еще большей степени психически; и в бюрократизации всей

⁸ См.: *Энштейн С.* Капитал и труд: кризис системы управления человеком на производстве.— *Коммунист*, 1979, № 4.

⁹ См.: *Мотрошилова Н. В.* Наука и ученые в условиях современного капитализма. М., 1976.

¹⁰ См. об этом: *Научно-техническая революция и ее социальные аспекты.*— *Коммунист*, 1982, № 12.

системы профессиональных, административных и социальных связей; и в засилье рекламы и массовой культуры, и в непрекращающейся антикоммунистической и антисоветской пропаганде. Наконец, та же тенденция проявляется в порождаемых внутренними противоречиями капитализма настроениях беспокойства, неуверенности и страха, которые характерны для людей самого различного социального положения и которые питают религию и суеверия. Если все же личностные качества человека и прогрессируют, то сплошь и рядом приобретают индивидуалистическую, антисоциальную направленность, что особенно показательно для непролетарских слоев населения.

Конечно, было бы ошибочным делать из всего этого слишком пессимистические выводы. Те прогрессивные социальные процессы, которые развиваются в недрах буржуазного общества и связаны в первую очередь с борьбой трудящихся против гнета монополий и государства, затрагивают так или иначе и сферу морали. Через все препятствия пробивает себе дорогу современная (третья) форма влияния науки на мораль, а предшествующая ей (вторая) форма также не только не прекращает, но усиливает свое действие. Но как раз в связи с этим мы опять должны подчеркнуть, что какие бы формы взаимодействия науки и морали ни обнаруживали себя в современном буржуазном обществе, они имеют и могут иметь прогрессивное значение лишь постольку, поскольку содействуют (в том числе путем формирования морального фактора) именно этому — революционному преобразованию всей системы господствующих общественных отношений. Подчеркивание данной мысли актуально в свете марксистской критики упомянутых выше буржуазных прогрессистских теорий общества, базирующихся на идее технологического детерминизма (теории «стадий роста», «индустриального», «постиндустриального», «технотронного» общества и др.). Все эти теории довольно сдержанны в моральных прогнозах: видимо, нынешнее безотрадное состояние буржуазных нравов не может придать буржуазным теоретикам чрезмерного оптимизма. Тем не менее по логике данных теорий выходит, что в будущем научно-технический прогресс сам по себе, без революционных социальных преобразований, не только сможет преодолеть теперешнее кризисное состояние буржуазной морали, но и обеспечить ее дальнейшее историческое восхождение. Эта иллюзия в ряде случаев поддерживается прямыми оптимистическими заявлениями некоторых видных представителей рассматриваемого направления буржуазной социологии (Д. Белл, З. Бжезинский и др.).

Социализм начал свое историческое движение в то время, когда наука в основном находилась на втором этапе своей истории. Но характерные для этого этапа некоторые негативные моменты в социальных последствиях развития науки, связанные с отрывом ее от живого элемента производительных сил — лич-

ности рабочего — с самого начала смягчались и нейтрализовались всей системой социалистических общественных отношений. Эти же отношения обеспечивают ныне переход науки на третий этап ее развития, приобретая в лице самой науки мощный фактор собственного совершенствования. Соединение возможностей НТР с преимуществами социализма означает в рассматриваемом плане слияние и усиление двух потоков («сверху» и «снизу») прогрессивного влияния науки на мораль и достижение единства непосредственных и опосредованных форм этого влияния. Конкретизируя этот вывод, мы уделим ниже внимание некоторым проблемным вопросам, встающим в связи с решением практических задач.

Есть в общественном производстве одна большая сфера, где в силу самой ее специфики соединение науки с техникой и технологией (и, следовательно, с человеком) соответствует пока что в основном второму этапу в развитии науки. Речь идет о сельском хозяйстве и, в первую очередь, о его ключевой отрасли — полеводстве. Вопрос об автоматизации этой отрасли и, следовательно, о выведении работника за пределы производственного процесса не встает даже в отдаленной перспективе. Человек здесь непосредственно включен в производственный процесс, выполняя отдельные, в той или иной степени механизированные операции или их циклы. Правда, операции эти сами по себе не так уж просты и требуют определенных умственных усилий. В этом смысле вспашку поля на тракторе никак нельзя сравнить с работой на конвейере.

Вместе с тем степень относительной самостоятельности отдельных работ в сельском хозяйстве куда меньшая, чем в промышленности. Ведь негативный конечный результат в полеводстве — неурожай — может чуть ли не полностью обесценить все предшествующие циклы работ. Поэтому в сельском хозяйстве так важно, чтобы человек, выполняя отдельные трудовые операции и отдельные виды работ не утрачивал сознания и ощущения их взаимосвязи и «замкнутости» на конечный результат. К сожалению, было время, когда при организации и оплате сельскохозяйственного труда все эти его особенности учитывались недостаточно, что послужило одной из причин возникновения ряда негативных явлений: снижения престижа данного вида труда, упадка дисциплины в нем, текучести рабочей силы и т. п.

Но и ныне вопрос, о котором идет речь, не снят с повестки дня, задача более тесного соединения общности **владения** земель и орудиями с общностью **пользования** и **распоряжения** ими (мы используем терминологию К. Маркса) находится еще в стадии своего решения¹¹. В народной лексике для обозначения

¹¹ См. об этом подробнее: *Кокашинский В., Клямкин И., Ципко А.* Проповедь действием. М., 1968, с. 105—146.

содержания по существу той же задачи выработан хорошо всем известный термин «артельность». В артельном труде нет жесткого закрепления отдельных производственных функций за отдельными работниками, каждый работник в зависимости от обстоятельств и конкретных целей выполняет различные функции, ориентируясь при этом на конечный результат. Все это придает труду универсальность, целостность и порождает своеобразную одухотворенность, энтузиазм. Последние способны компенсировать тяжесть отдельных трудовых операций, их однообразие и т. д. Организация труда по принципу артельности широкое распространение нашла в промышленности (бригадный подряд).

Перейдем к следующему практическому вопросу, возникающему в русле рассматриваемой проблемы. Отрыв «материально воплощающейся науки» от живого элемента производительных сил может своеобразно воспроизводиться и на начальной стадии автоматизации. Как отмечает В. Г. Афанасьев, автоматизация, освобождая человека от утомительного физического труда, нередко накладывает на него тяжелое психическое бремя¹². По данным И. И. Чангли, 64 % умственных усилий рабочих автоматизированного приборостроительного завода — это операции по надзору за орудиями труда, рутинные однообразные операции¹³. Не способствуя росту удовлетворенности трудом, они прямо или косвенно отрицательно отражаются на соблюдении норм трудовой морали.

В будущем научно-технический прогресс естественным образом снимет рассматриваемое противоречие, но и в настоящем оно не является в условиях социализма фатально неизбежным и непреодолимым. Прежде всего укажем, что автоматы, насыщающие труд монотонными умственными операциями и увеличивающие психическую напряженность работника, в то же время вырабатывают у него дисциплинированность, ответственность за управление технологическим процессом (неотделимую от ответственности за дело в целом), и сами они требуют от работника подобных качеств. Как показывает опыт, автоматика и электроника лучше осваиваются на тех предприятиях и в тех учреждениях, где работают не только знающие, но и ответственные люди. Следовательно, с учетом этих обстоятельств нужно вести организаторскую и воспитательную работу с людьми на рассматриваемых участках производства.

С другой стороны, социальное значение автоматизации заключается не только в том, что она интеллектуализирует труд, насыщает его элементами творчества, но и в том, что, повышая производительность труда, она позволяет сокращать рабочее

¹² См.: Афанасьев В. Г. Человек в управлении обществом. М., 1977, с. 143.

¹³ См.: Чангли И. И. Труд (Социологические аспекты теории и методологии исследования). М., 1973, с. 104.

время и увеличивать время свободное¹⁴. Последнее может быть эффективно использовано за пределами производства для овладения богатствами человеческой культуры, для научно-технического творчества, занятий физкультурой и спортом — словом, для всестороннего развития личности. В связи с этим отметим, что именно социализм впервые в истории обеспечивает опережающее развитие человека как личности по сравнению со всем тем, что этот человек производит и что составляет вещественное богатство общества. Но важно, чтобы рассматриваемой категории работников создавались условия для духовной компенсации, а сами они продуктивно использовали эти условия.

Таким образом, противоречие, о котором шла речь, возникающая в сфере производства, разрешается в определенной мере за его пределами. Ниже речь пойдет о другом противоречии, которое в известном смысле являет собой обратную картину, т. е. возникает в непродуцированной сфере, но разрешается, точнее, должно разрешаться в основном в сфере производства.

Известно, что далеко не все молодые люди, приходящие после школы в народное хозяйство, обеспечиваются у нас работой, отвечающей уровню их образования и культуры. Наблюдения и обследования, проведенные в разных регионах страны и на разных предприятиях, показывают, что нередко молодые рабочие со средним образованием выполняют работы, для которых не требуется даже неполного среднего образования. Такое положение обычно служит причиной острой неудовлетворенности рабочей молодежи трудом и ее ухода с работы, т. е. несет немалые психологические и нравственные издержки¹⁵.

Известно и другое: знания и умения специалистов со средним и высшим образованием используются на многих предприятиях далеко не в полном объеме. Случается, что этим людям приходится больше заниматься «не своим» делом, чем «своим» (выполнять несвойственные им функции) что, естественно, порождает у них настроения неудовольствия и разочарования.

Ранее мы указывали, что опережающее развитие человека как личности по сравнению с материально-технической базой производства и производимым продуктом — это благо. Вместе с тем такое опережение не должно переходить некие оптимальные границы. Чрезмерное несоответствие содержания труда уровню образования работника (уровень образования «выше должности») следует, видимо, считать не менее нежелательным явлением, чем обратный порядок вещей (уровень образования «ниже должности»). Но корни подобного противоречия нужно искать не в «перепроизводстве» образования, а в «недопроизводстве» механизации и автоматизации, особенно в подсобных

¹⁴ См.: *Афанасьев В. Г.* Человек в управлении обществом, с. 144.

¹⁵ В условиях дефицита рабочей силы и наличия большого выбора свободных рабочих мест молодежь попросту не идет на малосодержательные работы. Тем самым осложняется положение на ряде участков производства.

сферах производства, а также в сферах управления и обслуживания. Как и в первом случае, речь тут идет по существу о болезни роста, самоизлечимой в будущем. Но в современных условиях нашему обществу вполне под силу если не устранить полностью, то, по крайней мере, значительно смягчить данное противоречие.

Думается, что помимо всемерного подъема уровня механизации и автоматизации производства (в том числе подсобного) одним из средств решения этой задачи должны стать сбалансированные во всех звеньях и на всех этапах подготовка, подбор, размещение и продвижение кадров. В этой связи несомненный интерес представляет предложение некоторых специалистов добиться того, чтобы все вступающие на трудовой путь молодые люди (очень многие из них имеют приблизительно одинаковый уровень образования и культуры и потому, естественно, претендуют на равный труд) в плановом, твердо установленном порядке выполняли работу разной степени сложности, проходя путь от подсобников до квалифицированных рабочих. Полагаем, что подобная практика в ряде случаев может распространяться и на другие возрастные категории рабочих и ей должно уделяться самое серьезное внимание в планах социального развития предприятий.

Г. П. ОРЛОВ
Уральский университет
В. И. БУКРЕЕВ
Свердловский юридический институт

Активный отдых в развитии общественных отношений социализма

Одно из противоречивых последствий научно-технической революции — возникновение условий для диспропорций в физическом и психическом формировании человека. Снижаются его адаптивные возможности приспособления к среде. Обнаруживаются неожиданные явления и в духовной сфере. Практика со всей очевидностью свидетельствует о разрыве между ростом объема культуры общества и индивидуальным ее освоением. Некоторые социологи говорят о нехватке свободного времени, о своеобразной борьбе различных групп за него, о необходимости повышения качества досуговой деятельности для развития личности. Человек ищет новые, более эффективные режимы деятельности. Среди них — активный отдых, который в последнее время становится объектом многопланового межпредметного анализа.

Сегодня наиболее плодотворен комплексный подход к активному отдыху. Он интересен тем, что дает возможность обобщить некоторые пограничные вопросы, лежащие на стыке диалектического и исторического материализма, научного коммунизма, политэкономии, а также конкретной социологии, психологии, физиологии, медицины, геронтологии, с точки зрения всеобщих свойств человека. Сюда следует отнести и соотношение физического и психического, диалектику отдыха, труда и отдыха, отдыха и здоровья, долголетия и социальной активности. Целостный подход к активному отдыху позволяет наметить в общих чертах некоторые новые возможности в воспитании современных людей, основанные на закономерностях развития общества и живой природы. Комплексное развитие личности в условиях коммунистического строительства связано с поиском неиспользованных резервов в ее воспитании, обоснованием взаимосвязи активного отдыха как формы социальной жизнедеятельности — качественно новой характеристики социального организма — с другими сферами жизни людей. Анализ активного отдыха как относительно самостоятельной целостной системы позволит еще с одной стороны подойти к человеческой деятельности, в частности, выявить ее временные параметры, показать тенденции в движении индивида к таким идеалам, как гармоничность, физическое совершенство. Для этого необходимо выделить методологические аспекты активного отдыха как сложного общественного явления, выяснить его природу как социальной ценности, определить сущность, содержание, формы, структуру и тенденции развития.

Активный отдых как общественное явление интересен прежде всего тем, что может быть рассмотрен как диалектическая противоположность труду. Находясь с ним в единстве, отдых воспроизводит человеческие силы, затраченные в процессе труда. В этом смысле, очевидно, невозможно рассматривать трудовую активность вне соотнесения с досугом. Так же как и труд, активный отдых созидает социального субъекта. Обществу не безразлично, какими средствами это достигается, какое количество времени расходуется на данные цели. Может ли воспроизводство сил человека быть предметом философско-социологического анализа? Мы считаем, что может. Дело в том, что восстановление в отдыхе затраченных в производстве сил сегодня уже не достаточно. Развитие человека как самоцели ставит его перед необходимостью находить и регулировать по крайней мере некоторые общие свои способности, от которых зависит проявление всего многообразия физических и духовных свойств, а значит, и усвоение культуры. Иными словами, перед человеком стоит задача не только восстановления сил, но и их дальнейшего наращивания на единой основе.

Мы концентрируем внимание на социальных аспектах лишь физической и психической активности личности. Под физиче-

ской деятельностью понимаются физкультура, спорт, туризм, развивающие физические качества, и двигательная активность человека. Под психической — деятельность, формирующая психические качества как традиционными средствами регулирования (игры, развлечения, общение в часы досуга), так и специальными психическими упражнениями. Переход от одних занятий к другим, т. е. перемена деятельности, и есть, как мы полагаем, социальный механизм активного отдыха. Чередование занятий, определенная их длительность, интенсивность, последовательность позволяют человеку ежедневно воспроизводить свою собственную жизнь. Совокупные затраты физической активности, определенные пропорции между ними во многом влияют на состояние здоровья. Общество вырабатывает и устанавливает меру развития физических и психических качеств как основу верного отражения и изменения окружающего мира. Понятно, что у различных социальных групп она не одинакова. Найти эту меру для каждой из них — значит реально определить вклад активного отдыха в развитие личности.

Становится понятным интерес к активному отдыху, который, с одной стороны, позволяет достичь соответствия социального и биологического в человеке, а с другой — поставить социологические исследования формирования личности на более конкретную основу. Активный отдых — это и восстановление, и развитие человеческих сил. Целенаправленная перемена деятельности в отличие от стихийной смены занятий заключается в себе принципиально новый подход к формированию личности. Сочетание целенаправленной смены занятий и специальной тренировки в активном отдыхе, под воздействием которых восстанавливаются и развиваются силы человека, и есть сущностная характеристика активного отдыха, раскрывающая его место и роль в нашей жизни. Есть все основания ставить вопрос об активном отдыхе как одном из регуляторов жизнедеятельности общества и каждого индивида. Чрезвычайно важно для нас замечание К. Маркса о перемене деятельности, необходимой для поддержания высокой работоспособности: «...Непрерывная монотонность работы ослабляет напряженность и подъем энергии, т. к. лишает рабочего того отдыха и возбуждения, которые создаются самим фактом перемены деятельности»¹. Говоря о соединении труда и физического воспитания рабочих еще при капитализме, К. Маркс писал о возможности «соединения обучения и гимнастики с физическим трудом, а следовательно, и физического труда с обучением и гимнастикой»². Что касается будущего общества, то «эта связь будет не только методом повышения общественного производства, но и единственным методом создания всесторонне развитых людей»³. Таким обра-

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 23, с. 353.

² Там же, с. 494.

³ Там же, с. 495.

зом, сознательная перемена деятельности, по мысли К. Маркса, в будущем коммунистическом обществе с необходимостью должна пронизывать все развитие личности, объединять собой рабочее и вне рабочее время.

В. И. Ленин также связывал развитие личности с переменной деятельности. «Важно распределить правильно занятия,— писал он,— ...разнообразить их: перемена чтения или работы — с перевода на чтение, с письма на гимнастику, с серьезного чтения на беллетристику — чрезвычайно много помогает. Иногда ухудшение настроения зависит просто от утомления однообразными впечатлениями или однообразной работой, и достаточно бывает переменить ее, чтобы войти в норму и совладеть с нервами»⁴. «Молодежи,— говорил В. И. Ленин,— особенно нужны жизнерадостность и бодрость. Здоровый спорт — гимнастика, плавание, экскурсии, физические упражнения всякого рода,— разносторонность духовных интересов, учение, разбор, исследование, и все это по возможности совместно... В здоровом теле здоровый дух!»⁵

В обыденном сознании укоренилось представление, что «просто» отдых⁶ — это такое состояние покоя или рода деятельности, которое сопровождается снятием утомления и восстановлением работоспособности организма⁷. При таком понимании отдых во все эпохи традиционно связывался с простым воспроизводством растроченных сил, возвращением работоспособности организма к исходному уровню. Подобные представления имели свои объективные основания. Вот отличительные особенности отдыха, характерные в истории народов: перерыв в работе, переход от основной деятельности к второстепенным занятиям с восстановлением сил до исходного уровня, небольшие затраты энергии, связанные либо с пассивным состоянием (лежание, сидение), либо с переменной деятельности. Такой отдых обычно возвращает человека к исходному уровню, но не дает прироста физических и психических сил. Следует сказать, что за многие века накопилось огромное количество разнообразных видов отдыха; как многообразны человеческие профессии, так и многочисленны досуговые занятия. Длительное время они в известной мере удовлетворяли потребности общественного развития.

Отдых всегда был перерывом в работе и воспринимался как личное дело каждого. В определенной степени он совпадал со временем удовольствий и развлечений. Исторически труд и

⁴ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 55, с. 209.

⁵ Ленин о молодежи. М., 1935, с. 189.

⁶ В толковом словаре В. Даля читаем: «Отдых — отдыхать, отдохнуть, покоиться после трудов, дать себе роздых, ничего не делать, уставши сидеть, лежать или стоять, собираясь с силами...» (Даль В. Толковый словарь. М.—СПб., 1881, т. 2, с. 722).

⁷ Словарь современного русского литературного языка. М.—Л., 1959, т. 8, с. 1358.

отдых были разными сторонами приложения способностей субъекта, напряжением физических и духовных сил, с одной стороны, расслаблением, покоем — с другой.

Сегодня человек оказался перед необходимостью устранения диспропорций в собственном развитии, приспособления к неблагоприятным результатам своей деятельности (например, загрязнению окружающей среды), избавления от отрицательных наследственных признаков, освоения новой природной среды (космос, океан, глубины земли), овладения большим объемом знаний. Поэтому он вынужден обращаться к неиспользованным резервам физических и психических сил, которые в комплексе не мог использовать в прошлом.

Угнетенные классы не имели реальной возможности гармонично развивать свои способности. От них требовалось лишь развитие физических качеств. Поэтому досуг, как правило, ограничивался физическим отдыхом. Нешадная эксплуатация приводила к ранней смерти. Известно, что античная «цивилизация досуга» была культурой господствующего класса, в которой не было места угнетенным. «Нет досуга для рабов», — возвещало древнее изречение. В эпоху средневековья отдых трудящихся масс сводился к физической регенерации под контролем государства и церкви. Досуг господствующих классов был наполнен гимнастическими и специальными упражнениями в целях военно-прикладной подготовки. В капиталистическом обществе у трудящихся появляется свободное время, которое могло бы стать простором для развития личности. Но эта возможность реализуется, как правило, утилитарно. Возродившийся спорт используется не как средство отдыха и физического развития. Капитал превращает спортивную деятельность в средство эксплуатации трудящихся масс, отвлечения их от классовой борьбы. Спорт служит развлечению, создает иллюзию проявления индивидуальности в обезличенном капиталистическом мире. Профессиональный спорт калечит жизнь людей. Господствующие классы имели реальные возможности более пропорционального формирования своих физических и духовных качеств, что уже само по себе увеличивало продолжительность жизни. Их досуг отличался большим разнообразием и включал в себя физический и интеллектуальный отдых.

В условиях социализма по мере усложнения материального производства, соединения умственного и физического труда все более нарастает необходимость в рациональном развитии физических и психических способностей человека, необходимых ему для трудовой и досуговой деятельности. В соответствии с изменяющимися условиями личность вынуждена искать в отдыхе эффективные средства восстановления своих сил.

Феномен активного отдыха был открыт И. М. Сеченовым, поставившим в 1903 году ряд экспериментов. В одной серии опытов рука (например, правая) совершала движения, которые

записывались на эргографе. Через некоторое время, когда возникала усталость и амплитуда движений снижалась, делался перерыв, после чего работа совершалась вновь. По амплитуде движений можно было судить о том, как восстанавливалась работоспособность после пассивного отдыха. В другой серии опытов, во время отдыха работу производила другая, до этого не работавшая рука. Как видно, отдых был активным. Оказалось, что работоспособность индивида восстанавливалась быстрее и с превышением исходного уровня, чем после пассивного отдыха⁸.

В 30-е годы советский физиолог М. Я. Маршак впервые ввел термин «активный отдых». На основании серии опытов он показал, что активный отдых не только ускоряет восстановительные процессы в организме человека, но и делает это с превышением исходного уровня, что создает основу для последующего развития тех или иных качеств человека. В этом заключается его физиологическая ценность. Нагрузка при любой деятельности вызывает утомление, которое временно снижает функциональные возможности организма. Это и есть основной раздражитель для процессов приспособления, которые преимущественно осуществляются с помощью отдыха. Здесь происходит не просто воссоздание использованных источников энергии, а восстановление (в биохимическом процессе) с превышением исходного уровня. Такая сверхкомпенсация составляет основу повышения функций и достижений той или иной деятельности.

Физиологи и психологи доказали, что в процессе перехода от умственной деятельности к физической восстанавливаются с превышением исходного уровня такие характеристики умственной работоспособности, как внимание и память. И, наоборот, при переходе от физических занятий к умственным быстрее воспроизводятся такие физические качества, как сила и выносливость. Таким образом, рациональная перемена деятельности в отличие от «просто» отдыха восстанавливает силы человека выше первоначального уровня и делает это гораздо быстрее, давая тем самым и экономию времени, и более эффективные возможности для перестройки организма в новых условиях. Создается своеобразная предпосылка дальнейшего развития физических и психических сил человека.

Нет сомнения в том, что идея перемены деятельности, заложенная в «эффekte Сеченова», может быть использована при социальном анализе отдыха. И действительно, чередование занятий, восстанавливающих и развивающих силы человека, имеет глубокий общественный смысл. Оптимальная длительность, интенсивность, последовательность обеспечивают высокую результативность усилий индивида в регулировании своей деятель-

⁸ См. об этом: *Фарфель В. С., Коц Я. М. Физиология человека. М., 1970, с. 306.*

ности, умении разумно тратить время на рациональное восстановление и развитие сил организма.

В отличие от отдыха «просто» активный отдых имеет более ограниченный набор видов занятий, хотя и включает в себя традиционно связанные с восстановлением сил. Уже в самом термине видится направленность на активные действия человека. Такой отдых означает не просто перемену занятий (отдых от чего-то), но заключает в себе новое качество. Он воспроизводит силы человека с превышением исходного уровня. Последнее осуществляется в результате чередования занятий — физической и психической деятельности.

Специфика активного отдыха — в целенаправленном выборе соответствующих средств активности. Однако требуется ее определенная мера в последующей деятельности, закрепляющая эффект восстановления и переводящая его на качественно новую ступень — развитие. Таким образом, для более конкретной постановки проблемы можно исходить из того, что активный отдых отличается от отдыха направленностью действий, мерой активности, эффективностью.

Активный отдых регулирует определенные стороны общественных отношений. В материальных отношениях мы выделяем воспроизводство физических и психических сил человека. В свое время Ф. Энгельс говорил, что «согласно материалистическому пониманию, определяющим моментом в истории является, в конечном счете, производство и воспроизводство непосредственной жизни...»⁹ Но физические качества человека формируются сегодня не только в труде (в силу изменения его характера — все в меньшей степени), также в процессе занятий физкультурой, выступающей средством активного отдыха. Физические занятия опосредствуют преобразование человеком и собственной природы. Развитие физических качеств неотделимо от результатов повседневной практики. Материализуясь в трудовой деятельности, эти качества оказывают решающее влияние на формирование и совершенствование всех других способностей общественного человека, в том числе и на его духовное начало.

Итак, существует особая сфера нашей жизни, связанная с физическим и психическим воспроизводством человека как природного и социального существа. Здесь формируются наиболее общие способности как потенциальные возможности трудовой, образовательной, культурной и социальной активности вообще. В свою очередь, есть и обратная зависимость, когда совокупные затраты физических и психических усилий человека во всех сторонах жизнедеятельности образуют ту норму общественно необходимого физического и психического здоровья, которая постоянно воспроизводится посредством специальной деятельности. Сказанное позволяет сделать предположение о

⁹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 21, с. 25—26.

существовании по крайней мере двух показателей восполнения физических и психических сил, качественно не сводимых друг к другу. Первый связан с воспроизводством способности к высокопроизводительному труду. Второй означает расширенное воспроизводство сил, создающее условие для усвоения общечеловеческой культуры как самоцели.

В первом случае труд и отдых жестко связаны между собой. Рабочее время определяет специфику свободного времени. Последнее рассматривается личностью как перерыв в работе, необходимый для восстановления израсходованных сил. Индивид ограничивает круг своих интересов в основном профессиональной деятельностью и подготовкой к ней. Такой тип самосознания быстро усваивает стандартные формы отдыха, принятые в данной среде.

Во втором случае воспроизводство происходит на более высоком уровне, определяемом всем богатством социальной жизни. Активность человека выходит за рамки его профессиональных интересов и поднимается до степени овладения общечеловеческими способностями в приспособлении к окружающим условиям. Все накапливаемое общественным опытом в области физических и психических особенностей воспринимается человеком как социальное наследование. Очевидно, что способность человека к культурной эволюции во многом определяется непосредственными условиями жизни, в ходе которой подвергаются преобразованию и дальнейшему разворачиванию природные биологические черты. Изменение границ физических и психических особенностей, осуществляемых наиболее одаренными представителями человеческого рода, влияет на формирование общественных идеалов, оказывая, например, стимулирующее действие на занятия спортом значительного числа людей. В данном случае формируется тип самосознания, нацеленный на усвоение высших образцов человеческой культуры. Стихийное поведение в отдыхе, характерное для первой группы людей, здесь заменяется сознательным творчеством.

В наше время совершенно необходимо предусматривать формирование и совершенствование общих способностей до нужного уровня физического и психического. В противном случае могут возникнуть явления негативного порядка, отрицающие подлинные общественные идеалы и заменяющие их суррогатами. Увы, большое распространение сегодня получила прикладная физическая подготовка, призванная ускорить профессиональную адаптацию работников. На деле нередко эти «ускоренные курсы обучения» оказываются искусственным заменителем разностороннего развития физических и психических качеств. При острой потребности улучшения здоровья, недостаточной эффективности традиционных видов отдыха индивидуальное регулирование может преобладать над общественным. И действительно, социологи отмечают у людей в возрасте

35—50 лет преобладание самостоятельных занятий физической культурой, йогой, психотренировкой. Но именно среди этих категорий населения наблюдается увеличение смертности от сердечно-сосудистых и нервных заболеваний. Не является ли это своеобразной платой за стихийность отдыха?

Противоречие между всевозрастающей потребностью в дальнейшем совершенствовании физических и психических способностей человека, с одной стороны, и недостаточной эффективностью отдыха — с другой, тормозит дальнейшую социальную и биологическую эволюцию общественного индивида. Природное и социальное в человеке под влиянием этих противоречий переплетаются достаточно сложно — от чрезмерного увлечения активным отдыхом до фактов обратного порядка. На практике мы видим своеобразные переливы общественного сознания от стихийной борьбы за здоровье до отрицания общечеловеческих идеалов физического совершенства.

Можно ли говорить о существовании активного отдыха как особой формы жизнедеятельности общества? Приведем несколько аргументов в пользу такой постановки вопроса. Биологическая необходимость активного отдыха связана с определенной исторически обусловленной нормой жизнедеятельности человека. Его организм формировался на протяжении многих миллионов лет биологической эволюции и сегодня требует для нормального функционирования 1200—1300 килокалорий на мышечную работу. Согласно данным физиологии современный горожанин ежедневно затрачивает мускульной энергии вдвое меньше, чем это необходимо для здоровья. С этой точки зрения активный отдых призван обеспечить биологическую норму здоровья.

Продолжая разговор в этом направлении, можно заметить, что философы, психологи и физиологи обращают внимание на расхождение между недостаточной физической активностью (гиподинамия, физическая детренированность) и чрезмерным психическим и умственным напряжением человека, выходящим за его физиологические границы. Снять эти диспропорции, обеспечить более гибкое сочетание физического и психического, а также поднять уровень соответствующих способностей личности — задача активного отдыха.

Говоря о его социальной стороне, можно отметить связь с трудовой деятельностью в современном производстве. Переход от механизированной системы к автоматизированному производству прямо или опосредованно влияет на эволюцию быта, культуры и свободного времени. Применительно к отдыху это означает необходимость а) более ускоренного восстановления сил, израсходованных в процессе производства; б) расширенного воспроизводства; в) гармонического сочетания физических и психических сил в развитии личности.

Итак, приближаясь к социальной сущности активного от-

дыха, мы определяем его как средство достижения оптимальной меры социального и биологического в человеке. С одной стороны, это деятельность по совершенствованию его живой природы, с другой — условие успешной социальной активности. Имеются разные точки зрения относительно устранения диспропорций в природной и социальной организации человека. Широко известен тезис «приспособить машину к человеку». В этом усматривается проявление гуманизма. Вряд ли это так. При таком подходе затеняется идея необходимости дальнейшей осознанной социальной и биологической эволюции человека. Волей-неволей человек остается придатком машины, хотя и приспособленной к его «неизменной» природе. Очевидно, следует идти в ногу с научно-техническим прогрессом, совершенствуя свои способности. Мы считаем, что это объективная закономерность.

Вместе с тем совершенствование человеческих сил не беспрельдно. Люди не могут бесконечно состязаться с машиной. Сегодня более актуальна задача развития живой человеческой природы, а не приспособления ее к технике. Исследования советских ученых показывают, что обычно человек (не спортсмен) в процессе ежедневной деятельности затрачивает только 6—8 % своей физической и примерно столько же психической энергии. Постоянное восстановление жизненных сил на таком низком уровне тормозит общее развитие, создает искусственное противоречие между техническим прогрессом и живой человеческой природой. Увеличение запаса прочности человека за счет использования нераскрытых возможностей, внутренних резервов роста — серьезная задача, решить которую можно с помощью активного отдыха. Отсюда и вытекает необходимость интенсификации отдыха как средства сознательной эволюции, целенаправленного формирования природной и социальной организации человека. Прежде всего это надо решать с помощью отдыха, призванного «исправить» специализацию труда и вместе с тем повысить до оптимальной величины затраты человеческих сил.

Продолжая разговор о сущности активного отдыха, подчеркнем, что потребность в восстановлении сил исторически формировалась в тесном сочетании с трудом. Более развитому труду соответствуют и более развитые формы отдыха. Сегодня просто немыслимо рассматривать активный отдых как перерыв в работе, как покой. Снижение норм расходования физической энергии характерно и для труда, и для быта. Следовательно, дополнительные усилия нужны и той и другой сфере. Причем, сегодня, как это ни парадоксально, человек вынужден затрачивать больше энергии в процессе отдыха, чем в некоторых видах производства. Дальнейшее совершенствование человека потребует еще большего напряжения в свободное время.

Активный отдых ускоряет социальное развитие человека. Он

выступает катализатором общественного прогресса, ибо несет в себе зародыш живой самодеятельности масс. Известно, что именно в свободное время люди чувствуют себя раскованно. Активный отдых внутренне присущ деятельной натуре человека, ибо он будит многие дремлющие в нем силы, рождает новое знание и умение. А психические занятия? Под их влиянием растет способность человека глубже чувствовать и переживать, понимать других людей, усваивать больший объем информации. Воображение, психическая активность не менее важны, чем знания. Воображением проникнуты все стороны жизни людей, это источник творчества. Человеческие страсти формируют отношение к миру. Переживания утверждают истину, добро, красоту.

Все сказанное позволяет утверждать, что социальная сущность активного отдыха — в воспроизводстве физических и психических сил человека, в соединении отдыха и развития, в формировании более гибкого равновесия социального и биологического. Воспроизводство человеческого фактора в отдыхе — форма жизнедеятельности общества и вместе с тем один из универсальных способов освоения мира, наконец, важная сторона целостной жизнедеятельности самого субъекта.

Обратимся теперь к содержанию активного отдыха. Под ним следует понимать определенные общественные отношения по поводу воспроизводства человека, исторически обусловленной меры его развития, совокупность физической и психической деятельности. Содержанием является как естественная деятельность (начиная от ходьбы, бега, передвижения на лыжах и кончая чтением, просмотром телепередач, общением), так и специальные физические и психические занятия, связанные с тренировкой (искусственные физические упражнения, спорт, самовнушение, аутотренинг). Мы полагаем, что содержание активного отдыха можно рассматривать на уровне конкретного человека, социальных групп, общества в целом. В жизни индивида он всегда детерминирован конкретной деятельностью и потребностями. Когда речь идет о больших группах людей, активный отдых выступает как достижение определенной нормы развития, безотносительно к конкретным видам деятельности.

Достижение данных норм позволяет успешно овладевать многими занятиями, включая перемену труда, переходить, скажем, из одного климатического пояса в другой, адаптироваться к качественно отличной от земной среде (космос, океан).

Социальный механизм развития человека можно рассматривать через отношение к культуре. К. Маркс различал две формы потребления культуры — производственную и индивидуальную: «...производственное потребление тем отличается от индивидуального потребления, что в последнем продукты потребляются как жизненные средства живого индивидуума... Поэтому про-

дукт индивидуального потребления есть сам потребитель, результат же производственного потребления — продукт, отличный от потребителя»¹⁰. Значит процесс индивидуального потребления меняет самого человека, для которого культура общества становится собственным достоянием и который присваивает общественные способности, заключенные в продуктах материальной и духовной культуры в целях развития своих талантов. Разные способы потребления суть разные результаты развития.

Но практика дает нам многочисленные примеры функционального отношения к культуре, а оно не выводит за границы системы «труд — отдых». В этом случае, как мы говорили ранее, отдых рассматривается как перерыв в производственной деятельности. Восстановительные процессы совпадают с удовлетворением потребности в развлечении, получении удовольствий, усвоением определенного минимума информации. Все это, как правило, не выходит за рамки сложившихся стандартов культурной деятельности, принятых в данной социально-профессиональной группе. Одинаковые формы поведения не означают буквального физического и психического равенства, ибо каждый индивид развивается в присущем ему направлении. Подобная индивидуальность еще не ведет к совершенствованию способностей до уровня активной социальной силы и, как правило, не идет дальше подготовки к профессиональной деятельности.

Восстановление — это такой отдых, когда соответствующие способности индивидов выступают как нереализованные возможности социального и биологического развития. Развитие принципиально исключает случайные факторы, стихию и... моду. Оно предполагает осознанное усвоение лучших образцов человеческой культуры. Следовательно, развитие есть такой отдых, когда соответствующие способности индивидов выступают как реализация потенциальных возможностей социального и биологического совершенствования, когда совпадают объективные условия жизни с субъективным фактором. Диалектическое противоречие между восстановлением и развитием составляет содержание активного отдыха, направленное на изменение природной и культурной организации субъекта. Отсюда и некоторые противоречивые особенности содержания активного отдыха, характерные для современного общества. Прежде всего это большая трата времени на отдых. Существуют исторически сложившиеся нормы физического и психического развития человека, которые посредством чередования деятельности и специальной тренировки переводятся в конкретное социальное поведение больших групп людей. В этом и состоит социальный

¹⁰ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 23, с. 195.

механизм активного отдыха. По характеристике непосредственной деятельности — ее распространенности, длительности, интенсивности — можно судить о соответствующем уровне развития способностей человека в производстве и потреблении культурных ценностей. Если эти исторически сформировавшиеся нормы применить к воспроизводству физических и психических сил человека, то, как отмечают советские социологи, на отдых, развлечение и получение информации тратится в различных социальных группах от 60 до 80 % свободного времени.

Подобные затраты времени и сил слишком велики, чтобы можно было объяснить их, как это делает ряд исследователей, только пассивностью, возросшей инертностью индивидов. Очевидно, происходит удлинение периода восстановления сил и соответственно уменьшаются временные затраты на развитие физических и психических качеств. Такие изменения в жизнедеятельности отрицательно сказываются на формировании человека. К сожалению, растет число школ для детей с умственными и физическими отклонениями. Ученые отмечают увеличение аномалий у людей зрелого возраста: чувство бессилия перед собственной природой, перенос веры на медицину и новую технику. Социологи и физиологи констатируют уменьшение двигательной активности почти во всех социальных группах населения. Изменения в материальной жизни, физических нагрузках и психическом складе фокусируются как диспропорции в развитии человека, как социальная и биологическая аритмия, как возрастающие трудности управлять самим собой. Не умаляя универсальных приспособительных возможностей человека, отметим, тем не менее, что способность адаптироваться к новым условиям жизни ограничена, зависит от реальной среды и не дается человеку в готовом виде. Обратим внимание в этой связи на то, что существуют значительные колебания между различными группами в длительности и интенсивности деятельности, например физической. На одном полюсе — уменьшение двигательной активности, отставание в физическом развитии (четверо из пяти обычно не могут без специальной подготовки выполнить нормативы ГТО). На другом — значительные физические нагрузки. Представители «большого спорта» на тренировках затрачивают мышечной энергии в 6—7 раз больше, чем это необходимо для нормальной жизнедеятельности организма.

Социологи и психологи в связи с ускорением научно-технического прогресса ставят вопрос о некотором избытке физических и психических сил человека по отношению к требованиям современного производства и быта¹¹. Соглашаясь с подобным мнением в принципе, вместе с тем заметим, что никакой запас

¹¹ См.: Каган М. С. Человеческая деятельность. М., 1974; Философские проблемы биологии. М., 1973; Философские проблемы теории адаптации. М., 1975; и др.

адаптированности сам по себе не дает достаточно надежных гарантий сохранности даже физического здоровья людей.

Таким образом, социальная значимость активного отдыха в том, что он изменяет характер отдыха вообще (возрастает длительность и интенсивность), преобразует его структуру (четко разграничивает два элемента — физический и психический), наполняет его новым содержанием (в диалектике восстановления и развития акцент переносится на второй момент), наконец, формирует новую сущность (целенаправленное преобразование, воспроизводство до определенного уровня развития живой человеческой природы).

Механизм активного отдыха — перемена деятельности, предполагающая умение чередовать формы отдыха, переходить от одних занятий к другим. Одним из сущностных моментов перемены деятельности современного человека пока остается совпадение трудовой и досуговой направленности в его формировании: физический труд предполагает и физический отдых, умственный труд — психические занятия. Это соответствует периоду, когда специализация труда преобладает над политехнизацией. Другими словами, перемена деятельности в отдыхе еще сама по себе не способствует развитию всесторонности личности, но лишь закрепляет закон разделения труда.

Перемена деятельности становится объективным процессом в интересах развития человека как самоцели, связывая между собой многие стороны жизни людей. Так, активный отдых дает зарядку для трудовой деятельности и одновременно служит разрядкой от нее: восстановление сил — разрядка от труда, развитие — зарядка для труда.

Активный отдых и есть подготовка и одновременно сама деятельность, связанная с физической и умственной работой. Перемена деятельности не означает беспрестанной смены занятий. Перемена деятельности не есть отмена любимых видов отдыха в пользу возможно большего набора занятий. Она заключается в готовности личности в случае необходимости к переключению своей активности в иные формы отдыха.

Итак, традиционное понимание отдыха как занятий физкультурой устарело, ибо нервно-психическая сфера, связанная с эмоциональным и волевым миром человека, не всегда восстанавливается в процессе физических занятий. Активный отдых — это социальный механизм регулирования физического и психического воспроизводства и развития человеческих сил путем целенаправленной перемены деятельности. Его социальная значимость — в сочетании отдыха, восстановления и развития, в соединении труда и досуга в единую жизнедеятельность, в ускорении развития личности. Социальная практика подсказывает иные формы повышения общественной и биологической активности человека. Активный отдых и является ступенькой в дальнейшем возвышении человека.

Зависимость категориального аппарата социальной науки от изменения ее объекта (на материале политэкономии социализма)

Одной из наиболее сложных проблем исследования категориального аппарата философского и научного знания является выявление и обоснование его стабильности или изменчивости в ходе изменения самого объекта. Далеко не каждое изменение объекта влечет за собой существенные сдвиги в категориальном аппарате характеризующей его науки. Однако определенного рода изменения объекта обязательно и закономерно сопровождаются радикальными изменениями категориального аппарата. Особенно сложно эта проблема выглядит применительно к социальному знанию.

Очевидно, есть смысл попытаться найти закономерности взаимной связи изменения объекта и характеризующего его категориального аппарата соответствующей науки. Сомнительно, чтобы такую задачу можно было сразу решить в общем виде. В данной работе мы пытаемся начать с анализа этой взаимосвязи применительно к одной конкретной науке — политической экономии.

* *
*

Логика построения категориального аппарата политической экономии была исследована К. Марксом в «Капитале». Методология, примененная здесь К. Марксом, достаточно широко используется в философской и политэкономической литературе. Неоднократно предпринимались попытки применить методологию выведения категорий политэкономии в «Капитале» К. Маркса к анализу категориального аппарата политэкономии социализма. Однако пока нельзя говорить о том, что эта задача в политэкономии социализма уже решена.

Простое сравнение категориального аппарата политэкономии капитализма и политэкономии социализма свидетельствует о том, что пока логичность и строго обозначенная системность категориального аппарата политэкономии капитализма вполне очевидно стоит на порядок выше аналогичного аппарата политэкономии социализма. Нет недостатка в усилиях уравнивать их по степени обоснованности, логичности, системности, однако эти усилия, как это можно видеть, пока не привели к окончательному достижению поставленной цели.

Как нам кажется, в качестве главных причин неполноты:

достигнутого пока результата применения методологии «Капитала» к построению политэкономии социализма могут быть названы, во-первых, неполное, недостаточно последовательное, ограниченное использование всей совокупности методологических посылок, примененных К. Марксом для анализа экономических явлений капитализма; во-вторых, нечеткое разграничение **общеметодологического** (общесоциального) и **конкретно-исторического** (формационного), содержащегося в анализе К. Марксом экономических явлений капитализма; в-третьих, известного рода недооценка **историчности** самого категориального аппарата науки политэкономии.

В характеристике методологии познания, примененной К. Марксом в «Капитале», порой необоснованно абсолютизируется лишь метод восхождения от абстрактного к конкретному. Значение метода восхождения от абстрактного к конкретному для анализа экономики капитализма в «Капитале» К. Маркса достаточно очевидно, и нет никаких оснований для пересмотра оценок его роли в классической и современной литературе. Однако марксистская методология исследования политической экономии капитализма все же не может быть сведена только к методу восхождения от абстрактного к конкретному, описывающему **процесс** познания. Методология познания марксистской политэкономии — диалектико-материалистический метод в целом, а не какая-либо его часть.

В каждой конкретной социальной науке какие-либо отдельные стороны диалектико-материалистической методологии познания могут быть выпячены, подчеркнуты. Кроме того меняется конкретно-историческая ситуация, в которой находится данная наука, меняется характер проблем, решаемых данной наукой на данном этапе ее развития, и, соответственно, могут меняться какие-то аспекты диалектико-материалистической методологии познания, выпячиваемые на первый план. Но методология познания в конечном счете остается в принципе общей, целостной, неразделимой, что вытекает из ее собственной сущности. Историзм акцентов на той или иной составляющей метода познания не меняет общей структуры этого метода, общих принципов применения его именно как **целого**.

Характеризуя восхождение от абстрактного к конкретному как необходимую и завершающую ступень процесса познания реальности, неправомочно выпускать из виду методологические принципы познания иного плана, диалектически трактующие внутренние свойства познаваемых объектов, характер связи элементов в этих объектах, характер развития объектов познания. В частности, для понимания того метаморфоза, который претерпевает категориальная характеристика экономических отношений при переходе от капиталистической экономики к социалистической, наиболее существенное значение сейчас имеют, по нашему мнению: а) представление о **противоречии** как

наиболее глубокой характеристике **сущности** любого экономического явления, о **самопротиворечивости** экономических отношений как всеобщей и обязательной основе их развития; б) представление о **генетическом** как предпосылке и основании **структурного**, представление о структурном как воспроизведении в снятом виде генетического; в) представление о **высшем** как ключе к пониманию сущности **низшего**. Эти элементы диалектико-материалистической методологии, конечно, тоже не исчерпывают ее, однако имеют в данный конкретный момент развития политекономии социализма особенно важное значение для решения одной из ее ключевых проблем — проблемы построения ее системного, целостного категориального аппарата, отражающего адекватно в своем развитии процесс развития самого объекта.

Особенностью анализа категориального аппарата политекономии капитализма К. Марксом является тот факт, что во всех случаях категории вводятся в научный оборот как характеристика противоположностей в том или ином диалектическом единстве: например, потребительная стоимость и стоимость предстают перед читателем как диалектически единые и противоположные стороны товара — элементарной «клеточки» капиталистических отношений и т. п. Взаимоотношение парных категорий — противоположных сторон единого — никогда при этом не трактуется как некая симметрия или как равновесие, наоборот, противоречивое единство парных категорий всегда асимметрично, поскольку в реальном процессе самодвижения одна из противоположностей всегда доминирует¹: например, в единстве «товар» доминирует и определяет характер самодвижения объекта противоположность, обозначенная категорией «стоимость»². Наконец, каждая из парных категорий в свою очередь может быть представлена как противоречивое единство другой пары категорий более «низкого» уровня. Одновременно и каждое данное диалектическое единство парных категорий образует какую-то категорию более «высокого» уровня. Категории стоимости и потребительной стоимости в контексте политекономического анализа К. Маркс не исследует по их внутренней структуре. Однако не делает этого лишь по той причине, что в политекономическом анализе капитализма именно категория товара обозначает наиболее всеобщее, наиболее

¹ Идея «асимметричности» диалектического противоречия высказывалась рядом советских философов. Фактически она прямо восходит к известному высказыванию Ф. Энгельса: «Противоположность, — если вещи присуща противоположность, то эта вещь находится в *противоречии* с самой собой...» (Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 20, с. 640).

² «Форма стоимости продукта труда есть самая абстрактная и в то же время наиболее общая форма буржуазного способа производства, который именно ею характеризуется как особенный тип общественного производства, а вместе с тем характеризуется исторически» (Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 23, с. 91).

абстрактное и наиболее элементарное его отношение³. Вместе с тем сама категория «товар» выступает в качестве одной из противоположных сторон в структуре таких диалектических единств, как товарное обращение, капитал и др.

Категориальная система политэкономии капитализма, таким образом, характеризуется как оппозиция единых в своем основании противоположностей в каждом элементе системы, как диалектический переход внутреннего противоречия каждого элемента системы во внешнее, когда характеризуется его связь с другим элементом и т. п. Сущность каждой категории раскрывается прежде всего через ее внутренние противоречия, через способ разрешения этих противоречий, через связь данного противоречия с другими категориями, т. е. как анализ противоречивого единства более высокого порядка. Развитие системы в целом и ее подсистем всех уровней раскрывается как следствие развертывания и разрешения ее противоречий, как движение самопротиворечивых объектов. Отображение в исследовании движения, развития всей этой самопротиворечивой системы отношений и образует главный элемент внутреннего содержания восхождения от абстрактного к конкретному в исследовании Марксом капитализма, в построении характеризующей его системы категорий⁴.

Столь последовательного применения диалектического метода для политэкономии социализма мы пока не находим в специальной литературе. А попытки построить в политэкономии социализма систему восхождения от абстрактного к конкретному, не представив одновременно эту систему как противоречивую связь самопротиворечивых элементов, по нашему мнению, заведомо обречены на просчеты принципиального характера⁵. Социалистической системе общественных отношений (в том числе, конечно, и экономических) не свойственны сущностные антагонизмы, как это было во всех социальных системах, базировавшихся на эксплуатации. Однако игнорировать — явно или в скрытой форме — основополагающий принцип познания сущего через сущностные противоречия объекта было бы принципиальным упущением в методологии.

³ Э. В. Ильенков характеризует метод восхождения от абстрактного к конкретному, как «...метод выведения понимания явлений из их всеобщей сущности» (Ильенков Э. В. Диалектика абстрактного и конкретного в «Капитале» Маркса. М., 1960, с. 281).

⁴ «Марксистская теория диалектики предлагает обоснованную анализом огромного исторического опыта всеобщую форму для всякого проблемного содержания — универсальную форму проблемности. Такова, как известно, именно категория противоречия» (Батищев Г. С. Категория противоречия и ее мировоззренческая функция. — В кн.: Диалектическое противоречие. М., 1979, с. 44).

⁵ «Именно диалектическое противоречие образует принцип превращения абстрактного в конкретное и соответственно рационального синтеза конкретного как познанного...» (Батищев Г. С. Противоречие как категория диалектической логики. М., 1963, с. 109).

Не менее важное значение при построении категориального аппарата политекономии социализма имеет рассмотрение того свойства реальной экономической системы, которое можно назвать ее «генетическим вектором».

«Генетическим вектором» системы (в данном случае — экономической отношений) мы называем характер ее формирования в реальной истории, который обуславливает ее структурные свойства, ее **системные качества**⁶. Логический анализ системы, построение категориального аппарата соответствующей науки вполне закономерно отображает характер ее генезиса, ее структурных свойств⁷.

«Генетический вектор» экономической системы капитализма характеризуется формированием ее как целого в процессе развития, самодвижения простого товарного производства. Экономическая система капитализма как бы **интегрируется** из элементарных исходных элементов, из «экономических атомов». На какой-то ступени этого интегративного процесса мы сталкиваемся уже с новым качеством целого, если пользоваться языком методологии, с **парадоксом развития**.

В структуре капиталистической экономики эта специфика формирования капитализма выразилось в том, что его исходным пунктом выступает товар — «экономический атом», микро-частица капиталистического экономического целого. Именно товарная форма продукта или форма стоимости товара — наиболее элементарная, наиболее абстрактная, наиболее всеобщая категория товарно-капиталистического хозяйства, а капитализм как целое — следствие процесса интегрирования, отправляющегося от категории товара, товарной стоимости⁸.

В отличие от капитализма, социализм возникает как некое **изначальное целое**, первоначально исторически вообще не имевшее строгой, адекватной своей собственной сущности внутренней структуры и лишь постепенно вырабатывавшее эту структуру в процессе исторического становления и развития. Социалистическая экономика представляет собой поэтому такой феномен, в котором исходным пунктом (и генезиса и, соответственно, структуры) выступает **целое**, которое в процессе структурирования системы **дифференцируется**. Причем для социализма уже не интегрирование целого из «экономических атомов» образует преимущественную тенденцию восхождения от абстрактного к

⁶ См.: Кузьмин В. П. Системное качество.— *Вопр. философии*, 1973, № 9, 10.

⁷ «Любая формальная схема только тогда и может быть достаточно жизнеспособной и эффективной логически-исходной посылкой в теоретических построениях, когда она явно или неявно содержит снятое историческое становление» (Ласточкин Б. А. Снятие исторического противоречия логическим.— В кн.: *Диалектическое противоречие*, с. 294).

⁸ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 23, с. 6.

конкретному, а, наоборот, дифференцирование абстрактного целого на более конкретные составляющие.

Надо заметить, что и то и другое системное свойство этих диалектически противоположных систем — капитализма и социализма — не следует абсолютизировать: всегда в реальных процессах интегрирование и дифференцирование образуют взаимопереходящие противоположности, однако столь же очевидно и преобладание в каждом конкретном случае либо одной, либо другой тенденции развертывания системных свойств объекта. Каждая социальная система имеет, как можно видеть, свой специфический «генетический вектор», соответственно отраженный в преобразованном, снятом виде в ее структуре, ее системном качестве. При этом понятие доминирования определенного вектора не снимает более общего положения о взаимопроникновении и взаимопереходах противоположных способов формирования системы. Само соотношение генетических тенденций (в нашем случае — интегрирования экономической системы из «экономических атомов» и дифференциация ее как целого на составляющие) представляет собой асимметричное диалектическое противоречие, в котором в одном случае одна, в другом другая противоположность доминирует. Поэтому в границах данного качества доминирование одной противоположности не может быть доведено до полного поглощения ею другой, подчиненной, противоположности.

Если анализ экономических категорий социализма, осуществленный под углом зрения выявления их внутренних противоречий, позволяет выявить специфическое историческое **содержание, сущность** этих категорий, то подход под углом зрения специфического «генетического вектора» экономических отношений социализма позволяет выявить **функцию, роль** каждой отдельной категории в восхождении от абстрактного к конкретному в анализе экономического целого. «Генетический вектор» экономических отношений позволяет нам, следовательно, представить совокупность категорий политэкономии социализма в качестве **системы**, представить себе логическую конструкцию этой системы категорий, системное качество.

Для буржуазных экономических отношений категория товара играет роль «экономического атома», поскольку эти отношения складываются, суммируются из все более усложняющихся по мере восхождения от абстрактного к конкретному форм: экономическая система как целое есть следствие интегрирования квантифицированных элементарных форм, в свернутом виде содержащих в себе все главные свойства целого.

Для социалистических экономических отношений категорию «экономического атома» невозможно вывести, поскольку она в принципе здесь невозможна: социалистическая экономика представляет собой первично-целостное

образование⁹. Сама система (и свойственный ее научному анализу категориальный аппарат) характеризуется прежде всего дифференцированием ее исходного абстрактного отношения — экономического целого. При этом более конкретные, чем целое, экономические явления (и, соответственно, категории, обозначающие эти явления) не могут быть в принципе представлены в качестве «экономических атомов» уже потому, что они по своим главным свойствам изоморфны: существенно различны в каждом конкретном случае. Свойства целого здесь не могут быть представлены как сублимация, как воплощение и развитие только внутренних свойств «экономических атомов». Наоборот, каждое конкретное отношение воспроизводит в себе как в единичном, частном, какие-то свойства всеобщего.

Общие диалектические свойства взаимосвязи всеобщего, единичного, частного всегда остаются таковыми, однако в конкретной исторической экономической системе меняется «генетический вектор» этой взаимосвязи и, соответственно, меняется характер структурирования системы экономических категорий.

Наиболее общей, т. е. наиболее абстрактной, элементарной (или простой) характеристикой производственных отношений коммунистического типа выступает свойство целого: отношение непосредственного обобществления¹⁰. Именно категория непосредственного обобществления в своей непосредственно данной форме раскрывает и историческую специфику коммунистического способа производства, и его генезис, и специфичность фаз, ступеней, этапов его развития.

Именно категории непосредственного обобществления (т. е. явлению непосредственно обобществленной экономики, общественной собственности, взятой в общем виде) присущи свойства **исходной** категории: наиболее **абстрактного** и **всеобщего** отношения; наиболее **простого, элементарного** отношения; **неразделимого, нерасчленимого** отношения.

Решение задачи дифференцирования категории непосредственного обобществления, построения логически обоснованной системы категорий на основе дифференцирования категории непосредственного обобществления и составляет, по нашему мнению, предпосылку дальнейшего продвижения вперед в по-

⁹ Эта точка зрения в свое время, в дискуссии 60-х годов об исходной категории политэкономии социализма, наиболее полно и последовательно была развита А. Аганбегяном, А. Кацем (Вопр. экономики, 1962, № 6), М. Соколовым (Полит. самообразование, 1962, № 9), К. Островитяновым (Вопр. экономики, 1964, № 9).

¹⁰ «Выделение общественной собственности как категории, определяющей характер социалистических производственных отношений, есть применение метода абстракции... От нее начинается восхождение к другим, более развитым сторонам и категориям производственных отношений социализма» (Островитянов К. Методологические вопросы политической экономии социализма.— Вопр. экономики, 1964, № 9, с. 114).

литической экономии социализма, в построении развернутой системы категорий этой науки.

Следуя логике системного анализа, описанной В. П. Кузьминым, прежде всего следовало бы выделить специфические системные свойства исходной категории исследуемой системы — категории непосредственного обобществления. Прежде чем это можно было бы осуществить, необходимо выявить внутреннюю структуру самого понятия непосредственного обобществления.

Непосредственное обобществление, т. е. отношение собственности, характеризуется (как экономическое отношение, в отличие от его юридической, правовой интерпретации):

непосредственно деятельной своей стороной, т. е. соответствующим историческим типом труда: трудом творческим, непосредственно-общественным, коллективным¹¹;

категорией **коллективности**, т. е. соответственным историческим типом отношений между людьми;

категорией **планомерности**, т. е. соответственным историческим типом организации общественного производства;

категорией **общественной потребности**, за которой стоят соответственные историческая целевая функция и главный критерий эффективности общественного производства.

Такое развертывание исходной категории политэкономии социализма соответствует развертыванию категории товара — исходной для политэкономии капитализма — в «Капитале» К. Маркса.

Если для экономики капитализма исходным системным качеством является двойственность характера труда, заключенного в товаре, в которой скрыто специфическое для товарно-капиталистической экономики антагонистическое противоречие между общественным характером производства и частной формой присвоения, то для экономики социализма ее системным качеством является двойственность иного рода: противостояние непосредственно обобществленной стороны производства и его индивидуальной стороны.

Непосредственно-общественная, доминирующая сторона этой двойственности воплощена, если говорить о конкретных функционирующих социально-экономических институтах, в государственной и коллективной собственности, взятых как целое. Индивидуальный аспект общественного производства воплощен, с одной стороны, в конкретных функционирующих формах отдельных предприятий (обособленных внутри государственной собственности в рамках хозяйственного расчета), отдельных колхозов (являющихся каждый относительно обособленным собственником), а с другой — в функционировании каждого отдельного, обособленного в силу соответственного уровня и типа разделения труда работника обобщественного производ-

¹¹ См. напр.: *Файнбург З. И., Козлова Г. П.* Становление нового исторического типа труда. — Экон. науки, 1976, № 5.

ства. Степень обособления индивидуальной стороны общественного производства не ограничивается лишь потреблением (индивидуальным уже по своему природному качеству), а доведена при социализме, что и характеризует его как первую, начальную фазу коммунистического способа производства, до определенной исторической формы **индивидуализации** отношения присвоения (хозрасчетное обособление государственных предприятий и объединений, относительное обособление колхозов как собственников, обособление личной собственности на фонды потребления работников общественного производства).

Противоречие между непосредственно-общественным характером производства и общественно-индивидуальной формой присвоения (для высшей фазы коммунизма — общественно-индивидуальной формой потребления) выступает, как мы уже пытались обосновать в наших прежних публикациях, в качестве основного экономического противоречия социализма¹².

Принципиальное изменение «генетического вектора» (и системы категорий, его выражающих) требует не только обновления категориального аппарата в соответствии с новым качественным состоянием объекта (например, введения категорий планомерности, коллективности, распределения по труду и т. п.), но и принципиального изменения содержания тех категорий, которые приходят в политэкономии социализма из политэкономии капитализма.

Присутствие в категориальном аппарате политэкономии социализма категорий товара, стоимости, денег отражает объективный исторический процесс: определенную и закономерную преемственность при переходе от капитализма к социализму. Однако эта преемственность не отражает всей полноты перехода от капитализма к социализму — она суть лишь одна из сторон **диалектического отрицания** капитализма социализмом. Другой стороной является собственно отрицание. Совершенно очевидно, что в этом диалектическом единстве преемственности и отрицания доминантное значение свойственно **собственно отрицанию**. Поэтому в системе политэкономии социализма сущность категорий, кажущихся традиционными, унаследованными, должна «выворачиваться» — превращаться в противоположность их прежней сущности.

Многие авторы видят это «выворачивание» лишь в новом соотношении этих категорий с другими, особенно новыми, специфическими для политэкономии социализма (в качестве примера такого суждения можно привести суждение о том, что товарность в условиях социализма подчинена планомерности и т. п.). Однако одно только соотношение традиционных катего-

¹² Файнбург З. К. К вопросу об основном противоречии социализма. — Экон. науки, 1966, № 6; Файнбург З., Козлова Г. Становление нового типа труда и некоторые проблемы политической экономии социализма. — Экон. науки, 1979, № 7.

рий с новыми не исчерпывает диалектического отрицания, характерного для перехода от капитализма к социализму. Должна прежде всего изменяться коренным образом — «вывернуться» — сама внутренняя сущность категории, адекватно отражающая «выворачивание» реального отношения.

В условиях социализма товарное отношение, товарная стоимость, выступает уже не только как средство сведения индивидуального к общественному, как это было ранее в товарно-капиталистическом производстве, но прежде всего в качестве средства выделения доли, веса данного конкретного участия индивидуального в общественном труде. Обе эти стороны товарного отношения, товарной стоимости присутствуют и при капитализме, и при социализме, однако взаимодействие этих сторон диаметрально противоположно по своему характеру: то, что при капитализме в товарном отношении было подчиненной стороной, стало в условиях социализма доминантной; то, что при капитализме было доминантным в отношении товарной стоимости, стало при социализме подчиненным.

Если рассматривать категории товара, стоимости, денег и т. п. в абстракции (абстрагируясь от их реального движения), то может сложиться иллюзия, что перед нами одни и те же категории, как при одном, так и при другом, качественно противоположном состоянии объекта: как при капитализме, так и при социализме. Однако такое абстрагирование сугубо условно: реальные социальные объекты (в том числе, конечно, и товарные отношения) существуют только в движении. Если же взять данные отношения именно в их реальной форме, т. е. в движении, необходимо признать как раз диаметрально противоположность самой внутренней сущности этих внешне одинаковых категорий. Доминанта отрицания (по отношению к преемственности) как раз в этой противоположности сущностей категорий и найдет свое воплощение в данном конкретном случае.

Характеристика диалектики категорий при переходе от одного качественного состояния социального объекта к другому (на примере политэкономии) была бы неполной, если не коснуться проблемы анализа тенденций изменения категорий. Ключом к определению основных тенденций развития объекта, к оценке этих тенденций является представление о низшем с точки зрения высшего, представление о менее развитом состоянии объекта с точки зрения более развитого его состояния. Этот общий постулат методологии научного анализа фактически применяется в политэкономии социализма пока недостаточно ¹³.

¹³ Постановка проблемы исследования нынешнего состояния экономических отношений социализма с позиций их более развитого состояния и попытка построения теоретической модели этого более развитого состояния образуют основное содержание нашей публикации: *Файнбург З., Козлова Г.* Становление нового типа труда и некоторые проблемы политической экономии социализма.

Весьма распространенным упущением при его применении является подмена в анализе характеристики **специфических** черт высшей фазы коммунизма характеристикой **общих** черт коммунистического способа производства в целом. Фактически при этом затушевывается именно специфика более развитого состояния, и в системе отсчета пропадает условие самой возможности такого отсчета — мысленная система координат. Следствием такой логической ошибки является либо смазывание, либо, наоборот, абсолютизация различия между содержанием исследуемой экономической категории в условиях социализма и более развитого состояния — высшей фазы коммунизма.

Типичным примером, как нам кажется, такого рода неточности может служить, в частности, рассмотрение в литературе проблемы сущности и генезиса личной собственности в коммунистическом способе производства.

Личная собственность выражает при социализме сущностную индивидуализацию труда в границах труда непосредственно-общественного. За категорией личной собственности стоит противоречивое взаимодействие непосредственно-общественной, т. е. доминантной, стороны общественного труда с его индивидуальной, т. е. подчиненной, стороной. Основанием этой противоположной взаимосвязи — одного из аспектов основного экономического противоречия социализма — является, как мы уже отмечали выше, существование в условиях социализма еще весьма значительных элементов старого разделения труда. В свою очередь эта форма разделения труда отражает явление преемственности в сфере производительных сил при переходе от капитализма к социализму: производственно-техническая база социализма по своему техническому типу (не по социальному характеру, а именно по исторической форме техники) однотипна с производственно-технической базой развитого капитализма. Именно в силу всех этих обстоятельств основная часть фонда индивидуального потребления при социализме **присваивается**, а не непосредственно потребляется. В непосредственное потребление без опосредствования индивидуальным присвоением поступает лишь та часть фонда потребления, которая обозначена в общем виде категорией «общественные фонды потребления».

Таким образом, категории **личной собственности** свойственно вполне конкретное историческое содержание. Генетической предпосылкой ее существования является не структура или характер самого по себе потребления, а историческая форма непосредственно-общественного труда, специфическая для социализма.

Здесь надо четко отличать **присвоение** от **непосредственного потребления**. Какой-либо предмет может находиться в непосредственном потреблении, не будучи предварительно присвоен. Примеры подобного разграничения этих двух отношений легко

найти, например, в этнографических данных о народах, находящихся на ступени первобытнообщинного строя. И в самой социалистической действительности мы повседневно сталкиваемся с потреблением без присвоения: потреблением образования, медицинской помощи и т. п.

Спецификой социализма является опосредствование значительной части потребления присвоением, т. е. личной собственностью. Поскольку в условиях высшей фазы коммунизма возникает в ходе НТР новая, специфическая уже только для коммунистического способа производственно-техническая база, снимающая условия существования элементов старого разделения труда, отпадает и объективная основа опосредствования потребления присвоением. Переход же к господству и преобладанию непосредственного потребления означает фактически и отрицание личной собственности¹⁴.

Между тем достаточно часто в литературе при постановке вопроса об укреплении и развитии личной собственности на этапе перехода к коммунизму категория собственности фактически трактуется как категория потребления, «натурализуется», лишается своего содержания как категория **экономического отношения**, имеющего свое историческое содержание.

С другой стороны, порой имеют место попытки уже при социализме отрицать необходимость личной собственности. В этом случае налицо иной вариант фактического отрицания исторического содержания данной экономической категории: личная собственность фактически приравнивается к частной и на этом основании трактуется в качестве несовместной с социализмом.

Задача построения гипотетических теоретических моделей развитого состояния производственных отношений, моделей буржуазного состояния этих отношений достаточно сложна и трудна в методологическом аспекте. Однако без построения такого рода теоретических моделей исследование исторического содержания категориального аппарата политэкономии социализма, по нашему мнению, попросту невозможно.

Таковы, с нашей точки зрения, некоторые актуальные методологические предпосылки исследования категориального аппарата политической экономии социализма. Только опираясь на всю совокупность методологии диалектического и исторического материализма, можно успешно решить проблему исследования специфической исторической сущности категорий политэкономии социализма и построения обоснованной системы этих категорий,

¹⁴ Представление о том, что предмет, не поступивший в личную собственность, не закреплен за своим потреблением и в любой момент может быть отчужден, в принципе неправомерно. Непосредственное потребление какого-либо продукта само по себе уже исключает возможность его отчуждения. Отчуждено может быть лишь то, что в данной ситуации выведено за пределы непосредственного потребления.

где была бы достаточно полно выявлена историческая специфичность и обусловленность их взаимных связей, осуществлен анализ процесса развития этих категорий.

Е. С. БАРАЗГОВА
Уральский университет

Преемственность поколений в развитии капиталистических общественных отношений

Проблема взаимоотношений поколений в настоящее время привлекает внимание многих обществоведов. Ее практическую актуальность трудно переоценить. Исследователи-марксисты и буржуазные идеологи подходят к освещению проблемы с противоположных методологических позиций. Цель настоящей статьи состоит в критике современного идеализма в трактовке отношений между поколениями и попытке характеристики этих отношений на различных этапах развития капиталистической формации. Ее реализация представляется нам актуальной по следующим соображениям: процесс преемственности поколений усложнился в современном буржуазном обществе в условиях развертывания НТР; попытки объяснения данного явления на Западе с позиций социально-психологического анализа не могут вскрыть его сущности¹.

Исходным понятием нашей темы является категория поколения. В современной марксистской социологии оно еще не имеет общепринятого определения. Одной из причин сложившегося положения, на наш взгляд, выступает пересечение в объекте исследования интересов демографов и социологов. Объективно поколение обладает рядом и социальных и демографических признаков, избежать известного наложения невозможно. Но у социологии и демографии различны цели анализа, подход к исследованию поколений. Поскольку демография изучает законы народонаселения, постольку ее преимущественно интересует процесс смены поколений (средний уровень рождаемости, смертности, продолжительности жизни и т. д.), социология рассматривает проблему в ином ключе — взаимодействие поколений на базе определенного уровня развития производительных сил и характера производственных отношений.

¹ В нашей работе над темой мы опирались на труды советских исследователей: *Баннов Б. Г.* Мятеж возмущенного разума. М., 1970; *Баталов Э. Я.* Философия бунта. М., 1973; *Грачев А.* Поражение или урок? М., 1977; *Яницкий Я.* Тревоги молодежи Запады. М., 1976; *Косенко Е. И.* Молодежь в современном американском обществе. М., 1977; Молодежь: НТР, капитализм. М., 1979.

Определяющим направлением взаимодействия поколений в обществе выступает преемственность. Лицо поколения, по мнению большинства советских исследователей, определяется социальными условиями его формирования и существом тех задач, которые решило оно в своей деятельности². Этот подход был выработан классиками марксизма в анализе истории и закономерностей развития революционного движения³. Определением, удачно схватывающим суть марксистского учения, представляется нам следующее: «Поколение — объективно сложившаяся социально-демографическая общность представителей данного класса (при социализме всего общества), которая характеризуется: а) общими, типичными для данного класса жизненными условиями формирования личности; б) едиными задачами по сохранению или изменению этих условий в своей практической деятельности; в) общностью доминирующих возрастных, социально-психологических и нравственных черт»⁴. Из этого определения, учитывающего первичные и вторичные признаки поколения, мы и будем исходить в дальнейшем анализе.

В современной буржуазной социологии также не сложилось однозначного подхода к определению понятия «поколение». Американский исследователь Бенгтсон выделил три его значения: 1) поколение как возрастная когорта; 2) поколение как ступень развития семьи; 3) поколение как активная социально-политическая и интеллектуальная подгруппа в обществе⁵.

Первая (демографическая) трактовка характерна для социологов, подменяющих конкретно-исторический, социологический анализ психологическим; возраст с присущими ему психическими особенностями признается фактором, детерминирующим направленность и степень индивидуальной активности. Вторая трактовка характерна для исследований, в которых анализируются взаимоотношения в семье, мобильность поколений, а выводы экстраполируются на все общество⁶. Третья трактовка стала наиболее типичной в социологии 60-х годов, отмеченных в истории развитых капиталистических стран как время «молодежного бунта». Тема конфликта, полного обновления молодежью старого мира, его ценностей господствовала в работах таких буржуазных идеологов, как Г. Маркузе, Ч. Рейч, Л. Фойер, их имена хорошо известны советскому читателю. Введение

² См.: Воловик В. И. Преемственность поколений. М., 1973; Кудрявцев С. Г. Методологическое значение ленинской трактовки понятия поколение.— В кн.: Социальная структура развитого социалистического общества и молодежь. М., 1974.

³ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 38, с. 33.

⁴ Коган Л. Н. Понятие «поколение» в теории научного коммунизма.— Научный коммунизм, 1974, № 5, с. 73.

⁵ См.: American Sociological Review, 1975, vol. 40, № 3, p. 359.

⁶ Исследования мобильности поколений в семье свидетельствуют о наличии преемственности в экономической и социальной жизни буржуазного общества.

в рассмотрение отношений между поколениями понятия «конфликт» для буржуазной социологии закономерно. В ней еще со времен О. Конта активность личности анализировали в отрыве от условий ее формирования, безотносительно к борьбе классов. Отрицание закономерности в истории сопутствовало преувеличению роли «героев» и пассивности «толпы». Сама же активность понимается как восстание духа. Все эти тенденции развития идеалистической методологии нашли свое отражение в концепции «конфликта поколений». В 70-е годы западные исследователи, однако, вынуждены были признать ее надуманность, так как эмпирические данные ее не подтверждают⁷. Но несмотря на это, преемственность поколений также не стала предметом последовательного, всестороннего изучения.

Основное содержание этапа молодости в жизни отдельного индивида и целого поколения состоит в творческом усвоении материальных и духовных ценностей, накопленных прошлыми поколениями. Именно поэтому, изучая молодежь, прогнозируя направление ее деятельности, социолог должен обратиться к анализу преемственности. Гегель рассматривал преемственность как условие развития, сторону отрицания. К. Маркс и Ф. Энгельс указывали, что преемственность вырастает на материальной основе: «Производительные силы — это результат практической энергии людей, но сама эта энергия определена теми условиями, в которых люди находятся, производительными силами, уже приобретенными раньше, общественной формой, существовавшей до них, которую создали не эти люди, а предыдущее поколение»⁸. Преемственность, во-первых, закрепляет те или другие стороны старого качества в деятельности поколения, во-вторых, выступает в качестве фактора, преобразующего действительность⁹. Преемственность поколений характеризуется общими, особенными и единичными законами. Общие выступают отражением естественной необходимости преемственности во всей человеческой истории; особенные воплощают в данном процессе уникальность общественно-экономической формации; единичные — фазы ее развития.

В качестве иллюстрации данного положения мы обратились к рассмотрению процесса в развитии капиталистической формации. Место ее во всемирной истории К. Маркс определил следующим образом: «Буржуазные производственные отношения, это — последняя антагонистическая форма общественного процесса производства...»¹⁰ Сменяющие друг друга в развитии ка-

⁷ См. подробнее: Барзгова Е. С. Эволюция социологии молодежи в США. — Социол. иссл., 1981, № 3.

⁸ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 27, с. 402.

⁹ Рамазанов В. М. Некоторые социально-психологические аспекты преемственности в формировании советского молодого поколения. — В кн.: Вопросы теории и методов идеологической работы. М., 1973.

¹⁰ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 13, с. 7.

питализма поколения наследуют производительные силы и производственные отношения. Сущность преемственности может быть, на наш взгляд, определена как воспроизводство «режима антагонизма классов» в каждом новом поколении на основе господства частной собственности и системы формально свободного труда. Проявляется сущность в особых формах в процессе развертывания буржуазных отношений.

В статье «Под чужим флагом» В. И. Ленин упоминал три эпохи развития капитализма. Первая эпоха, охватывающая отрезок истории «с великой французской революции до франко-прусской войны, есть эпоха подъема буржуазии, ее полной победы... Вторая эпоха полного господства и упадка буржуазии, эпоха перехода... к реакционному... финансовому капиталу... Третья эпоха... ставит буржуазию в такое «положение», в каком были феодалы в течение первой эпохи. Это — эпоха... империалистических, а также вытекающих из империализма, потрясений»¹¹; эпоха революций.

Содержанием первой фазы развития капитализма явилось формирование общества в единую социальную систему, единство социальных институтов, обусловленное прогрессивностью утверждающихся отношений. Происходит складывание социально классовой структуры новой формации, что имеет прямое отношение к направленности процесса преемственности. Новое поколение рекрутирует из своей среды новые господствующие и по-новому эксплуатируемые классы. Что определяло этот процесс? Потребности развития производства. В новых условиях от господствующего класса требовалась инициатива, экономическая интуиция, убеждение в законности и естественности конкуренции. Не случайно получает популярность теория борьбы за существование как способа общественного взаимодействия. Процесс преемственности поколений в этих условиях приобретает характер гонки, в которой средства к достижению победы определяются запросами времени, но «гонка» не ослабевает, а, наоборот, ожесточается по мере старения капитализма. Сравнительной статистикой мобильности в большей мере обладают США, и исследователи приходят к следующему выводу: в середине XIX века наблюдалось увеличение темпов вертикальной мобильности из низших классов в высшие, но в дальнейшем наметилось понижение их¹².

Вторая фаза развития капитализма знаменовала собой этап окостенения всей системы. В процессе преемственности определяются становятся отношения кастовости, замкнутости привилегированных социальных классов и слоев. Молодые люди вступают в жизнь с определенным социальным кодом наследо-

¹¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 26, с. 143.

¹² См.: Ben David G. Professions in the Class System of Present day Societies. Oxford, 1964, p. 282.

вания. С появлением широкой статистики западные исследователи в начале XX века с опозданием констатируют: в капиталистических странах нет явного различия гражданских и политических прав, но осталась, если не увеличивалась, экономическая пропасть между классами. Термин «каста» ассоциируется с теми классами, членство в которых определяется рождением. Все классы имеют тенденцию стать кастами¹³. На второй фазе развития капитализма обнаруживается сущность капиталистического типа преемственности.

По-особому она проявляется и в условиях империализма. Стабильность положения привилегированных классов поддерживается не только наследованием капитала, но и возможностями получения высшего образования. В начале XX века многим идеологам Запада казалось, что объективно возникшая в развитии производительных сил потребность в специалистах откроет способным людям из всех слоев общества дорогу «наверх». Пропаганда способствовала созданию иллюзии «равных возможностей». Типичное высказывание начала века: «Распространение технического образования и улучшение общего образования сильно стимулировало вертикальную мобильность населения. Время требует образования: общего, технического, коммерческого... В общем говоря, самые способные из рабочих посещают вечерние технические курсы, и лучшие из них достигают позиций менеджеров»¹⁴.

Статистика отнюдь не подтверждает этих заявлений. Данные таблицы 1 наглядно свидетельствуют: массовое распространение образования связано лишь с началом НТР, т. е. 50-ми годами XX века.

Таблица 1

Возрастные группы молодежи в системе образования Англии, %*

Возраст	Годы			
	1870	1902	1938	1962
10 лет	40	100	100	100
14 лет	2	9	38	100
17 лет	1	2	4	15
19 лет	1	1	2	7

* См.: *Gills Jh. R. Youth and History*. N. Y. — L., 1974, p. 135.

Данные таблиц 2, 3 и 4 обнаруживают следующую закономерность: обучение в старших классах школы и колледжах становится дополнительной привилегией высших и средних классов развитых капиталистических стран в условиях НТР.

¹³ См. об этом: *North C. C. Social Differentiation*. L., 1926, p. 26.

¹⁴ *Journal of the Royal Statistic Society*, 1912, vol. 75, p. 305—306.

Таблица 2

Социальное происхождение студентов и выпускников американских колледжей, %*

Занятие отца	Выпускники школы, поступившие в колледж	Окончившие колледж от числа поступивших
Специалисты	67	60
Менеджеры	50	55
Белые воротнички	48	57
Фермеры	24	44
Рабочие и ремесленники	26	58

См.: Wolfe D. America's Resources of Specialized Talent. N. Y., 1954, p. 160.

Таблица 3

Мобильность поколений в семье (США—1962 г.), %*

Степень мобильности детей	Занятие главы семьи							
	безработный, нет квалификации		квалифицир. рабочий		служащий, мелкий собственник		специалист	
	нац. опрос	контр. опрос	нац.	контр.	нац.	контр.	нац.	контр.
Поднялся	49	83	27	63	20	50	—	—
Не поднялся	51	17	19	17	30	29	47	57
Упал	—	—	54	20	50	21	53	43

* См.: American Sociological Review, 1962, vol. 27, № 4, p. 483.

Таблица 4

Образовательные достижения детей (в возрасте до 34 лет), дифференцированных по уровню образования главы семьи (США — 1976 г.), %*

Образовательный уровень детей	Уровень образования главы семьи		
	менее 12 лет	12 лет	более 12 лет
Отсев из средней школы	67,6	21,0	11,4
Выпускники средней школы	46,5	36,6	16,9
Студенты дневных колледжей	16,4	33,0	50,6

* См.: The Condition of Education. 1979. Edition. Statistical Report. Washington, 1979, p. 10.

«Революция в образовании», явившаяся объективной потребностью научно-технического прогресса, не могла изменять системы социального расслоения в развитых капиталистических странах. С одной стороны, высшее образование, став массовым, отчасти теряет свою социальную ценность, с другой — отсутствие среднего и высшего специального образования становится дополнительной преградой в продвижении выходца из низших и средних классов общества. В развертывании НТР актуальны слова К. Маркса и Ф. Энгельса: «Подобно тому как уничтожение классовой собственности представляется буржуа уничтожением самого производства, так и уничтожение классового образования для него равносильно уничтожению образования вообще»¹⁵.

На третьей фазе развития капитализма обостряются все его противоречия, и они могут проявиться в столкновении интересов поколений. Именно молодые, вступая в жизнь, испытывают на себе гнет безработицы и бесправия. Причем не спасает от угрозы безработицы и наличие диплома. Согласно данным статистики в 1976 году в США было зарегистрировано 12 % безработных среди выпускников средних специальных учебных заведений и 7,1 % — высших профессиональных школ¹⁶. Оказавшись в положении «лишних людей», юноши и девушки испытывают недоверие ко всему обществу, его ценностям. Часть молодых людей свое негативное отношение к системе переносит на старшее поколение, которое для них выступает персонифицированным выражением истеблишмента. Обострение отношений между поколениями инспирируется также правящим классом, стремящимся новым мифом о «конфликте поколений» обмануть молодежь, которая уже не может верить в легенду о «равных возможностях». Интенсификация труда открывает новые пути для создания конкуренции между работниками среднего возраста и физически сильными и выносливыми молодыми людьми. Однако представители всех возрастных групп рабочего класса и его союзников сегодня не могут не ощущать общности их положения — зависимости от класса владельцев средств производства. «Противоречие между личностью отдельного пролетария и трудом, этим навязанным ему жизненным условием, становится теперь явным для него самого, — особенно потому, что он уже с ранних лет является жертвой и что в пределах своего класса у него нет шансов добиться для себя условий, делающих возможным его переход в другой класс»¹⁷. В развитом капиталистическом обществе преемственность поколений присутствует как наследование правящим классом права

¹⁵ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 4, с. 440.

¹⁶ Опрос проводился через три месяца после окончания (The Condition of Education. 1979. Edition. Statistical Report, p. 200).

¹⁷ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 3, с. 78.

эксплуатировать большую часть своего поколения, рожденную в классе угнетенном, лишенном собственности на средства производства. В тенденции обнаруживается поляризация класса угнетателя и угнетаемого. В развитии капитализма складываются новые формы преемственности поколений, но не может измениться сущность этого процесса, так как он вырастает в системе общественных отношений данной формации.

Интересны пути преемственности в духовной жизни общества, но это составляет предмет особого исследования: каким образом сущность процесса проявляется в наследовании новыми поколениями буржуазного общества ценностей нематериальных в условиях сохранения и углубления классовых антагонизмов. Эта актуальная тема нуждается в дальнейшей разработке.

СОДЕРЖАНИЕ

От редакции .		3
Раздел 1. Деятельностный подход в формационном анализе		
Копалов В. И.	Принцип историзма в исследовании меж- формационного переходного периода .	5
Канке В. А.	Роль социального времени в деятельности человека	18
Трофимов В. К.	Всеобщий характер труда и конкретно-ис- торические формы его осуществления	26
Сесюнина И. Б.	Производительное потребление как единст- во духовного производства и потребления	36
Эйнгорн Н. К.	Взаимосвязь сознания и деятельности .	44
Жеманов О. Н.	Производительные силы в сфере научной деятельности	57
Раздел 2. Общественные отношения в формационном анализе		
Ершов Ю. Г.	Формационный синтез как закономерность развития общественных отношений . . .	68
Андреев Ю. П., Бозов Н. С.	Управленческие отношения в системе обще- ственных отношений	77
Кузнецов Н. С.	К вопросу о содержании понятия «социаль- ное»	86
Иванчук Н. В.	Формирование потребностей личности как выражение конкретности общественных от- ношений	97
Тундыков Ю. Н.	Прогресс науки и нравственные отношения	106
Орлов Г. П.	Активный отдых в развитии общественных отношений социализма	116
Файнбург З. И., Козлова Г. П.	Зависимость категориального аппарата со- циальной науки от изменения ее объекта (на материале политэкономии социализма) . .	130
Баразгова Е. С.	Преемственность поколений в развитии ка- питалистических общественных отношений	142

ФОРМАЦИОННЫЙ АНАЛИЗ В СИСТЕМЕ КАТЕГОРИЙ ИСТОРИЧЕСКОГО МАТЕРИАЛИЗМА

Редактор **О. И. Бриль**
Технический редактор **Э. А. Максимова**
Корректор **Т. С. Непряхина**

Темплан 1983, поз. 1644

Сдано в набор 10.06.83. Подписано к печати 25.11.83. НС 11202.
Формат 60×90¹/₁₆. Бумага типографская № 1. Гарнитура лите-
ратурная. Печать высокая. Объем усл. печ. л. 9,5. Уч.-изд.
л. 9,5. Тираж 650 экз. Заказ 383. Цена 1 р. 40 к.
Уральский ордена Трудового Красного Знамени государственный
университет им. А. М. Горького. Свердловск, пр. Ленина, 51.

Типография изд-ва «Уральский рабочий».
Свердловск, пр. Ленина, 49.

Вышел в свет
Межвузовский сборник научных трудов
«Специфика морали
и нравственного воспитания личности»

Объем 9 п. л. Цена 1 р. 35 к.

Межвузовский сборник исследует сущность и специфику морали и нравственного воспитания в условиях постоянного возрастания их роли в жизни общества, уточняет конкретно-исторические закономерности их функционирования и развития. Авторы анализируют некоторые актуальные теоретические и практические проблемы морали и нравственного воспитания.

Заявки направлять по адресу:
Свердловск, К-83, пр. Ленина, 51, РИО УрГУ.